

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ ССР
КАЗАХСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. С. М. КИРОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

АЛМА-АТА, 1986

Министерство высшего и среднего специального образования
Казахской ССР

Казахский Ордена Трудового Красного Знамени
Государственный университет имени С.М.Кирова

Средневековые города Южного Казахстана

Алма-Ата, 1986г.

Тематический сборник "Средневековые города южного Казахстана"
Алма-Ата, Изд.КазГУ, 1986, с.159.

В сборник включены статьи, обобщающие опыт археологических исследований, проведенных на средневековых памятниках на юге Казахстана. Эти материалы впервые публикуются в печати.

Редакционная коллегия: Шалекенов У.Х. (научный редактор),
Жаманбаев К.Ж., Асонова А.Ф., Турганбаев С.Т., Оразбаев А.М.

© - Казахский Ордена Трудового Красного Знамени государствен-
ный университет им. С.М.Кирова, 1986 г.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В 551 году на землях Северной Монголии возникла новая центрально-азиатская империя - Тюркский каганат.

Вскоре тюрки подчинили себе киданьские племена, кыргызов, разгромили Эфталитское государство в Средней Азии. Тюркские отряды совершают походы в Иран, захватывают Боспор Киммерийский. От Великого океана на востоке до Черного моря на западе и от Байкала на севере до среднеазиатских пустынь на юге простиралась владения тюрков. К концу 60-х годов Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени - Византии, Сасанидского Ирана, Китая. Изменяется характер социально-экономических отношений в самом Каганате: в нем идет процесс становления раннефеодальных отношений. В самом начале VII в. Каганат распадается на восточную (центрально-азиатскую) и западную (среднеазиатскую) части^I.

Центром западных тюрков становится Семиречье, где происходит процесс феодализации, возникновение и рост городов, формирование городской культуры.

Первое описание городов Семиречья принадлежит буддийскому паломнику Сюань-Цзяню, проехавшему здесь в 630 г. Он сообщал: "Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера, прибыли в город на реке Суй-е (Суййап, Суяб). Этот город в окружности 6-7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху'сцы... Прямо на западе от Суй-е находится несколько десятков одиночных городов и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все они подчиня-

ются тудэю.

Страна от города Суй-е до Гэшуана (Кушания) называется Сули, ее население также носит это имя... Тех, кто возделывает поля и тех, кто преследует выгоду, — поровну"².

С этим сообщением перекликаются сведения арабо-персоязычной литературы, согласно которой каждый из городов был независимым, владетели их носили определенные титулы. Владетель Кермшата назывался "кутегин-лабан"; городом Яр управлял "тексин"; во главе Барсхана стоял "манал" или "тебин барсхан", владетелем Навакета был "ялан"шах", а Семекны "йинал-тегин"³. Автор XI в. Махмуд Кашгарский сообщал: "Сугдак — люди, живущие в Баласагуне. Они из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они выглядят как турки и приняли их обычаи"⁴.

Опираясь на сведения письменных источников, В.В.Бартольд считал, что земледельческая культура на территории Семиречья появилась в результате согдийской колонизации⁵.

А.Н.Бернштам памятники оседлой культуры Семиречья относил к согдийцам, а памятники кочевой культуры к туркам⁶. С.Г.Кляшторный пишет о федерации согдийских городов в Семиречье, подчеркивая их политическую и экономическую самостоятельность, скрывающую номинальную зависимость от западно-туркских каганов⁷.

Наряду с миграционной моделью, существует противоположная — автохтонная модель происхождения городской культуры Семиречья.

Е.И.Агеева писала, что регион Южного Казахстана и Семиречья "не был объектом колонизации Согда и Хорезма, а самостоятельным с особой экономикой и культурой регионом, сыграв-

шим значительную роль в исторических и экономических судьбах народов Средней Азии"⁸.

По мнению Т.Н.Сениговой, Тараз и города его округа возникают на местной тюркско-карлукской основе их населения⁹.

Рассматривая эти противоположные мнения по поводу возникновения раннесредневековой городской культуры Семиречья, стоит отметить, что проблему невозможно решать только с позиций этногенетических¹⁰.

Более перспективным, видимо, является путь культурологической интерпретации памятников. В настоящее время благодаря интенсивным исследованиям в Пенджикенте, на Афрасиабе и Шахристане отчетливо выделяется согдийский культурный комплекс. Под культурным комплексом вообще понимается широкая совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом¹¹. Согдийский культурный комплекс связан с раннесредневековым городом, городской культурой и урбанизацией. В нем находят воплощение и функции города как центра ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, терракотой, керамическими наборами, надписями на керамике, погребальными сооружениями и обрядом захоронения. Присутствие согдийского культурного комплекса четко прослеживается на памятниках Семиречья. Это архитектура и строительные особенности Краснореченского и Луговского замков¹², буддийских храмов Ак-Бешима¹³.

Повсеместно в Семиречье была распространена согдийская керамика, наиболее хорошо изученная на Таразе, Ак-Бешиме и

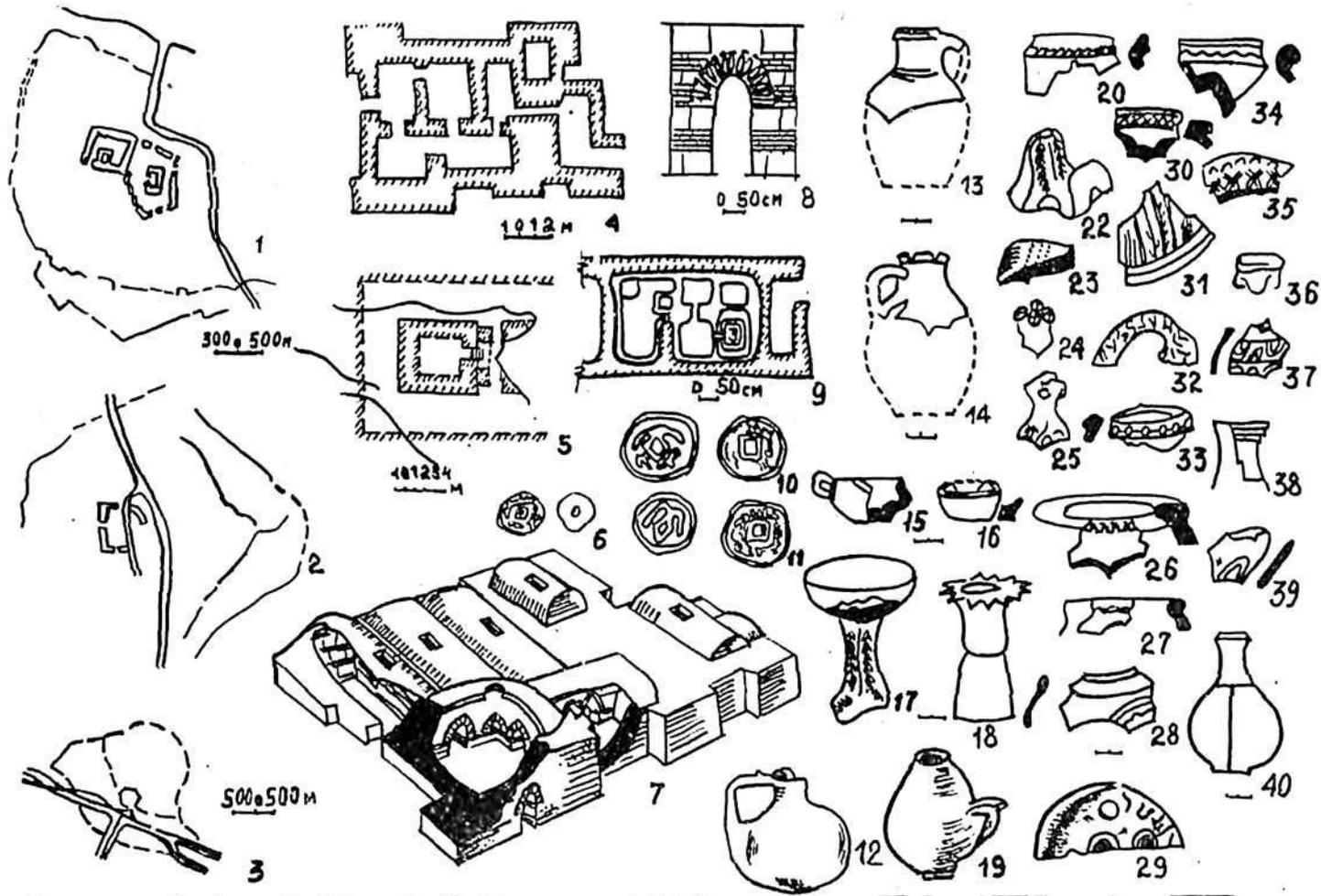

Рис. I. Археологический комплекс Семиречья VI—VIII вв.: 1 — План городища Акбешим; 2 — план городища Бурана; 3 — План городища Толек; 4 — 7 — План и реконструкция замка Луговое А; 8 — Арочный проход в замке Луговое А; 9 — План винодельни Луговое Б; 6—10—11 — Тургешские монеты; 32 — Ручка глиняного котла с согдийской надписью; 29 — Каменная поделка с рунической надписью; 12—40 — Керамика.

Луговом¹⁴.

Терракота, близкая и тождественная согдийской, обнаружена при раскопках Тараза и городов Чуйской долины¹⁵.

По мнению исследователей, так называемые "монеты тюргешей" Семиречья были заимствованы тюрками у согдийцев¹⁶. Раскопки некрополей семиреченских городищ выявили группу захоронений VI–VIII вв. в погребальных сооружениях – наусах. Захоронения совершались в виде труположения на суфах внутри наусов и в виде погребений костей в оссуариях¹⁷. Аналогичные погребальные сооружения и обряд характерен также для Согда¹⁸.

Распространение согдийского культурного комплекса в Семиречье происходило отчасти путем непосредственного переселения сюда согдийцев. Согдийцами были основаны города Хамукат, Навакет, Бунджикат. С другой стороны его можно объяснить как отражение процесса культурной интеграции.

Одновременно с согдийским культурным комплексом в Семиречье, на юге Казахстана и в Мавераннахре распространяется и тюркский культурный комплекс, представленный в археологических материалах такими массовыми находками, как металлическая посуда¹⁹ и вооружение²⁰, предметы с руническими надписями.

В результате в VI–VIII вв. в Семиречье и в Средней Азии складывается своеобразный культурный комплекс, который можно назвать тюркско-согдийским (рис.1). Одно из проявлений его сложения – единообразие городской культуры Согда, Мавераннахра и Семиречья.

Справедливо замечание В.М.Массона о том, что слова Сюань-Цзяня, что страна Су-ли (Согд) от Чу до Байсунских гор – это не отражение политико-географических и этнических границ, а

указание на культурно-историческую область, где согдийско-тюркские эталоны сыграли определенную роль²¹.

Интенсивный культурный синтез проходил на фоне этногенетических процессов.

В "брачном контракте" из Мугского архива фиксируется брак тюрка Ут-тегина и согдиянки Дугдгончи²². Как бы своеобразной иллюстрацией этого сообщения служит находка парного женского и мужского погребения с конем, совершенного по тюркскому обряду на городском некрополе Краснореченского городища. Известно, что вожди антикитайского восстания 755 года Ань Лу-шань и Шы-Сы-мин были согдийцами по отцу и тюрками по матери²³. С подчинением Средней Азии тюркам, последние вливались в число знати и местного населения. Предшественник Диваштича носил тюркское имя Чакин Чур-Бильга²⁴. Правителем Усрушаны был тюрк Карабугра²⁵. Согдийцы Дунхуана, переселившиеся сюда из Согда в VI-VIII вв., в большинстве носили тюркские имена, причем эти имена они приобрели еще в метрополии²⁶.

При объяснении синкретического характера раннесредневековой культуры Семиречья необходимо учитывать и традиции раннеземледельческой усуньской культуры.

Археологические материалы, характеризующие земледельческую линию культуры первой половины I тыс. н.э., пока малочисленны. Однако уже сейчас открытие поселений Кзыл-Кайнар-тобе и Чоль-тобе в Таласской долине²⁷, выявление слоев первых веков на городище Тараз²⁸, раскопки поселений Актас в Илийской долине²⁹ свидетельствуют о более ранних, нежели казалось, традициях оседлой жизни, архитектуры, которые вошли в новую городскую культуру в качестве одного из компонентов.

Синкретический характер Семиреченской городской культуры нашел яркое отражение в религиозных верованиях городского населения. В среде его получили распространение языческие культы, наряду с которыми существовали буддизм, манихейство, христианство.

О зороастрийских оссуарных захоронениях и культовых предметах, связанных с зороастризмом, в свое время подробно писал А.Н.Бернштам. Новые данные о зороастризме в среде городского населения дали раскопки некрополя городища Красная Речка³⁰.

Более широкое, чем это казалось раньше, распространение получил буддизм³¹. Буддийские миссионеры проникли в Семиречье вместе с притоком сюда согдийских переселенцев. В первой половине VIII в. некоторые правители западных тюрок становятся буддистами или покровительствуют этой религии.

А.Габэн связывает распространение буддизма у тюрок с переходом их к оседлости³². Б.А.Литвинский учитывает и политические причины – необходимость управлять населением, в среде которого была сильна буддийская религия³³.

В Семиречье уже известны четыре буддийских храма, два в Ак-Бешиме и два на Краснореченском городище³⁴. По мнению Б.А.Литвинского, они представляют одну из найденных вариаций планировочной схемы Хадды и Кара-тепе, отразившейся в храмах Пенджикента³⁵.

Манихейство также оказало сильное влияние на согдийцев и тюрок. Хакан западных тюрок в VIII в. считался покровителем всех манихеев Востока³⁶. Манихейская "Священная книга двух основ", написанная в первой половине VIII в. для того, чтобы пробудить (веру) в стране десяти стрел", писалась в Аргу –

Таласе (Таразе). В книге перечисляются города Семиречья, где имелись манихейские общины – Йакенкент, Ордукент, Чигиль-балык³⁷.

Христианство было перенесено в семиреченские города, расположенные на трассе Шелкового пути сирийцами-несторианами³⁸. Согласно источникам, на рубеже VIII–IX вв. была образована особая карлукская метрополия³⁹. В Таразе и Мерке действовали христианские храмы⁴⁰. Археологические материалы также свидетельствуют о христианстве в Семиречье. В первую очередь это христианская церковь и кладбище VII–VIII вв., раскопанные на Ак-Бешиме⁴¹. На Краснореченском городище найдены нательные кресты из нефрита и бронзы, на Испиджабе каменная ступка с христианскими символами⁴². В Семиречье же были изготовлены серебряные блюда с сюжетами из раннехристианской иконографии⁴³.

Б.А.Литвинский писал, что "в Средней Азии в VI – начале VII вв. мы находим подлинный конгломерат религий, сражающихся за умы и души населения"⁴⁴. Эти слова справедливы и для Семиречья.

Таким образом, в период раннего средневековья в Семиречье сложилась своеобразная синкретическая культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда, тюркский культурный комплекс и традиции скотоводческо-земледельческой культуры первой половины I тыс.н.э.

Наиболее яркое проявление этой интеграции наблюдается в культуре города.

Близость топографии, архитектуры, керамического и других видов ремесла, религиозных представлений семиреченского и среднеазиатского городов может быть объяснено тем, что культурные достижения и потенциал, накопленные в городских цент-

рах Согда, являлись своеобразным эталоном, которому подражали в соседних районах, и в том числе в Семиречье.

¹Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с.18-22.

²Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. - Известия АН КазССР, серия истории, археол. и этногр. 1960, № 3(14), с. 90-91.

³Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Соч., т.П, ч.1. М., 1963, с.37-38.

⁴Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. - Тр. ИИАЭ АН КазССР, т.8. Алма-Ата, 1960, с.84.

⁵Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т.П, ч.1. М., 1963, с.190; О христианстве в Туркестане в до-монгольский период. т.П, ч.2. М., 1964, с.265-302; К вопросу о языках согдийском и тохарском. т.П, ч.2, М., 1964, с.461-470.

⁶Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина". МИА, т.14. М.-Л., 1950, с.145-147.

⁷Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники, с.123-125.

⁸Агеева Е.И. Общий обзор находок. - В кн.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ АН КазССР, т.14. Алма-Ата, 1962, с.215.

⁹Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с.205.

¹⁰Массон В.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана. УСА, вып.4, 1979, с.5.

¹¹Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с.47.

¹²"Чуйская долина", с.30-36; Байпаков К.М. Раскопки ранне-средневекового замка в Семиречье. - ВАН КазССР, 1966, № 8, с.61-66.

¹³Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. - ТКАЭЭ, т.П. М., 1959, с.193-198; Зяблин Л.И. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961, с.59-60.

¹⁴Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз, с.110; Распопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. - ТКАЭЭ, т.IV. М., 1960, с.162-163; Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана. - В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с.96.

¹⁵Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Табл.П; Бернштам А.Н. Изображение согдийца в коро пластике Чуйской долины. - КСИИМК, вып. XIX, 1948, с.61-65.

¹⁶Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, с.54.

¹⁷Чуйская долина, с.31-32; Горячева В.Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища. АО 1978. М., 1979, с.590-591.

¹⁸Ставиский Б.Л., Большаков О.Г., Мончарская Е.А. Пенджикентский некрополь. МИА, 37. М., 1953, с.65-95.

¹⁹Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII вв. как историко-культурный источник. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, с.24-36.

²⁰Распопова В.И. Согдийский город и ночевая степь в VII-VIII вв. - КСИИМК, вып.122, 1970, с.86-91.

²¹Массон В.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана, с.6.

²²Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В.И.Лившица. Т.П., 1962, с.17-45.

²³Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники, с.96.

²⁴Лившиц В.А. Правители Пенджикента УП - начала УШ вв. - В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душанбе, 1977, с.44.

²⁵Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.147.

²⁶Чугуевский Л.И. Новые материалы по истории согдийской колонии в районе Дунхуана. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып.Х, 1971, с.153.

²⁷Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV вв. и захоронение на нем воина IV-V вв. - В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с.93.

²⁸Мерциев М.С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. - В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с.37-50.

²⁹Акишев К.А. Зимовка-поселение и жилища древних усуней. ИАН КазССР, серия обществ., 1969, № I, с.29-45.

³⁰Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 26. М.-Л., 1952, с.132-139; Горячева В.Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища. АО 1978, М., 1979, с.590-591.

³¹Ставиский Б.Я. О международных связях Средней Азии в середине УШ в. (в свете данных археологии). Проблемы востоковедения, 1960, № 5, с.115.

32 Gabian A. Der Buddhismus in Zentralasien "Handbuch der Orientalistik". 1,V111, 2 Leiden-Köln, 1956. S.506.

33 Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971, с.120.

34 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим, с.155-241; Зяблин Л.Р. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища; Горячева В.Д., Байпаков К.М. Раскопки Краснореченского городища. АО 1980. М., 1981, с.484.

35 Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа, с.119.

36 Gabian A. Der Buddhismus in Zentralasien... S.506_507.

37 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники, с.131.

38 Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с.14, 23-24.

39 Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. - Проблемы востоковедения, 1955, № 5, с.168.

40 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольскую эпоху. Соч., т.П, ч.2. М., 1964, с.287.

41 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим, с.231.

42 Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья. - В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, рис.4.

43 Даркевич В.П., Маршак Б.И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области. - Советская археология, 1974, № 2, с.213-232.

44 Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа, с.123.

У.Х.Шалекенов
О РАСКОПКАХ НА ГОРОДИЩЕ АКТОБЕ
(1979-1983 гг.)

Последние пять лет археологическая экспедиция университета (АЭУ) продолжала свои исследования на средневековом городище Актобе, расположенном на территории колхоза им.М.И.Калинина Чуйского района Джамбулской области¹. Раскопки проводились на цитадели, шахристане и рабаде. С целью выяснения топографии, размеров и насыщенности культурных слоев и соотношения цитадели с шахристаном ежегодно широко вскрывались культурные напластования верхних строительных горизонтов.

В 1976-1983 гг. в основном были вскрыты верхние строительные горизонты цитадели. Дальнейшая задача состояла в том, чтобы вскрыть синхронные слои в западной, южной и юго-восточной частях и разрезе цитадели.

В 1977 г. на северном фасаде цитадели городища Актобе, ближе к северо-восточной башне был заложен разрез шириной 7-1,8 м, длиной 22 м, глубиной 10-12,5 м. При этом ставилась задача выявления времени возникновения крепостной стены и этапов ее функционирования. Раскопки длились три года. Разрез был доведен до материка, разбит на 22 квадрата, вертикальная фиксация шла по ярусам, за реперную точку бралась южная стена помещения².

В результате раскопок установлено следующее: крепостная стена цитадели воздвигалась в три периода. Первоначально на выровненном и утрамбованном слое материка была возведена приемом комбинированной кладки платформы высотой 2 м. Нижняя часть платформы сложена из пахсы шириной 0,3 м, стены цитадели из

сырцовых кирпичей размером 49x27x9-10; 50x27x9-10 см; 50x23x10 см. Ширина стены по основанию 4 м, высота около 3 м (рис. I).

В первый период раскопок найдены различные керамические изделия (остатки хумчи, горшков, фрагменты жаровни, миски, светильники), а также монеты. Сосуды аналогичны сосудам Пенджикента УП-УШ вв. и предназначались, по-видимому, для хранения различных продуктов.

Горшок аналогичен горшкам, найденным в Отраре, датируется УП-УШ вв.³ Особо следует отметить, что на уровне 5 яруса разреза в зольном слое найдены 5 монет, датированных концом УП-началом УШ вв.

Все эти материалы позволяют отнести первый период цитадели к У-УШ вв, когда она возникла как административный, хозяйственный и культурный центр.

Следующий период характеризуется большими строительными работами по укреплению стен цитадели и расширению всего комплекса. Крепостные стены достигают 7-8,5 м в длину и до 4 м в ширину. Строительные материалы, техника кладки остаются прежними. Найдены и аналогичные предметы домашней утвари: хумы, кувшины, фрагмент котла, горшки, наконечник копья, фигурка человека и др.⁴ Например, фрагменты хумы схожи с хумами, найденными в Отраре и Кулане⁵, статуэтка-фигурка человека - с известной в коллекциях Сокулука, особенно очертанием лица⁶.

В рассматриваемый период цитадель достраивалась, ремонтировалась и стала мощным фортификационным центром средневекового города, датированного УП-IX вв. В последний период она подверглась реконструкции: ко второй стене была пристроена новая

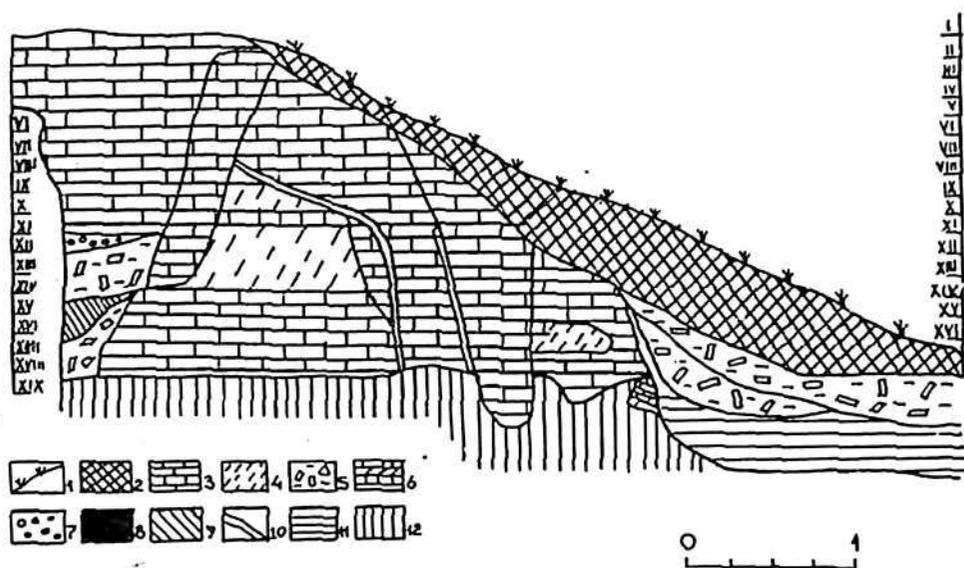

Рис. I. Разрез крепостной стены цитадели.

Условные обозначения: I - дерновый слой; 2 - оплыв; 3 - кирпичная кладка; 4 - пахсовая стена; 5 - разрушенный слой сырцового кирпича; 6 - комбинированная кладка; 7 - гумус; 8 - зольник; 9 - яма; 10 - глиняная штукатурка; II - культурный слой; 12 - материк.

мощная стена шириной 1,5 м из сырцового кирпича размером 50x26-27x10, 45x26 XII; 44x21x2 см. Постепенно крепостная стена достигла 10 м за счет возведения внутренних стен, которые имели оборонное значение.

Во внутренней стене обнаружена коллекция керамических изделий: бронзовый светильник, кружки, горшки, ступкообразные сосуды, фрагменты крышки, дастархана, миски, котлы и т.д. На основании найденных керамических находок верхний период можно датировать IX-XII вв.

Таким образом, разрез крепостной стены цитадели показал, что цитадель являлась фортификационным, административным и хозяйственным, культурным сооружением. Длительный период она была не только центром всего средневекового города Актобе, но и являлась одним из крупнейших центров Чуйской и Таласской долин.

В юго-восточной части цитадели был заложен дополнительный разрез длиной 16 м, шириной от 1 до 1,5 м и глубиной 5,5 м, что позволило получить полное представление о структуре дворцового комплекса. Разрез был доведен до материка. Работа на разрезе проводилась таким же методом, как и в северной части.

Юго-восточная часть цитадели также состоит из трех периодов. Высота крепостных стен первого этапа 4,2 м, ширина около 3 м. С внешней стороны к стене первого периода вплотную примыкает стена второго периода, сохранившаяся высотой более 4 м и шириной 2,5 м. В трех метрах от стены второго этапа находятся остатки третьей крепостной стены, высота которой составляет 2,5 м, а ширина 1,7 м.

В целом раскопки на этом разрезе показали, что планировка, строительный материал и техника кладки крепостных, внутренних стен в периоды существования этой части цитадели совпа-

дают с северным разрезом дворцового комплекса⁷. Это позволяет заключить, что весь дворцовый комплекс создавался, развивался и реконструировался одновременно.

После исследований на разрезе были проведены раскопки на верхнем слое цитадели.

Перед началом работ на цитадели самый верхний слой (оплывы и разрушения) был снят бульдозером "Беларусь" под наблюдением археологов. Во избежание разрушений конструкций были проведены поверхностные ручные расчистки. Дальнейший процесс раскопок осуществлялся при помощи транспортеров, что во многом облегчило земляную работу.

Одной из важнейших задач последних лет являлось вскрытие строительного горизонта в юго-западной части цитадели. Исследования показали, что вскрытые стены, вытянутые с северо-запада на юго-восток, сложены из пахсовых блоков. С юго-запада к стене примыкает помещение I размером 4x3,08 м, проход шириной 1,05 м. Стены помещения сохранились на высоту не более 0,4-0,5 м. Юго-восточная стена обложена вертикально стоящими сырцовыми кирпичами и обмазана толстым слоем глины. Внутри части помещения обнаружены керамические тандыры, очаг, заполненный золой. Эти предметы часто встречались в раскопках средневековых городов Южного Казахстана, известны в Таразе⁸, Актобе⁹, Отраре¹⁰. Кроме того, в этих помещениях найдены закрома 1,08x0,55 м, кости животных, фрагменты гончарных сосудов.

С юго-востока к первому помещению примыкает второе размером 3,08x0,6-0,8 м. Культурные слои этих помещений похожи друг на друга. Хотя третье помещение очень плохо сохранилось; внутри него найдены фрагменты дастарханов, крышек, стенки хума, чаш, аналогичные обнаруженным в прежние годы в раскопках Акто-

бе, а также керамике, найденной в средневековых городах Южного Казахстана, датируемой X-XII вв.

В восьми метрах севернее северной стены помещения 3 при поверхностных расчистках обнаружено водосливное сооружение, прослеженное на 3 м. Оно изготовлено из половинок керамических труб: после изготовления на гончарном круге трубы разрезались по всей длине на две равные части, узкий конец половинки труб вставлялся в широкий. Керамический слив обкладывался, видимо, для прочности сооружения, вертикально по всей длине жженным кирпичом размером 22x21x3-4 см. Большое число битых жженных кирпичей вдоль водослива позволяет предполагать, что трубы были покрыты сверху горизонтально положенным жженным кирпичом. Здесь же было найдено водосливное сооружение, общая длина которого составляет 16 м. Канализационные трубы дворцовой части комплекса можно отнести к X-XII вв. (рис. 2).

На юго-западном участке обнаружено пять погребений, обозначенных на плане раскопок: 1-82; 2-82; 3-82; 4-82^I. Захоронения произведены в могильной яме длиной в среднем около 2 м, шириной около 1 м. Скелеты лежали вытянутыми на левом боку, головой на север-запад. Лицевая часть черепа повернута на запад. Правая рука согнута в локте, левая вытянута вдоль туловища. Такое положение покойников характерно для захоронений мусульман. Махмуд Кашгарский говорит, что ислам как государственная религия утвердился в середине IX в. среди населения Чуйской и Таласской долин^{I2}. Захоронения разделены на две группы: с инвентарем и без инвентаря. Из пяти погребений только в первом обнаружены различные гончарные сосуды и предметы украшения. Около головы погребенного стояла гончарная хумча высотой 61,5 см, диаметром горловины 19,2 см, максимальными

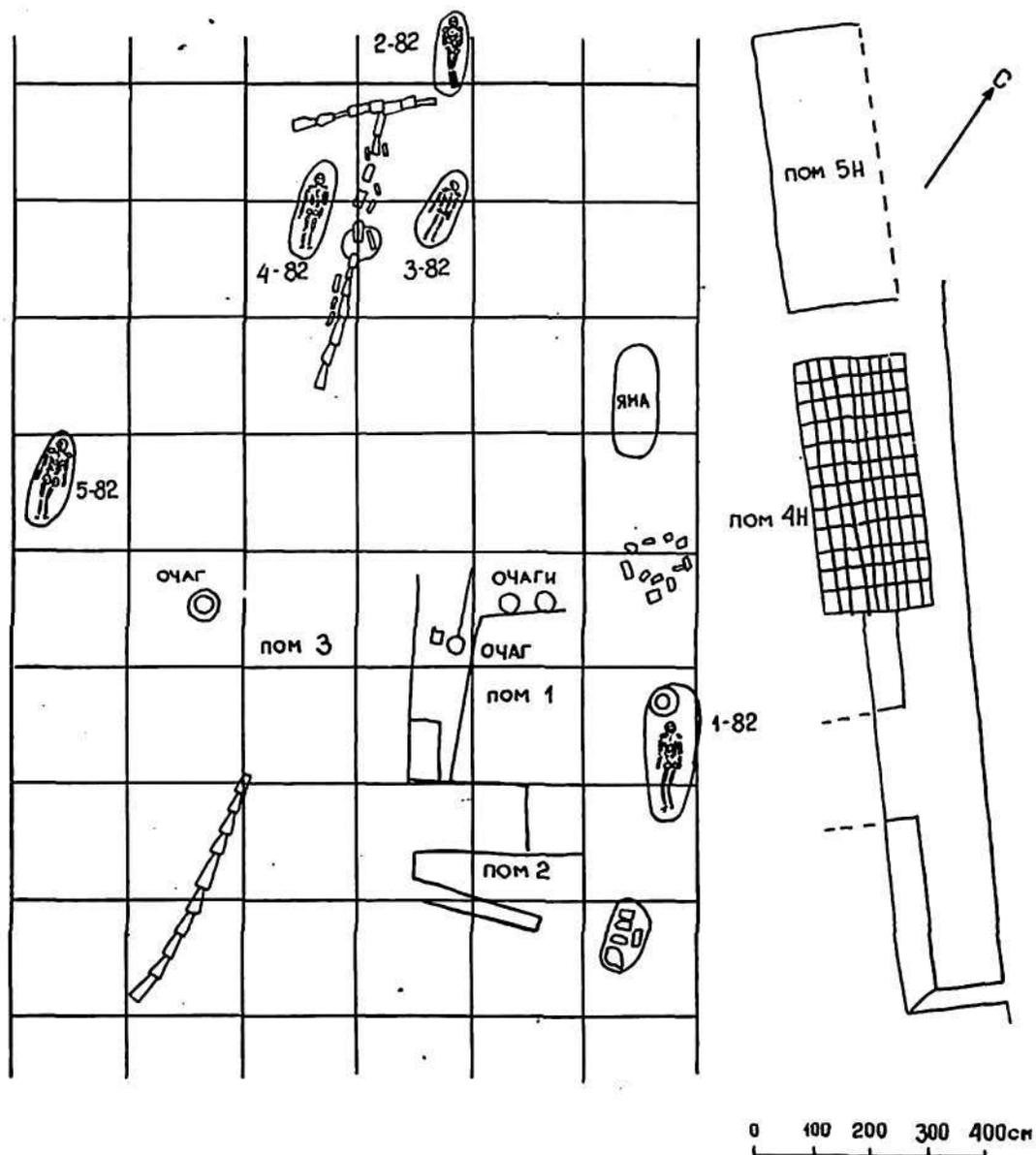

Рис.2. Городище Актобе. План раскопа юго-западной части цитадели.

диаметром тулова 0,46 м. Сосуд был закрыт круглым камнем (в плане), одна сторона которого тщательно обработана. Хозяйственные сосуды аналогичной формы широко представлены в керамических материалах в раскопках средневековых городов Южного Казахстана, датируемых X-XII вв.¹³

Между берцовыми костями ног одного скелета найдена каменная бусина длиной 14 мм, шириной 13 мм, отверстие продольное диаметром около 2 мм. Обратная сторона ровная, углы лицевой стороны срезаны. Большое количество бус найдено в захоронении X-XII вв. на Краснореченском городище (12, с.46-47). Однако таких форм бусин там не обнаружено. Следовательно, захоронение I-82 относится в XII в.¹⁴

К безинвентарным захоронениям относится 2,3,4,5-82: в них не обнаружено никаких предметов. Аналогичные погребения были найдены в прежние годы в центральной части цитадели. Местные жители помнят о том, что длительное время возвышенность Актобе (цитадель) являлась "святым местом" (аулие), где хоронили покойников. По-видимому, эти погребения относятся к более позднему периоду.

Юго-западные раскопки были нами расширены на северо-восток. Обнаружено помещение 4 размером 4,38x1,9 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Пол выложен жженным кирпичом размером 35-35, 5x17-17, 5x3-3,5 см, расположенным вдоль помещения. По периметру низ стен помещения обложен вертикально поставленными кирпичами таких же размеров в один ряд.

Вдоль юго-восточной стены находится суфа из сырцовых кирпичей. Ее высота - 0,35-0,37 м, ширина - 0,22-0,24 м. Боковая часть суфы возвышается над центральной частью на 0,22 м. Верхняя часть суфы покрыта жженными кирпичами указанных размеров.

На юго-западной стене, к которой примыкает помещение, сохранилась обмазка в несколько слоев на высоту до 2,2 м. Штукатурка на северо-западной и юго-восточной стенах сохранилась на высоту 1,6-1,9 м. Входа над вертикально стоящими жжеными кирпичами вдоль северо-восточной стены кладки не обнаружено. По-видимому, вход был со стороны площади.

К вышеописанной закладке длиной 12,5 м с северо-востока примыкает помещение, идущее до замка. При расчистке поверхности, примыкающей к западной стене, выявлена суфа длиной 3,4 м, шириной 2,25-2,45 м, возвышающаяся на 0,15 м над уровнем вымостки из женого кирпича размером 35x38x16-17x3,5-5 см. Вымостка такого кирпича прослежена на площади 8x1,85 м. В отдельных местах кирпичи отсутствуют или несколько провалены. Это дает предполагать, что наша вымостка с ранее открытой составляет одно целое. В пользу этого мнения свидетельствует шурф размером 2x2 м, заложенный на 5,8 м на юго-восток от восточного угла вымостки. Шурф глубиной до 2 штыков прорезал слой кирпичной выкладки.

Раскопки в западной части цитадели показали следующее:
к дворцу, занимающему наиболее возвышенную часть городища (I5, с. I70-I70), примыкает с юго-запада башня крепостной стены шириной с северо-запада на юго-восток 8,2 м. Северо-западная стена этой башни при зачистках была прослежена на юго-запад на 7,7 м.

При зачистках к северо-западу от башни открылась стена, идущая в северо-западном направлении на 11 м, далее стена поворачивает на юго-запад. В этом "П"-образном пространстве, ограниченном стенами, и был заложен еще один раскоп с целью выяснения конструкции крепостных стен. Стена башни, ограничи-

вающая раскоп с юго-востока, вскрыта пока на 4 м в высоту, - низ стен еще не обнаружен¹⁵.

Башня, как можно предполагать до полного завершения раскопа, состоит из двух частей. Сначала она выступала из поверхности стены на 3,35 м, построена из сырцового кирпича размером 42-44x21, 5-23x9-10 см, имеет традиционный наклон к основанию 74°. К башне с юго-запада была сделана пристройка из пахсовых блоков и кирпича, т.е. комбинированной кладки.

Вдоль северо-западной стены раскопа вскрыты три помещения: размером 1,92-2,40x4,4 м, проход шириной около 0,7 м; второе в юго-западной стене; третье размером 2,26-3,40x4,45-4,80 м. Проход шириной 1,15 м ведет в коридорообразное помещение шириной 1,2 м. Между этими двумя помещениями расположено помещение 2 шириной 3,68 м. При раскопках нами обнаружено большое количество лепной и гончарной керамики.

Подводя итоги раскопок в южной и юго-западной частях цитадели, следует сказать, что основным результатом работ этого полевого сезона является открытие крепостных стен и башен. Дальнейшие их раскопки позволяют составить представление о развитии фортификации города. Кроме того, в этой части цитадели закончено вскрытие напластований X-XII вв. На очереди стоит задача вскрытия более ранних слоев.

С целью выяснения места соединения вала с цитаделью на уступе южной стены цитадели заложен раскоп длиной 16 м, шириной от 4,4 до 5,2 м, глубиной от 0,6 до 2 м. В ходе раскопок здесь были найдены в оплыве на уровне вымостки фрагменты неполливной керамики, которые датируются в пределах X - начала XIII вв.¹⁶

Особо следует отметить, что на этом раскопе в 9 м западнее разреза вала цитадели нами обнаружены остатки башни (восточный фасад)¹⁷. Диаметр башни 4,85 м, сохранившаяся высота 2,9 м. Башня на 1 м выступает за линию крепостной стены. Нижней частью башни является кладка высотой из четырех рядов сырцового кирпича размером 44x20x9 см. Выше сырцовой кладки идут пахсовые блоки шириной от 50 до 63 см, высотой 90 см. Между ними шов шириной до 1 м.

В 1981 г. были продолжены раскопки на юго-восточном холме. Здесь был заложен раскоп размером 25x20 м, позднее расширенный на весь холм¹⁸. В ходе дальнейших работ охватились планировка комплекса, состоящего из пяти помещений. Все помещения, кроме 5, ориентированы на С-Ю. Общая картина комплекса такова: перпендикулярно к помещению 5 построены четыре параллельных между собой помещения (1,2,3,4). Помещения 1-5 комплекса перекрыты коробовым сводом, сложенным техникой наклонных отрезков.

Размеры помещения различны: помещение первое (1) размером 10x2,5 м; второе (2) - 7,4x2,4 м; пятое (5) - 6,2x1,5 м, стены, в которых сделаны из сырцовых кирпичей размерами 41-43x21-22x8-10 см. Например, стена помещения 1 толщиной 2,8 м, сохранившаяся высотой 3 м, сложена из пахсовых олоков и сырцового кирпича. В основании стены лежат пахсовые блоки высотой 1,25 м, над ними идет метровая кладка из сырцовых кирпичей размером 41-43x21-23x8-9 см. Верхняя часть стены сложена из пахсовых блоков, сохранившаяся высота их 0,75 м. Пол помещения 1 выложен в два ряда жженым кирпичом размером 32-33x16-17x3-4 см, остатки которого особенно хорошо сохранились в западной половине помещения стены. Стены всех помеще-

ний массивные.

Архитектурные помещения, состоящие из коридорообразных и без окон комнат, расположенных параллельно друг другу и соединенных одним коридором, хорошо известны в Средней Азии доарабского периода. Такие здания как замок на горе Муг,¹⁹ казарма, пристроенная к цитадели Варахши,²⁰ цитадель Пенджикента²¹ имеет аналогичную планировку.

Ближайшая аналогия Актюбинскому комплексу, для которой характерна подобная планировка, комбинированная кладка стен и кладка сводов наклонными отрезками, известна и в Чуйской долине. Это укрепленная усадьба, обнаруженная Семиреченской экспедицией А.Н.Бернштама вблизи Краснореченского городища,²² и замок Луговое "А", раскопанный в 1963-1965 гг.²³

Несмотря на некоторые отличия и сложную планировку, однотипность этих трех сооружений не вызывает сомнений. Краснореченская усадьба датирована У-УП вв.²⁴, а замок Луговое "А" - У-УШ вв.²⁵

В ходе раскопок найдены многочисленные гончарные изделия, которые датируются двумя периодами: к УП-УШ вв. относятся керамические сосуды, изготовленные из лепной керамики - котлы, кувшины, миски, кружки, светильники, крышки и др. Они имеют аналогию с керамикой, найденной на городище Луговое и в городах Чуйской и Таласской долин, датируемой УП-УШ вв.²⁶ К керамике УШ-Х вв. относятся горшки, миски, жаровня, ступкообразный сосуд, светильники, крышки и др. Они сходны с керамическими материалами, извлеченными из городища Актюбе у с. Орловки в Таласской долине и городищ Чуйской долины²⁷.

Раскопки на рабаде на основании аэросъемок и многолетне-

го исследования данного городища позволили выяснить, что основная городская жизнь на городище Актобе была сосредоточена на рабаде, занимающем 70 кв.км площади, состоящей из бесчисленных холмов различной высоты и являющихся остатками жилых, административных, хозяйственных и культурных построек.

I объект – Западная усадьба цитадели: к западу от центральных развалин почти в центре рабада прослеживаются сильно оплывшие холмы, стоящие тесно друг к другу и составляющие как бы сплошной массив, на котором можно определить следы улиц в виде оплывших рвов. В 1979 г. были заложены раскопки к западу от цитадели в 700–800 м на одном из крупных холмов (высота 2,5 м) размером 30х16 м (480 кв.м). Стороны ориентированы по сторонам света²⁸.

В результате раскопок были вскрыты часть улицы и примыкающие к ней жилые помещения с одним общим выходом с улицы. Стены комнат сложены из пахсовых блоков, поверхность которых покрыта саманной плохо сохранившейся штукатуркой. Центральное помещение I размером 5,75х4,4 м имеет прямоугольную форму. Внешние стены толщиной 1,75 м и 3 м сложены из блоков пахсы, с лицевой стороны покрыты саманной штукатуркой. Юго-западная стена толщиной от 1 до 1,5 м сложена из пахсовых блоков размерами 50–60 см с наклонными швами. Из этих блоков сложена нижняя часть стены. Внешний контур стен по краю выложен сырцовыми кирпичами размерами 37–38х19–20х8–9 см, внутри стены заполнены комьями земли. Такая непрочная конструкция впервые зафиксирована на городище Актобе.²⁹

По находкам в центральном помещении можно предположить, что оно являлось ремесленной мастерской. Комната имела сводчатое перекрытие и представляет большой интерес в архитектур-

ном отношении. Стены дома сложены из сырцового кирпича, внешняя стена имеет толщину 120–130 см и сохранилась на высоту от 80 до 130 см. Пол жилого помещения трехслойный из глины, местами использован жженый кирпич размерами 22–21х4–5 см, 22х22х4–5 см. Такой кирпич характерен для караханидского времени. Во всех комнатах жилого дома была найдена поливная и неполивная керамика – кувшины, чаши, тарелки, блюда и т.д.

В комнате 5 среди других металлических предметов были обнаружены три хорошо сохранившиеся караханидские монеты. По строительным материалам и технике кладки стен и найденным вещам этот дом датируется X–XII вв.

В помещении 1 возле очага найдены различные изделия из железа, стекла, обломки поливной керамики, две монеты караханидского времени, а также куски меди со сплавленными монетами. В помещении 2 на полу обнаружены две медные монеты, в северо-западном его углу яма диаметром 0,8 м. В помещении 3 рядом со стеной плохо сохранившийся тандыр диаметром 0,65 м и яма диаметром 1 м. Рядом с тандыром обнаружена одна керамическая монета.

С северо-западной стороны к стене в помещении 4 пристроена суфа квадратной формы размером 3,25х3,25 м и высотой 0,25 м, сложенная из сырцового кирпича. В юго-западной ее стене установлен очаг диаметром 0,3 м, к северо-западу – яма диаметром 0,65 м более позднего времени. В помещении 6 найдены обломки поливной и неполивной керамики – блюда, чаши, светильники. Обращает на себя внимание орнаментальное богатство росписи эпиграфической, стилизованной растительной и монетно-геометрической. Весь комплекс поливной посуды находит широкую аналогию с поливной керамикой средневековых городов Чуйской доли-

ны³⁰ и г.Тараза,³¹ которая датируется X-XII вв. Чаши по форме и манере оформления имеют аналогии с найденными в Ташкентском оазисе,³² Отраре,³³ датированными X-XI вв.

Вихревая розетка в украшении чаш имеет аналогию с чашами, найденными в Чуйской³⁴ и Таласской³⁵ долинах и относящимися к X-XII вв. Светильники имеют аналогию с находками Краснореченского городища X-XII вв.

Извлеченный из раскопок данного дома хум сходен с хумом Кулана, датируемым XI-XII вв.³⁶ Горшкообразный сосуд отождествляется с сосудами, найденными в Отраре и относящимися к X-XI вв.³⁷ Дастарханы - одного типа, с круглой столешницей, оперяющейся на высокий кольцевидный поддон. Размер дастархана колеблется от 48 до 69 см. Диаметр кольцевого поддона в 2 раза меньше, высота его от 10 до 20 см. Тесто, из которого лепился дастархан, содержит примесь песка и древесины, поэтому он тяжелый и массивный. Особо следует обратить внимание на фрагмент дастархана с прорезным орнаментом. Вся поверхность украшалась резным орнаментом, аналогичным дастарханам Чуйской долины, - стилизованными растительными мотивами, зигзагами³⁸.

На основании найденного материала жилые здания (или жилой комплекс), раскопанные в центре рабада городища Актобе, можно датировать, опираясь на вышеприведенные аналогии, X-XII вв. Подобные жилые здания XI-XII вв. раскопаны в ряде городов Средней Азии,³⁹ Чуйской и Таласской долинах⁴⁰.

Жилые дома этих городов по строительным материалам и строительным примерам имеют много общего, но в планировочном отношении существенно различаются⁴¹.

Жилые здания на густо сосредоточенной застройке рабада

городища Актобе имеют свою специфику. Скорее всего, это часть жилых домов одного из кварталов в центральной части рабада. Об этом говорят объемный вход с улицы и монументальные стены вдоль улиц. Жилые дома Краснореченского городища отличаются богатством внутренней орнаментации. В Актобе это отсутствует.

Строительная техника и планировка жилых зданий городища Актобе имеют свои особенности. В помещении I найдены следы свода, в остальных помещениях, по мнению Ворониной В.Л., представлены плоские балочные перекрытия⁴². Судя по непрочной конструкции, слабой архитектурной декорации, эти здания принадлежат рядовым ремесленникам города.

2 объект - Турткуль-тобе расположен в 600 м к востоку от цитадели на верхней террасе правого берега р.Аксу, размер площади 50x70 м, высота 8-9 м от материка.

В 1979 г. с целью выявления стратиграфии, времени возведения и фортификационных особенностей крепостной стены Турткуля на его западном фесе в 10 м севернее от юго-западной башни был заложен разрез длиной 7 м, шириной 2 м. Установлено, что крепостная стена толщиной 3,5 м и сохранившаяся высотой 1,3 м возведена из пахсы на платформе высотой 0,3 м.

На Турткуль-тобе археологические исследования велись на двух раскопах.

В раскопе I размером 9x18 м, заложенном в юго-западном углу Турткуля, обнаружена гончарная печь, четыре ямы хозяйственного назначения и помещение размером 3,6x1,5 м. Стены помещения сложены из сырцового кирпича размером 42x44x22x12 см и имеют толщину 0,9 м. Пол помещения глинобитный, плохой сохранности. В западном углу помещения находится вход-лаз,

заложены жжеными кирпичами размером 25х25х5 см. Высота лаза I м, сохранившаяся длина около 4 м. Сам лаз заполнен рыхлым слоем лёсса, а выход заложен пахсой.

Раскопом 2 ооконтурена северо-восточная башня. Она квадратная и выступает за линию крепостной стены более чем на 3 м. Сохранившаяся высота башни 2,5 м, к башне с внешней стороны примыкает выносная площадка шириной 2 м.

Таким образом, разрез крепостной стены, расчистка северо-восточной башни и раскоп I показали, что толщина культурного слоя более 2 м. В этой толще выделяются три строительных горизонта, отражающих три периода обжвания Турткуля. К первому строительному горизонту относится крепостная стена с квадратными башнями, ко второму - помещение с лазом и высокая площадка, примыкавшая к стене, к третьему - гончарная печь, ямы.

По керамическому материалу Турткуль датируется X - началом XIII вв. В 80 м к югу от Турткуля на одном из выступов верхней террасы правого берега р.Аксу расположен небольшой Турткуль размером 20х25 м, высотой 0,5-0,8 м, где в 1979⁴³-1982 гг. был заложен раскоп 2 (25х29 м).

В ходе работ полностью раскопано здание замкового типа прямоугольной формы размером 24х25,5 м. В строительстве здания четко прослежены три строительных периода: период коридорообразных сооружений (сохранившееся помещение длиной 19 м, шириной 3,8 м, стены сооружены из пахсовых блоков размером 0,5х0,55 м); период пахсовых стен (пристроенное к восточной стене коридора помещение шириной 1-1,5 м); к третьему строительному периоду относятся остатки шести помещений и обходного коридора.

Расчленив в хронологическом порядке каждый из трех периодов не представляется возможным из-за отсутствия достаточных данных, однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы (керамика, наконечники стрел, монета) говорят о том, что замок существовал в X-XII вв. и был разрушен в конце XII - начале XIII вв.

Объект 3. В сентябре 1979 г. отрядом АЭУ в зоне затопления аксуского водохранилища был исследован отдельно стоящий бугор на правом берегу р.Аксу размером 8x10 м, высотой 0,9 м. Выяснилось, что это - остатки жилых и хозяйственных построек, относящихся к строительным периодам⁴⁴.

Во втором строительном периоде помещение первого периода подвергается значительной перестройке, в результате чего появляются четыре служебных помещения шириной 1,2 м. Между этими помещениями расположено помещение 2 шириной 3,68 м. При археологических раскопках обнаружено большое количество лепной и гончарной керамики.

С целью выяснения места соединения вала с цитаделью был заложен раскоп на уступе южной стены цитадели длиной 1 м, шириной от 4,4 до 5,2 м и глубиной от 0,6 до 2 м. В ходе раскопок были найдены в оплыве на уровне вымостки фрагменты неполливной керамики, которые датируются X - началом XIII вв.⁴⁵ На этом раскопе в 9 м западнее разреза вала цитадели обнаружены остатки башни (восточный фасад)⁴⁶.

Башня диаметром 4,85 м, сохранившаяся высотой 2,9 м, на 1 м выступающая за линию крепостной стены, являлась нижней частью мастерской винодела⁴⁷.

Помещение 1 размером 1,5x0,75 м занимает северо-восточ-

ный угол здания. Помещение 2 размером 3,2х1,5 м имеет пол с уклоном на юг. На уровне пола в стену вмонтирована гончарная труба. У помещения 3 размером 4,1х2,6 м уровень пола на 0,2 м ниже уровня пола помещения 2. В середине помещения 3 имеется площадка с вкопанным в пол хумом. Поверхность площадки обмазана алебастром. Помещение 4 узкое и длинное (3х0,5 м). Видимо, раскопанное сооружение вначале было жилым. Во второй период оно было переделано в мастерскую. Все четыре помещения были связаны с изготовлением и хранением вина и винограда.

Керамический материал представлен хумом, кувшином, светильником и фрагментами котла, крышки. Аналогичные формы сосудов широко известны в керамике XI-XII вв. Чуйской и Таласской долин.

Теперь остановимся на монетах, найденных на раскопках городища Актобе. Древнейшие монеты являются ярким свидетельством минувших эпох. Письменные источники по полноте и ценности содержащихся в них сведений не всегда одинаковы и часто требуют дополнительной информации. Таким ценным и объективным источником могут служить монеты и монетные клады. Количество монет, найденных на городище Актобе за время работ - 35 экземпляров. Они представлены одним металлом - бронзой. 17 экземпляров являются подъемным материалом, остальные найдены в культурных слоях рабада, шахристана и цитадели. По датам изготовления монеты относятся к следующим хронологическим периодам: VII-VIII вв. и XI-XII вв. Монеты VII-VIII вв. - лучшей сохранности и представлены чеканом тюрков-тухусов (7 экз.) и тиршей (3 экз.).

Самую значительную часть монетных находок на городище

Актобе представляют караханидские дирхемы XI–XII вв. общим числом 25 экз. Материал в основном подъемный и плохой сохранности. Выпускные сведения на монетах не сохранились. Только на восьми экземплярах можно увидеть сохранившиеся кое-где надписи от калымы и титулятуры правителя.

Возможно, актобинские караханидские дирхемы являются продукцией семиреченских дворов XI в., но, можно допустить, что они были выпущены в соседней Фергане, которая до второй половины XI в. входила в сферу влияния восточных караханидов.

Нумизматический материал из городища Актобе не выделяет его от других раннесредневековых городов Чуйской долины, имевших общую закономерность в своем развитии: возникнув в V–VI в., они достигли своего бурного расцвета в XI–XII вв. благодаря наличию ряда объективных причин. Исследуемые монеты в комплексе с археологическим материалом свидетельствует, что в Актобе в VII–XII вв. была развита денежная торговля и город являлся одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Чуйской долины, через которую проходил караванный путь, имевший важное значение для развития экономики и культуры всего Семиречья.

Эти актобинские монеты более подробно анализируются в статье Р.З.Бурнашевой, опубликованной в данном сборнике.

В 1984 году в одном из помещений на шахристане городища Актобе найден клад численностью около четырех тысяч посеребренных монет эпохи караханидов IX–XII вв. Общий вес клада в неочищенном виде – двадцать один килограмм. Монеты находились смешано с поломанным керамическим сосудом. По-видимому, первоначально они хранились в этом керамическом кувшине: Тяжелые, с неровными краями, дирхемы покрылись за века зеленовато-

серым слоем окислов, но сохранились монеты хорошо и в настоящее время изучаются специалистами.⁴⁸

Х Х Х
Х Х

За 5 лет археологическая экспедиция университета (АЭУ) продолжала свои исследования на средневековом городище Актобе. В ходе исследований велась раскопка, в основном, на цитадели, шахристане и рабаде, где были раскрыты многочисленные административные, хозяйственные и культурные помещения, относящиеся к эпохе караханидов, датируемый IX-XII вв.

В 1980 году производились камеральные обследования городища Актобе с помощью аэрометода. В основе проявления археологических признаков на аэросъемках лежит антропогенное перераспределение почвы, культурных и строительных остатков, создающие характерный рисунок для каждого элемента древней топографии: поселения, могильника, оборонительных сооружений, дорог, размежевание полей, системы орошения и т.д.

За пятилетие археологических исследований на городище Актобе найдены уникальные археологические материалы, характеризующие уровень культуры населения, живших в эпоху караханидов. Одним из них является клад монет, датируемый IX-XII вв. Все эти находки убедительно показывают о высокой культуре оседлого населения Чуйской долины. Археологические исследования продолжаются. В ходе ежегодных раскопок найдутся еще ценнейшие материалы, которые заполнят "белые" пятна средневековой истории Казахстана и других братских республик.

- ¹Первые итоги исследования городища Актобе опубликованы в сборнике "Материальная культура Казахстана", Алма-Ата, 1980.
- ²Научный отчет АЭУ, 1977, табл.16.
- ³Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.88, рис.42, II.
- ⁴Научный отчет, 1977-1979 гг.
- ⁵Там же, Байпаков К.М. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. - Вестник Академии наук Казахской ССР, 1966, № 8, с.64.
- ⁶Бернштам А.Н. Чуйская долина. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 14, табл.1, 5.
- ⁷Научные отчеты АЭУ, 1975 и 1980 гг.
- ⁸Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, "Наука", 1972.
- ⁹Материальная культура Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.39.
- ¹⁰Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI-XVIII вв.). - В сб.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., "Наука", 1982, с.121-130.
- ¹¹Первая цифра - номер погребения, две следующие - год раскопок.
- ¹²Кашгарский Махмуд. "Диуани Лугат-ат-турк".
- ¹³Елеуов М.Е. Раскопки средневековой мастерской. - В сб.: Материальная культура Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.60;
Байпаков К.М. Керамика с городища Кулан. - В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с.95.
- ¹⁴Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина" - Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1950, № 14, с.46-47.

¹⁵Научный отчет АЭУ, 1982.

¹⁶Научный отчет АЭЗ-80, рис.24,7,10; рис.25,2,11; рис.26,3; рис.29,8; Акишев К.А. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.93,47,6; Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с.58, табл.15,5; там же, с.49, табл.ХI, 7-11; Бубнова М.А. Средневековые мастерские рабада (по материалам Орловского городища), ИАН КирССР, 1959, т.1, с.56, рис.5.

¹⁷Научный отчет АЭУ-80, с.6-7.

¹⁸Там же, 1981, с.2-30.

¹⁹Васильев А.И. Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник. Л., 1934.

²⁰Нильсен В.А. Варахская цитадель. Труды ИИААН УзССР, т.8. М., 1956, с.49, рис.5, с.87.

²¹Воронина В.Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. - Материалы и исследования по археологии СССР, 1950, № 15, с.190.

²²Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с.55-56.

²³Байпаков К.М. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. - КазССР ВАН, № 8, 1966, с.64.

²⁴Бернштам А.Н. Труды Семиреченской экспедиции. Чуйская долина. - Материалы и исследования по археологии СССР, 1950, № 14, с.34-36.

²⁵Байпаков К.М. Указ.раб., с.64.

²⁶Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана, с.81, рис.3,1, с.92; Кожемяко П.Н. Указ раб., с.32; Бубнова М.А. Указ раб., с.138, рис.9,55-56.

²⁷Буонова М.А. Средневековое поселение Ак-тобе I, у с. Орловки, с.138, р.9-33; Кожемяко П.Н. Указ.раб., с.51, табл. УП,10.

²⁸Научный отчет АЭУ-1979, с.44.

²⁹Воронина В.Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе. - В кн.: Материальная культура Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.21-24.

³⁰Материалы и исследования по археологии СССР, I4, с. 136-138, табл. I. XXXIII - I. XXXIV.

³¹Сенигова Т.Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI-IX вв. - В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с.140.

³²Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с.101-102.

³³Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.97.

³⁴Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан. Фрунзе, 1967, с.65.

³⁵Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с.149, 157.

³⁶Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана. - В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с.95.

³⁷Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Указ.раб., с.100, рис.54, I, 2.

³⁸Материалы и исследования по археологии СССР, I4, 1950, с.129-130, табл. I. XXXIII, I. XXXIV.

³⁹Шишкин В.А. Городище Варахша. М., , с.101-104.

⁴⁰Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан XI-XII вв. на Краснореченском городище, с.55; Он же. Оседлые поселения Таласской долины, с.160-166.

⁴¹Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан. Фрунзе, 1967, с.89.

⁴²Воронина В.Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе. Алма-Ата, 1980.

⁴³Научный отчет. Археологические раскопки на средневековом городище Актобе в 1979 году, с.25-30.

⁴⁴Научный отчет АЭУ, 1983, с.26.

⁴⁵Научный отчет АЭУ-1980, рис.24,7,10; рис.25,2П; рис.26,3; рис.29,8; Акишев К.А. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.93, рис.47,6; Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с.58, табл.ХУ,5,49, табл.ХІ,7-П; Бубнова М.А. Средневековые мастерские рабада, ИАН КирССР, 1959, т.І, с.56, рис.5.

⁴⁶Научный отчет АЭУ-1980, с.6,7.

⁴⁷Елеуов М.Е. Раскопки средневековой мастерской на городище Актобе. - В кн.: История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.59.

⁴⁸"Московские новости", № 9, 9 декабря 1984 г.

РАСКОПКИ ШАХРИСТАНА НА ГОРОДИЩЕ АКТОБЕ

Исследования на городище Актобе показывают полную застройку шахристана домами, образующими стенные массивы, разделенные улочками.

Большой научный интерес представляет раскоп-2. Здесь выявлены строительные конструкции верхнего строительного горизонта, датированного XI-XII вв.

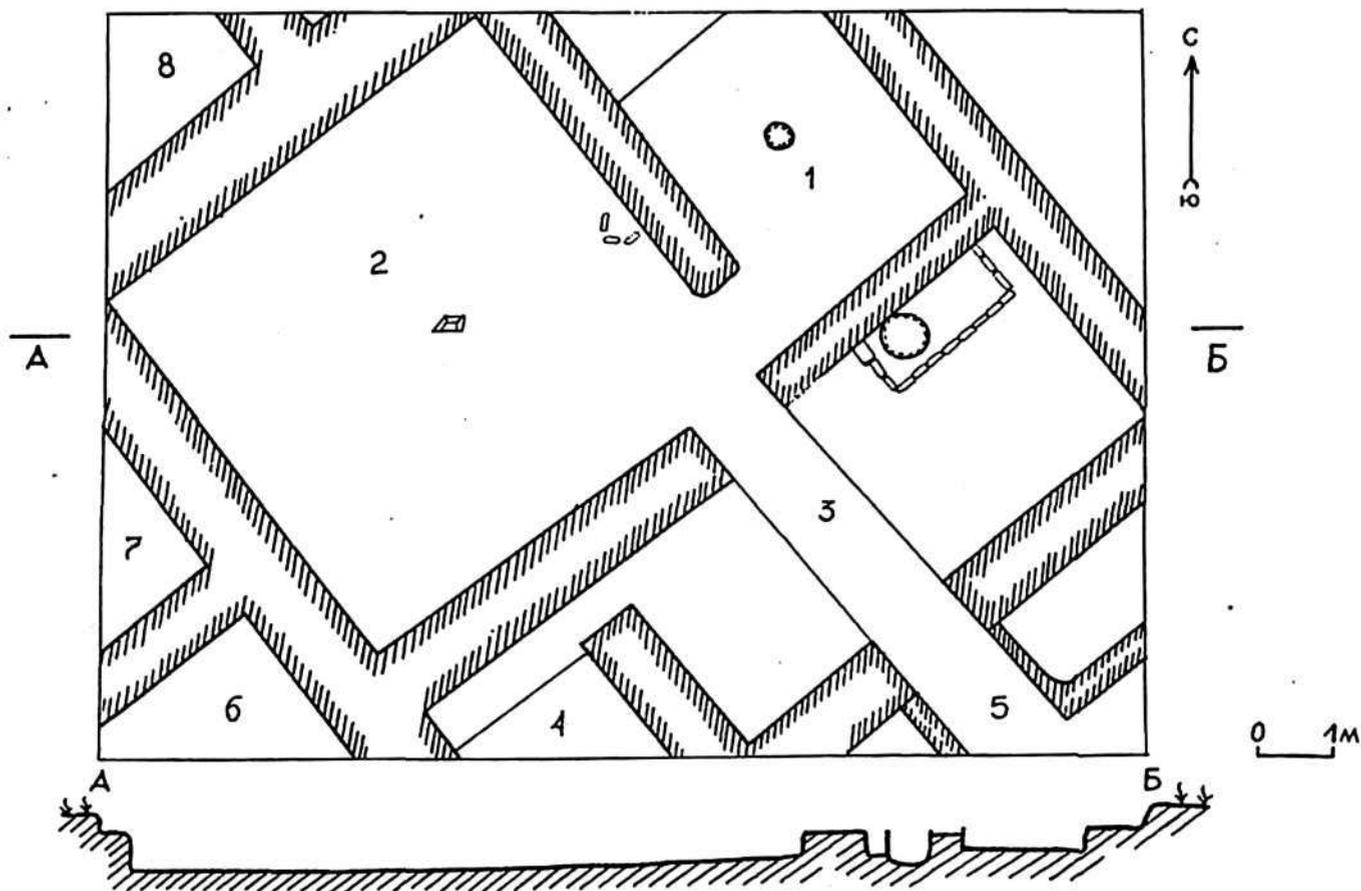
Раскоп № 2 был заложен на небольшом возвышении в 25 метрах северо-западнее цитадели. Он прямоугольной формы, 10x14 м, вытянут с востока на запад.

За время раскопок на площади 140 м², в зависимости от рельефа, снят культурный слой на глубину от 60 до 80 см.

С помощью раскопа выявлены строительные конструкции верхнего строительного горизонта, датированного XI-XII вв. В площадь раскопа полностью или частично вошли 8 помещений различных размеров и часть улицы (северо-восточный угол раскопа). На уровне полов помещений собрана большая коллекция керамики, металлические предметы, изделия из глины, камня, стекла.

Пять помещений № 1-5 связываются проходами и составляют отдельное домовладение. В дом входят помещения различного назначения.

Помещение № 1 в плане прямоугольное, раскопано почти полностью, площадью около 18 м². Большая часть комнаты занята глинобитной суфой шириной 2,9 м, длиной 3,9 м. По краю суфы плашмя выложены сырцовые кирпичи. На суфе лежали два квадратных кирпича из обожженной глины размером 22(23)x22(23)x4(5) см, а в центре глинобитного возвышения находилось основание небольшого очага (тандыра) диаметром 35 см, глубиной 5 см. Очаг заполнен золой. Свободной от суфы была северо-западная часть комнаты, где на полу зафиксирована зола и

ПЛАН РАСКОПА №2 ШАХРИСТАНА АКТОБЕ

угольки. В помещении найдена целая керамическая крышка диаметром 9 см, поломанный чираг, фрагменты котлов. В северо-западной стене находится проход шириной 1,3 м в помещение № 2 – самое большое в доме, площадью 43 м² (6x7 м). Пол комнаты зафиксирован на глубине 80 см, обмазан толстым слоем желтой глины. Не исключено, что помещение было летним двориком. В центре двора лежал плоский трапецевидный камень 20x20x30 см, вероятно, использовавшийся как база под деревянную колонну, поддерживающую кровлю. В квадрате 2в на уровне пола расчищены останки скелета, лежащего на спине головой на С-З. Правая рука согнута в локте и положена на живот. Левая рука, тазовые кости, ноги не сохранились. Сопровождающий инвентарь отсутствовал. Не удалось установить и погребальное сооружение.

К северо-восточной стене помещения посередине примыкает круг радиусом 25 см, сооруженный на полу из кусков обожженного кирпича, врытого на ребро.

При раскопках помещения № 2 часто встречались зола, угольки, куски шлака, отходы медного литья (капли, потеки меди), сильно коррозированные фрагменты медных изделий. Здесь же обнаружены куски бракованной глиняной посуды, фрагменты керамики стандартных форм, вылепленных в массовом количестве и не попавших в употребление. Помещение № 2 оказалось самым удачным на находки. Кроме перечисленных фрагментов керамики обнаружены целые тагора, кувшин со сливом, лепной горшок, поломанные чираги, поливные кесе, блюдо, керамическое сопло. Из некерамических находок следует упомянуть о железном наконечнике стрелы, железном кольце, заостренном стержне с кольцом из железа, бронзовом гвоздике, фрагментах стеклянного блюда и каменного сосуда с сажей на внешней поверхности.

В юго-восточной стене находится проход шириной 1,2 м в помещение № 3. Помещение № 3 проходное, в плане прямоугольной формы, площадью 22,7 м² (7,1x3,2) вытянуто с северо-востока на юго-запад.

В юго-западной стене был проход в помещение № 4. В юго-восточной стене помещался вход в помещение № 5. Неизвестно, куда вел проход шириной 1,2 м, пересекавший поперек помещение № 5. Остальная часть комнаты, слева и справа от прохода, занята суфой. Суфа сохранилась в высоту на 32 см, сооружена из глины, земли, кусков сырцового кирпича, сверху обмазана глиной, а по краю укреплена кладкой сырцового кирпича. Слева от входа в помещение № 3, посередине северо-восточной стены в суфу вмазан конической формы тандыр глубиной 60 см, диаметром венчика более 50 см, диаметром дна 40 см, с круглым топочным отверстием диаметром 16 см. Стенки тандыра покрыты косыми штрихами-линиями, образующими ромбовидную сетку. В тандыре находилась зола, угольки, косточки джиды. Тандыр устроен на прямоугольном возвышении 1,15x0,75 м, примыкающем к северо-восточной стене. Однаю короткая стенка сложена из серого сырцового кирпича 10x20x40 см, поставленного на торец; другая - короткая и длинная. Стенки сооружены из сырцового кирпича 13x30x4 см, положенного на ребро. Скреплялись кирпичи толстым слоем глины. Высота возвышения 40 см.

В помещении найдены археологически целый чираг, миниатюрный котелок (игрушка?), целая чашечка-светильник и другие фрагменты керамики. Справа от входа у юго-восточной стены на суфе лежал кувшин с отбитой горловиной, в нем сохранились остатки проса.

В помещение № 4 вел проход шириной 0,7 м. Это небольшая комната, шириной 1,25 м, вошедшая в раскоп частично. Всю площадь комнаты занимает суфа. Свободным остается проход шириной около 1 м вдоль северо-западной стены, смежной с помещением 2 и 4. В комнате на уровне пола обнаружены целая кружка на высоком поддоне, донце поливной чаши с вихревой розеткой в центре, фрагмент каменного сосуда с двумя горизонтальными ручками, в которые вдеты металлические кольца.

Помещение № 5 - кладовая, занимает юго-восточный угол раскопа.

В него вел проход шириной 1,2 м из помещения № 3. Слева и справа от входа к стенкам пристроены два прямоугольных закрома шириной 1,1 м, длина не определена, так как большая часть кладовой выходила за пределы раскопа. Перегородки закровов сложены из качественного сырцового кирпича желтого цвета размером 20x40x10 см, положенного плашмя в один ряд. Ширина перегородок 20 см, сохранившаяся высота 33 см.

Стены дома возведены из сырцового прямоугольного кирпича 20(21)x10x40 см, кирпич уложен плашмя на глиняном растворе. Изнутри стены обмазаны глиной. Местами заметны следы побелки. Толщина стен 0,9–1,2 м. Фундамент отсутствовал.

Найдены при расчистке помещений потеки шлака, меди, фрагменты медных изделий, фрагменты бракованной стандартной керамики, не бывшей в употреблении, фрагменты каменных сосудов, сильно закопченных снаружи, предназначенных для выдерживания большой температуры, керамическое сопло, дающие основание предположить, что перед нами – дом-мастерская. Домовладение принадлежало ремесленнику, который занимался изготовлением керамики и, возможно, медно-литейным ремеслом.

В площади раскопа оказались углы еще трех комнат – помещения № 6, 7, 8. Помещения № 6 и 7 расположены в юго-западном углу раскопа. Разделяются стеной, сооруженной традиционным строительным приемом, известным по результатам раскопок 1977 г.^I. Стены оконтурены по краям сильно пропесоченным сырцовым кирпичом 22x40x10 см, уложенным плашмя, а пространство между ними заполнено плотной земляной смесью, куда входила земля, куски кирпича-сырца, кости животных, фрагменты керамики. Внутренняя поверхность стен обмазана слоем глины желтого цвета толщиной 2,5–3 см. В помещении № 6 найдены поломанный чираг, археологически целый котел, фрагменты другой керамики (кружки, тагора, ступа). Другое помещение оказалось бедным на

находки - фрагмент каменного сосуда.

Помещение № 8 (северо-западный угол раскопа) ничем особенно не выделялся. В северо-восточном углу раскопа расчищена часть улицы. Еще до начала раскопок предполагалось, что здесь будет переулок, так как угол раскопа захватывал часть низины между двумя всхолмлениями (остатки кварталов). Раскопками сняли землю на глубину I м. Грунт плотный серого цвета, строительных конструкций и находок не обнаружено.

Результаты раскопок позволяют остановиться на некоторых вопросах городской культуры XI-XII вв.: строительных материалах, строительной технике, характере городской застройки и т.д.

Основным строительным материалом была глина, стандартный прямоугольный сырцовый кирпич и жженый кирпич, чаще всего квадратной формы, но различных размеров. Для кладки стен используется прямоугольный сырцовый кирпич желтого, серого или коричневого цвета (в зависимости от качества глины) с соотношением длинной и короткой сторон в пропорции 1:2, чаще всего размером 40x20x10, 38-40x19-21x8-10 см. Кирпичи такого же размера найдены при раскопках памятников XI-XII вв. Ферганы (Карабулак, Ана-Кызыл),² Юго-Западном Семиречье (Краснореченское городище,³ близок по размерам и строительный кирпич из Южного Казахстана и Таласской долины⁴).

Установлено, что кирпич XI-XII вв. с соотношением сторон 1:2 сохраняет пропорции сырца раннего средневековья, уменьшившись в размерах⁵.

Жженный кирпич применяется редко. Его размеры различны: 22x22x3-4 см, 23x23x5 см, 21x7x7 см, 22x9x10 см, 13x30x4-6 см, но форма одна - квадратная. Строители средневековья использовали кирпич как облицовочный материал⁶. На Актобе употреблялся как целый жженный кирпич, так и его фрагменты. Кирпичом обкладывали

борта площадки для тандыра, иногда край суфы, клали как "порожек". Квадратный жженный кирпич характерен для караханидского времени. Аналогичных размеров кирпич в X-XII вв. использовали в Юго-Западном Семиречье, Таласской долине, Южном Казахстане, Ташкентском оазисе и других территориях⁷

Находок поливной керамики очень мало. Из 124 учтенных фрагментов посуды только 5 покрыты глазурью. Различаются две формы — чаши и кесе. Вся поливная посуда изготовлена на круге из плотного беспримесного теста, хорошего равномерного обжига красно-оранжевого цвета. Глазурь блестящая, прозрачная, нанесена на белый ангоб. Подглазурная роспись черной, крановато-коричневой красками. Орнамент в виде вихревой розетки в центре, завитков, растительных элементов. На одном из фрагментов замечен стилизованный эпиграфический орнамент, нанесенный внутри чаши вертикально сверху вниз. Часто встречается пример подглазурной росписи в виде капель, точек темной краски по венчику. Стенки чаш расширяются от донца вверх, венчик закругленный или закрытый с одной стороны и заостренный с другой, слегка выгибается наружу. Диаметр венчика одной из чаш — 28 см. Встречаются донца двух видов — дисковидные, слегка вогнутые снаружи в центре, и кольцевидные, диаметром 12 см.

Найденное кесе-пиала тонкостенное, с обеих сторон покрыто бесцветной поливой по белому ангобу. Донце дисковидное, диаметром 4,5 см. Длина тулова 12 см, высота около 6-7 см.

Поливная керамика Актобе по форме, характеру поливы, приемам и мотивам орнаментации ничем не отличается от известных образцов посуды караханидского времени, распространенной на значительной территории. В X-XII вв. характерным мотивом росписи чаш была вихревая розетка нескольких разновидностей, занимавшая донную часть изделия. Широкие аналогии можно привести чаше с вихревой розеткой из Актобе⁸. Не менее широко распространена поливная

керамика с росписью в виде черных точек (овалов) по краю венчика и с эпиграфическим орнаментом, нарисованным как горизонтально, так и вертикально⁹. Это еще раз доказывает, что все Семиречье в караханидское время знало общераспространенные образцы поливной керамики, употреблявшиеся в Средней Азии¹⁰.

При раскопках помещений кроме керамической посуды обнаружены изделия из глины (дастарханы, трубы, пряслица), железа, камня.

Неполивная керамика на шахристане городища Актобе представлена в основном хумами, тагорами, светильниками и др.

Хумы представлены верхними частями 3-х сосудов с яйцевидным корпусом без шейки. Изготовлены на гончарном круге из плотного хорошо прокаленного теста с примесью песка и дресвы. Сверху покрыты белым или серо-коричневым ангобом. Высоту хумов установить не удалось, диаметр венчика от 34 до 50 см. Венчик массивный, отогнутый на бок, сверху имеет горизонтальную площадку шириной 3-4 см. По верху венчика одного из хумов нанесен волнистый гребенчатый орнамент.

Сопоставление находок Актобе по размерам, профилированию венчиков, форме с хумами из других памятников показывает общее их сходство с данной формой керамики на территории Семиречья¹¹, Таласской долины в раннее средневековье.

Хумча отличается от хумов размерами. Изготовлена ручной лепкой из дресвяного теста, сверху покрыта светлым ангобом, хорошего обжига. Имеет широкий венчик в сечении неправильно-овальный, резко отогнутый в сторону. На закраине зубчатым круглым штампом рядом нанесены два оттиска (клеймо мастера или знак собственности). Находки слишком фрагментарны.

Ступы однообразные по форме (усеченно-конические), различаются донной частью, размерами и профилировкой венчика. Ступы изготовлены ручной лепкой из сильно пропесоченного теста с примесью

древны, изредка мелких камешков диаметром до 1 см. Стенки хорошо обожжены (оранжевого и красного цвета), донная часть из-за толщины прокалена хуже, имеет в изломе серый цвет. Все ступы снаружи и изнутри покрыты светлым (беловато-желтым) ангобом. Ангобом покрыто дно. Ступы немного ассиметричны, из-за неровности дна неустойчивы. Высота ступ колеблется от 19 до 25 см и равна диаметру венчика - (от 18,5 до 25 см), диаметр дна - 11-16 см. Донная часть ступ очень массивна для придания сосуду устойчивости, толщина ее колеблется от 2-3,5 см у небольших ступок до 5-5,5 см у крупных экземпляров. Различается две разновидности дна при единой форме тулова:

- 1) ступы с цилиндрической донной частью
- 2) ступы с манжетовидным поддоном.

Приемы орнаментации тоже различны. В первом случае - это пальцевые ямочные вдавления в верхней части дна, во втором - пальцевые зацепы, нанесенные по краю поддона. Правда, встречаются экземпляры ступ с поддоном, сочетающим оба приема орнаментации: по краю - зацепы, в верхней части - пальцевые вдавления. Венчики у ступ неровные, по форме можно выделить прямоугольные, вертикальные и трапециевидные, угол основания трапеции у которых обращен внутрь ступы или наружу (итого 3 венчика). Под венчиком почти у всех ступок проходит неглубокий желобок, как бы выделяющий его. Снаружи одной из ступ по ангобу прочертана надпись, сохранившаяся лишь в окончании из-за осыпавшегося ангоба. Установить содержание надписи не удается.

По форме среди ступ можно заметить более приземистые, когда их тулово сразу переходит в дно, в виде конуса. Эти ступы преобладают в количественном отношении. Встречаются и ступы с удлиненной донной частью, напоминающей ножку вазы. На дне ступ внутри вкраплены мелкие камешки диаметром около 1 см, слегка

выступающие над поверхностью. Вероятно, эти камешки так вставлены специально и служили для улучшения растирания пищевых продуктов и других веществ, которые "толклись" в ступе.

Ступкообразные сосуды - весьма распространенный тип керамики на семиреченских городищах,¹³ много общего у них, (особенно в технике украшения) с таласскими сосудами, где преобладают ступы с манжетовидными налестами у дна¹⁴. Но если в Таласской долине ступкообразные сосуды в X-XII вв. почти исчезли из употребления¹⁵, то в Семиречье (в частности, на Актобе) в это время они еще широко применяются в быту.

Тагора - форма посуды в виде таза, изготовлены на гончарном круге из теста с примесью дресвы. На этом их сходство кончается. У одной из них тулово почти с прямыми стенками, расширяющимися от дна к венчику. Венчик овальный образован отгибом стенки, по середине его идет небольшой желобок. Тулово другой тагора более округло, после максимального расширения при переходе в закраину оно слегка сужается. Венчик в сечении подтреугольный с широкой горизонтальной площадкой сверху отогнут наружу. У каждой тагора по две ручки. У первой - это вертикальные петлеобразные ручки. круглые в сечении, прикрепленные к середине тулова. К плечу другой тагора прилеплены две горизонтальные ручки - налесты, с пальцевидным вдавлением в центре. Диаметр тагора 42-47 см.

Тагора получают широкое распространение в XI-XII вв,¹⁶ но относятся к числу менее распространенных видов посуды. Тагора использовались в хозяйственных целях. Находки тагора сделаны на средневековых городищах Семиречья,¹⁷ Ферганы,¹⁸ Таласской долины¹⁹, Хорезма и других территорий, где можно выделить отдельные элементы сходства с керамикой этого типа на Актобе (форма тулова, орнаментация, ручки).

В этом году на шахристане обнаружено всего два светильника, похожих друг на друга. Обычно находки светильников не редки,

и распространены в быту они были не меньше, чем котлы и крышки. Найденные светильники чашечковидной формы с небольшими оттянутыми сливами. Вылеплены вручную, небрежно. Один из беспримесного теста, другой из дресвяной глиняной массы. Плоскодонные, венчики овальные в сечении. Внутри одного из светильников пальцем прочерчена полоса. Размеры: высота 3,8-4 см, диаметр дна - 8-8,5 см, диаметр венчика - 11-11,5 см, толщина стенок около 1 см.

Находки светильников на городище в предыдущие годы приводят к некоторым соображениям. В X-XII вв. широко в быту употреблялись светильники. Одни из них изготовлены ремесленниками. Это хорошо вылепленные на гончарном круге чираги, тонкостенные плошки и т.д. Другие - домашнего производства, вылепленные небрежно, вручную, для внутрихозяйственного пользования. Коллекция керамики показывает, что в это время не существовало определенной стандартной формы светильников. Формы их различны, тщательность изготовления тоже. Уже появились поливные чираги, вероятно, использовавшиеся состоятельными гражданами, т.к. они, вероятно, были дорогими. Поливные чираги предназначались для освещения жилищ в особо торжественных случаях. Это были парадные осветительные приборы. Вместе с чирагами употребляются неполивные грубые светильники всевозможных форм. На Актобе сейчас насчитывается до 10 разновидностей светильников. Большинство из них характерны для быта менее состоятельных городских слоев, хотя встречаются совместные находки чирагов и неполивных, вылепленных вручную светильников.

Среди массы светильников X-XII вв. можно выделить три основных группы, среди которых также имеются варианты:

- I) в виде невысоких блюдец с прямыми стенками:
  - а) плоскодонные,
  - б) с выпуклым дном,

- в) плоскодонные со сливом;
- 2) В виде чашек - плошек:
  - а) со сливом,
  - б) без него.

Светильники изготовлены ручной лепкой и оформлены на круге. Различие форм светильников не увязывается с хронологией, а является, вероятно, результатом широкого их производства, из-за простоты изготовления.

Интересно, что на жилом комплексе Краснореченского городища в слоях X-XII вв. также присутствуют вместе с чирагами, покрытыми поливой, грубые светильники нескольких разновидностей²¹.

Светильники широко распространены в Семиречье и в Средней Азии, формы их самые различные,²² не менее широки аналогии, среди которых представлены и актобинские образцы²³.

Изучение верхних слоев шахристана Актобе предоставило новые данные о жизни раннесредневекового города, материальной культуре и быте горожан Чуйской долины.

---

¹ Научный отчет "Раскопки средневекового городища Актобе в 1977 году". Алма-Ата, 1977 (рукопись).

² Брыкина Г.А. Карабулак. - М., 1974, с.37.

³ Бернштам А.Н. Чуйская долина. - МИА, 14, 1950, с.39,43; Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище. - " Древняя и средневековая культура Киргизстана". - Фрунзе, 1967, с.56-57.

⁴ Агеева Е.И. Пацевич Г.К. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, археология, - Алма-Ата, 1956, с.40; Акишев К.А., Байпаков К.М., Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972, с.135,139.

⁵ Брыкина Г.А. Карабулак, с.37.

- 6 Воронкина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии. - "Архитектурное наследство, 1953, № 3, с.14.
- 7 Бернштам А.Н. Чуйская долина..., с.37; Байпаков К.М., Средневековые города и поселения Семиречья V-II вв. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966, с.6; Пацевич Г.И. Раскопки на территории Тараза в 1940 г. Тр.ИИАЭ АН КазССР, т.1, археология..., с.82; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах... 1953 года, с.41; Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968. с.146 и т.д.
- 8 Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище. Сб.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967, с.64, рис.5/10,12,86-87. Он же. Оседлые поселения Таласской долины. Сб.: Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963, с.149, таб.1; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр.ИИАЭ АН КазССР, т.5, Археология, Алма-Ата, 1958, с.194-195, рис.111; Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с.91-93, таб.Х1; 156; Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX - начала XIII в. Ташкент, 1967, с.83, рис.6,22; Лунина С.Б. Здание X-XI вв. на Алтынтепе. Сб. науч.тр. Ташк.университета, 1976, № 517, с.3-10; Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции, "Чуйская долина". МИА, № 14, 1950 и т.д.
- 9 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых..., с.194-195; Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ..., с.64-65; Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.). Тр. Хорезмской АЭЭ АН СССР, т.1У, М., 1959; Пугаченкова Г.А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда. "Известия АН Таджикской ССР",

- серия общественная , 1952, вып.П, с.57; Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., с.159; Ташхождаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда..., с.62.
- 10 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., с.162; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня Памиро-Алтая..., с.162.
- 11 Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана..., с.84,95.
- 12 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., с.143.
- 13 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины..., с.44-45; Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. В кн.: "Новое в археологии Казахстана"; Алма-Ата, 1968, с.76, рис.4/9; Он же. Керамика средневекового Кулана..., с.94.
- 14 Сенигова Т.Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI-IX веков. Сб.: "Вглубь веков", Алма-Ата, 1974, с.121-122, рис.1.
- 15 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., с.152.
- 16 Бубнова М.А. Средневековое поселение Актобе-I..., с.142.
- 17 Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан..., с.53-90.
- 18 Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974, с.62-63,64, рис.38;
- 19 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз..., таб.IV, рис.37; Бубнова М.А. Средневековое поселение Актобе-I... с.142.
- 20 Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма..., рис. 36/1.
- 21 Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан..., с.60, рис.3/15-17.
- 22 Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана..., с.83-89.
- 23 Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв..., с.50, рис. 3/15-17.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ
И ПОСЕЛЕНИЙ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Бассейн р.Чу по орографическим особенностям и условиям питания разделяется на три части: верхнюю – до выхода р.Чу из Боомского ущелья; среднюю – собственно Чуйскую долину и нижнюю – бесприточную область потерь стока в пустынях и песках Казахстана¹.

Археологическое изучение Казахстанской части среднего течения р.Чу начато в 1941 г. Г.И.Пацевичем, который во время разведки зарегистрировал 16 памятников средневековья². 14 из них расположены от поселка Степное до колхоза Новый Путь и, по мнению исследователя, могут быть объединены в две основные группы (округи – М.Е.) а именно: первая группа, расположенная в низовьях р.Ак-Су с городищем Актобе в центре ее, и вторая – в районе брода Тасутколь, вокруг безымянного городища, находящегося возле усадьбы колхоза Новый Путь³.

О средневековых памятниках исследуемого участка р.Чу имеются определенные упоминания в работах А.Х.Маргулана и Е.И.Агеевой⁴.

При обследовании городища Актобе в 1954 г. П.Н.Кожемяко был снят схематический план, заложено два шурфа и произведено два разреза валов⁵.

В 1964 г. К.М.Байпаковым в ходе изучения средневековых городов и поселений Чуйской долины на городище Актобе были описаны замки А,Б, а в округе городища Новый Путь усадьбы А,Б,В⁶.

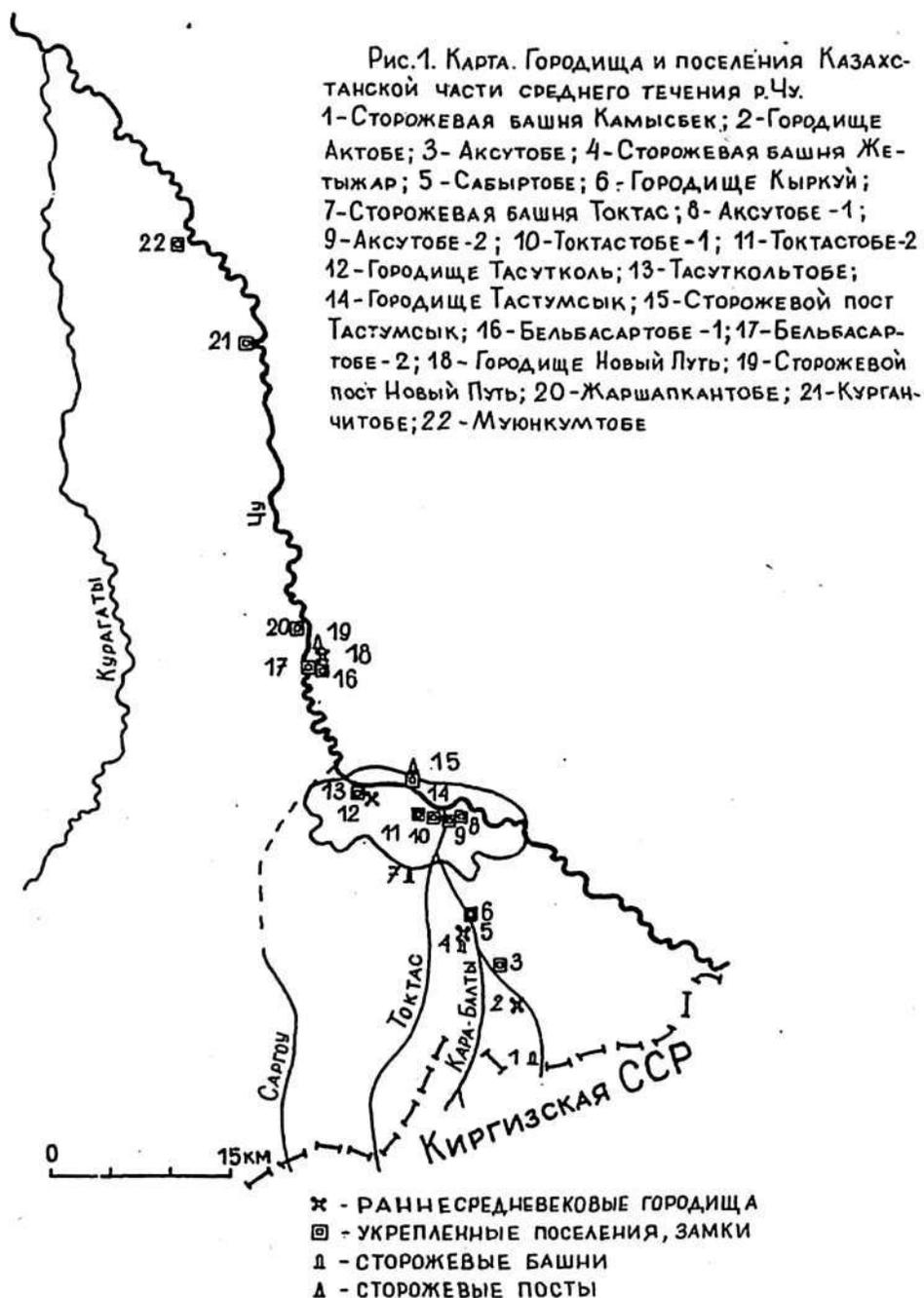
С 1974 г. изучением оборонительных сооружений городища Актобе⁷, а с 1980 г. – средневековых городов и поселений средней части Чуйской долины, их системы обороны занимается археологическая экспедиция КазГУ им. С.М.Кирова (в дальнейшем АЭУ).

В 1980, 1982 и в 1984 гг. отряд АЗУ, руководимый автором настоящей статьи, занимался исследованием Казахской части среднего течения р. Чу (рис. 1). В ходе работы в 1980 г. были выявлены сторожевые башни Камысбек, Жетыжар, Токтас и городище Тастумсык (в них частично была раскопана сторожевая башня Токтас), а в 1984 г. городище Кыркуй и сторожевой пост Тастумсык (рис. 2). В 1982 г. на городище Новый Путь были произведены раскопки, включавшие два раскопа.

Сторожевая башня Камысбек находится в 5,5 км к югу от цитадели городища Актобе, на левом берегу р. Аксу. Это холм диаметром 35 м, высотой 3 м. На вершине холма, ближе к северо-восточной стороне, имеется яма овальной формы длиной 14 м, шириной 8 м, глубиной 0,8 м. Холм окружен рвом прямоугольной формы размером 60x55 м, ширина рва 8-10 м, глубина 0,3-0,5 м (рис. 2, 1). По подъемному керамическому материалу сторожевая башня датируется X-XII вв.

Сторожевая башня Жетыжар находится в 7 км северо-западнее от цитадели городища Актобе, на краю высокой левобережной надпойменной террасы р. Карабалты. Это холм диаметром 20 м, высотой 3,5 м. Окружен валом прямоугольной формы размером 35x25 м, шириной 4 м, высотой 1 м, ориентированный длинной стороной по странам света. С внешней стороны вала идет ров шириной 5 м, глубиной 0,5 м (рис. 2, 2). По подъемному керамическому материалу сторожевая башня датируется X-XII вв.

Городище Кыркуй находится в 8 км к северу от цитадели городища Актобе, на правом берегу р. Аксу. В плане - правильный квадрат 50x50 м, ориентированный сторонами по странам света. Оплывшие стены шириной по основанию 10 м, высотой 1-1,2 м. Городище окружено рвом шириной 7-8 м, глубиной 0,5-0,7 м, вход в южной стене (рис. 2, 3). По подъемному керамическому материалу городище датируется X-XII вв.

Сторожевая башня Токтас находится в 2 км к северу от места впадения реки Токтас в Тасуткольское водохранилище и в 7 км к югу от Тасуткольского городища.

Это сооружение с холмом в середине, окруженное валом и рвом прямоугольной формы, ориентированное сторонами по странам света. Восточная половина сооружения разрушена береговым обрывом Тасуткольского водохранилища. Судя по оставшейся части, холм был диаметром 20 м, высотой 3 м, ширина вала 3 м, высота 1 м. Ширина рва 5 м, глубина 1 м (рис.2,4).

Изучение башни проведено путем зачистки со стороны обрыва. Цель его — определение времени постройки сторожевой башни и этапов ее функционирования. Длина зачистки в направлении север-юг 25 м, высота 3,2 м (рис.3,1).

В результате зачистки выявлены остатки двух строительных периодов, описание которых дается от нижних к верхним.

К первому строительному периоду относится земляная насыпь диаметром 7,8 м, высотой 1,2 м, окруженная рвом шириной 2 м, глубиной 0,5 м. Видимо, ров образовался в результате выемки земли для сооружения насыпи. Наверху, ближе к центру насыпи, имеется яма диаметром 0,7 м, глубиной 0,3 м. Стенки ямы сильно прокалены. В слое золы, заполнявшей яму, были найдены три фрагмента неполливной керамики, датируемые X-XII вв.

Ко второму строительному периоду относится башня, построенная над насыпью, вал и ров. Башня диаметром 6 м, сооружена из слоев пахсы толщиной 0,8 м. Сохранившаяся высота башни 1,7 м. Внешняя грань башни имеет откос 80° . Вал, окружающий башню, шириной по основанию 2,2 м, сохранившейся высотой 1,1 м, сооружен из слоев пахсы толщиной 0,5 м. С внешней стороны к валу примыкает ров шириной по верху 5 м, глубиной 2 м.

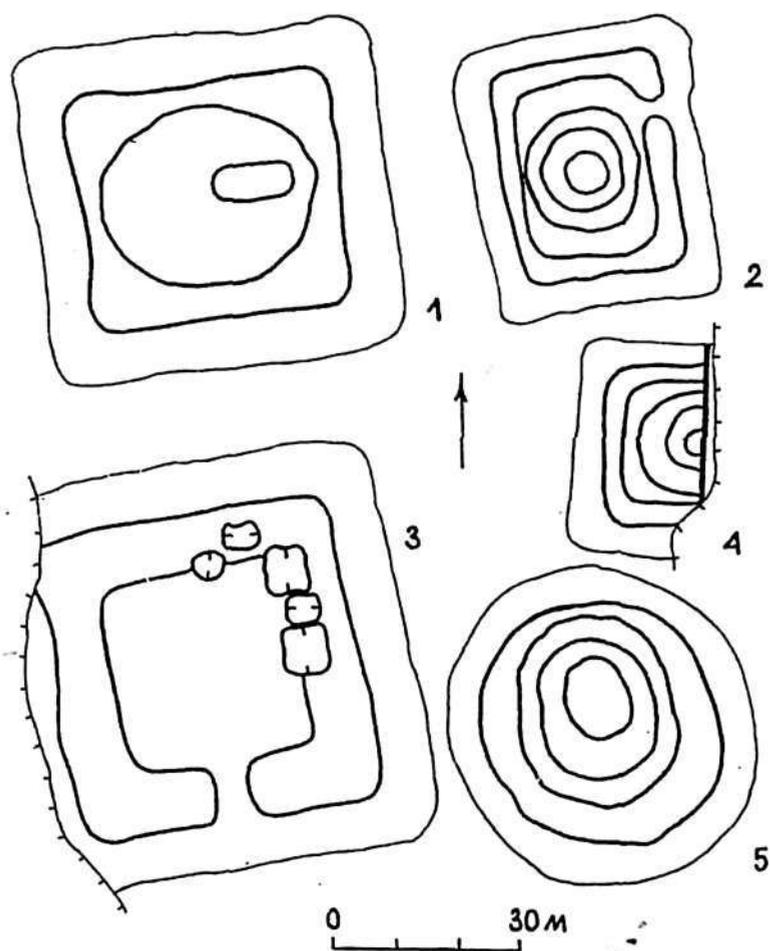

Рис.2. 1-Сторожевая башня Камысбек; 2-Сторожевая башня Жетыжар; 3-Городище Кыркуй; 4-Сторожевая башня Токтас; 5-Сторожевой пост Тастумсык.

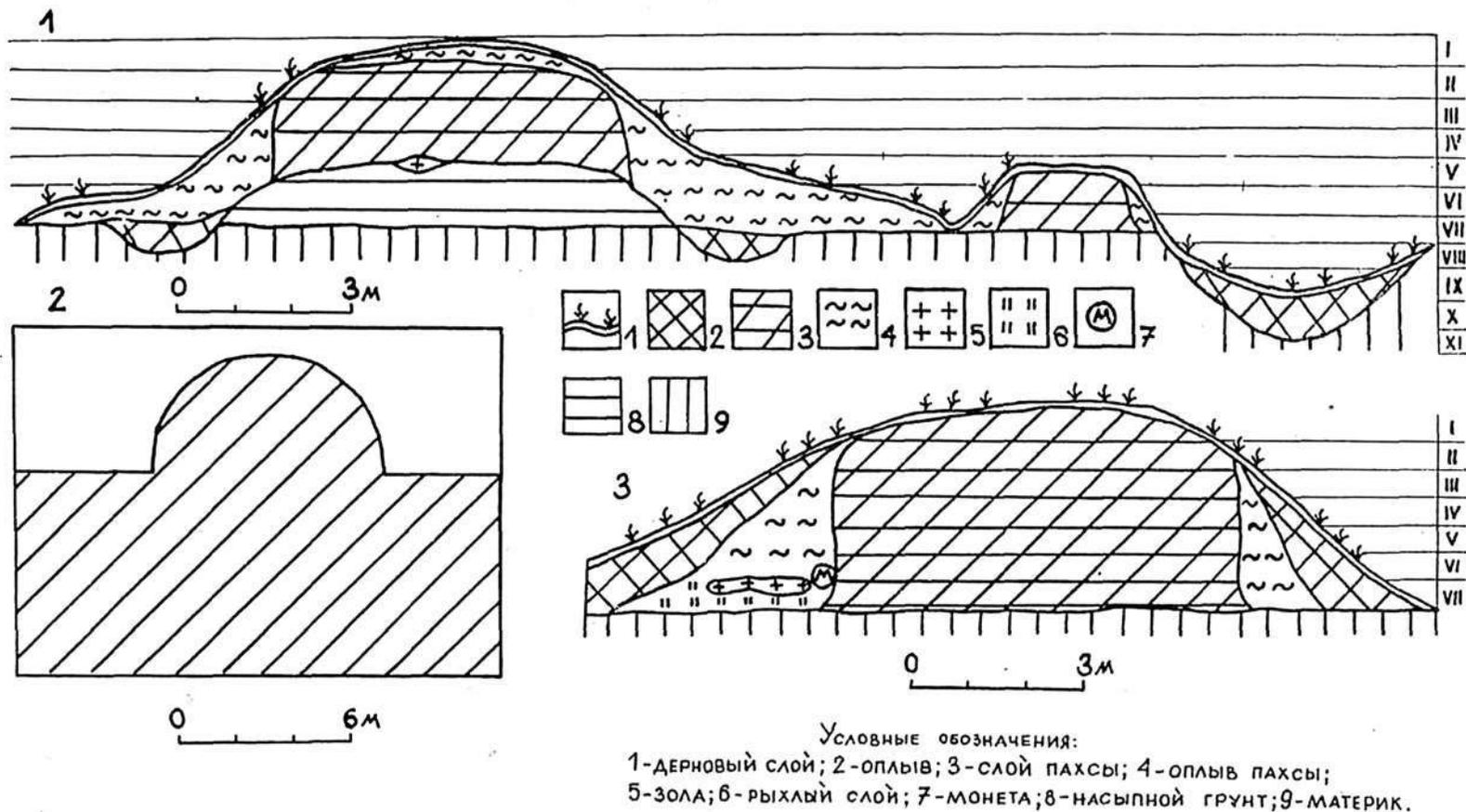

Рис.3. 1-Профиль зачистки сторожевой вашни Токтас;
 2-Профиль зачистки (раскоп1) городища Новый Путь;
 3-План раскопа 2 городища Новый Путь.

Датирующим материалом этого строительного периода являются фрагменты хума и кувшина, найденные в оплыве башни (рис.4, I, 2). Аналогичная посуда, датируемая X-XII вв. хорошо известна в Чуйской долине⁸.

Таким образом, выявленные в ходе зачистки строительные периоды наглядно показывают историю развития одного из пунктов системы оповещения в округе городища Тасутколь.

В начале, соответствующем первому строительному периоду, здесь был сооружен сторожевой пост, входивший в общую систему оповещения средневекового городища Тасутколь и его округ.

Во втором строительном периоде сторожевой пост был перестроен в сторожевую башню, окруженную валом и рвом.

По керамическому материалу время существования сторожевого поста и башни датируется X-XII вв., а хронологическое расчленение выделенных выше периодов крайне затруднительно из-за недостаточной изученности керамического материала X-XII вв. Чуйской долины.

Городище Тастумсык находится на правом берегу Тасуткольского водохранилища в 0,1 км к югу от дома егеря. Городище в настоящее время с трех сторон (кроме северной) омывается водохранилищем, в результате чего оно сильно разрушено и трудно определить размеры. Остатки городища представляют собой четырехугольник, ориентированный сторонами по странам света с сохранившейся длиной стен: северной - 32, восточной - 20, южной - 25, западной - 25 м и высотой 1,7-2 м. По подъемному керамическому материалу городище Тастумсык датируется X-XII вв.

Сторожевой пост Тастумсык находится в 0,3 км к северу от городища Тастумсык. Это холм диаметром 50 м, высотой 5,5 м (рис. 2, 5). Подъемный керамический материал - датируется X-XII вв.

Городище Новый Путь расположено на южной окраине одноименного села Чуйского района Джамбулской области, на правом берегу

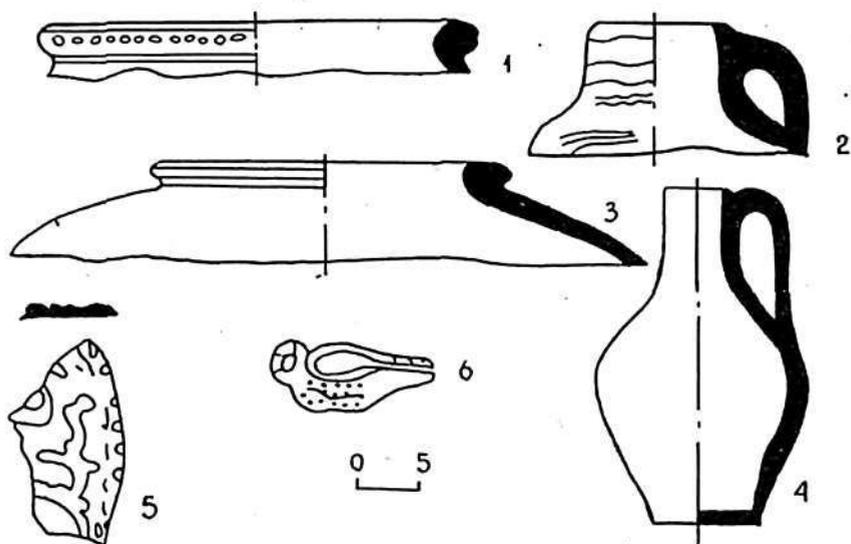

Рис.4. 1-2 - Керамика сторожевой башни Токтас;
3-6 - Керамика городища Новый Путь.

р. Чу. В плане прямоугольное, размером 450x480 м, ориентировано сторонами по странам света и окружено валом шириной по основанию 12-17 м, высотой 3-3,5 м. На углах, по фасу валов и по обе стороны четырех входов имеются остатки многочисленных башен в виде высоких холмов. Городище окружено рвом шириной 40-45 м, глубиной до 1 м. В середине городища, ближе к западной стене, находится цитадель прямоугольной формы размером 56x88 м, высотой 2-2,5 м, окруженная валом.

Фиксация памятника со съемкой схематического плана и интерпретацией его как городского центра выполнена в 1941 г. Г.И. Пацевичем. Раскопки памятника не проводились, по подъемному керамическому материалу оно датировано X-XIV вв⁹.

С целью изучения структуры и конструктивных особенностей вала в районе правого крыла северного входа, где вал и культурные слои были разрушены карьером, произведена зачистка, обозначенная как раскоп I. Длина зачистки 16 м, глубина 3,5, (рис. 3, 2). В результате проведенных работ установлено, что вал является оплывшей стеной, толщиной по основанию 7 м, сохранившейся высотой 3,4 м. Крепостная стена сооружена без фундамента и имеет с внутренней стороны откос в 75°. К основанию крепостной стены с внутренней стороны примыкает культурный слой толщиной 0,7 м, состоящий из рыхлой земли с золой, где были найдены фрагменты неполивной (рис. 4, 3, 4), поливной керамики (рис. 4, 6) и карахандская монета.

Крепостные стены, сложенные из отдельных слоев пахсы толщиной от 7 до 20 см, известны в Чуйской долине на городищах Ключевское¹⁰, Милляфан¹¹ и датируются VIII-IX вв¹².

Раскопом 2, (площадь 17x5 м) вскрыта башня 2 северной стены (от западного угла). До начала работ башня представляла собой полуовальной формы бугор, выступающий более, чем на 6 м от вала.

Полная расчистка башни и прилегающего к ней участка крепостной стены позволила установить, что она полукруглая, диаметром 8 м, сохранившаяся высота 3,5 м. Башня построена одновременно с крепостной стеной из слоев пахсы толщиной 8–10 см. Внешняя грань башни шла с откосом в 70° и выступает на 4 м от крепостной стены (рис.3.3). В оплыве башни найден фрагмент крышки (рис.4,5). Башни круглой формы, расположенные на угловых участках стен, были отмечены на городище Джикиль, датируемом VIII–IX вв.¹³, а полукруглые башни – в юго-западном и юго-восточном углах здания второго слоя (VIII–IX вв.) на цитадели городища Баба-Ата¹⁴. Полуовальная (полукруглая) башня шахристана Баба-Ата, датируемая X–XII вв., сложена из сырцового кирпича размером 38x19x10 и 40x22–10 см¹⁵.

Е.И.Агеева в ходе изучения башен Баба-Ата делает вывод о том, что "самостоятельной конструкции оборонительные башни не имели. Это были лишь мощные закругления на валу, внутри которых находилось небольшое караульное помещение"¹⁶. Следует отметить, что исследуемая башня городища Новый Путь, как и башни Баба-Ата, были мощным закруглением на стене, выступающим по фасаду на 4 м.

Датировка вскрытых в ходе раскопок оборонительных сооружений определяется керамическим материалом (рис.4,3–6), которая характерна для городов и поселений Чуйской долины периода X–XII вв.¹⁷. Не противоречит этой дате найденная в раскопе I в культурном слое караханидская монета¹⁸.

Таким образом, на обследованном участке р.Чу выявлено 22 памятника X–XII вв., из них 20 расположены в округах городища Актобе (6), Тасутколь (9) и Новый Путь (5). Памятники округа Актобе тянутся на длину 13,5 км, округа Тасутколь – на 8 км, округа Новый Путь – на 4 км.

Наглядную картину расположения памятников по округам дает таблица I.

Таблица I

Распределение городов и поселений по округам

Округи	Городища, замки, укрепленные поселения, сторожевые башни и посты				
	Всего	В том числе			
		центры округов	замки, укрепленные поселения	сторож. башни	сторож. посты
Актобе	6	1	3	2	-
Тасутколь	9	1	6	1	1
Новый Путь	5	1	3	-	1
Итого:	20	3	12	3	2

Два памятника (Курганчитобе, Муюнкумтобе) находятся к северу от округа Новый Путь. Они, по мнению Г.И.Пацевича, относятся к другой группе (округе - М.Е.), центр которой, возможно, был ниже р.Чу, т.е. в районе самого поселка Муюнкум¹⁹.

Центры округ (Актобе, Тасутколь, Новый Путь) расположены в удобных природно-географических местах и поэтому имели важное стратегическое значение, подтверждением которого является то, что все три городища находятся на берегах рек, кроме того, городище Актобе расположено между реками Аксу и Карабалта, Тасутколь - у единственного брода в среднем течении р.Чу, Новый Путь - на подступах к броду Тасутколь.

В расположении мелких городов, замков и укреплений, прежде всего, преследовалась цель обеспечения безопасности важнейших дорог к центрам округов, а также для защиты местного населения. Как правило, они строились на берегу больших и малых рек (Аксутобе, Сабыртобе, Кыркуй, Аксутобе-1, Аксутобе-2 на берегу р.Аксу; Тасуткольтобе, Тастумсык, Бельбасартобе-2, Жаршапкан - на берегу р.Чу), на узловых дорогах (Тасуткольтобе, Тастумсык - у брода Тасутколь), холмах и подступах к центрам округов (Аксутобе, Сабыртобе - в округе Актобе; Тасуткольтобе, Тастумсык - в округе Тасут-

коль, Бельбасартобе-1, Бельбасартобе-2 - в округе Новый Путь).

Памятники каждого из округов расположены на видимом расстоянии друг от друга, причем, каждый из них заметен от главного городища округа (табл.2). Связь между округами осуществлялась через сторожевые башни или посты.

В округе городища Актобе имеются две сторожевые башни, одна из них (Камысбек) расположена на юге, а вторая (Жетыжар) - на севере. Через сторожевую башню Камысбек осуществлялась связь с округом городища Толек на юге, а через Жетыжар - с округом городища Тасутколь на севере.

В округе городища Тасутколь имеется одна сторожевая башня (Токтас), которая обеспечивала связь с округом городища Актобе на юге.

Сторожевые посты расположены в непосредственной близости к городищам, на возвышенных местах, в том или ином конце округа, на хорошо видном месте от крайнего памятника соседнего округа. Так, сторожевой пост Тастумсык расположен в 0,3 км к северу от городища Тастумсык, на севере округа, на возвышенном месте, обеспечивал связь с округом городища Новый Путь, так как отсюда хорошо видны все памятники двух соседних округов.

Сторожевой пост Новый Путь находится в 0,5 км к северу от одноименного городища, которое могло обеспечивать связь с городищами, существовавшими к северу.

Сторожевые башни, как отмечено В.Л.Ворониной, размещались цепью вдоль дорог с расчетом взаимной видимости двух соседних башен и служили для сигнализации о приближении неприятеля²⁰.

Целая система сигнальных башен-маяков известна на Устюрте, цепь их начинается от мыса Урга; далее они тянутся вдоль Чинка на юг с дистанцией около 20 км одна от другой, составляя единственную систему, по которой световой сигнал о появлении враждеб-

ных спешняков на плато мог быть передан в Ургенч с любого пункта Чинка в течение какого-нибудь получаса. С.П.Толстовым цепь хорезмских укреплений и сочетающиеся с ними сигнальные башни-маяки, расположенные на Устюрте, датируются X в²¹.

Своеобразными памятниками в среднем течении р.Арысь являются сторожевые курганы караул-тобе. Они расположены на высоком левом берегу р.Арысь. Расстояние между ними 8-10 км. Курганы расположены так, что с каждого из них виден соседний караул-тобе и в то же время эти курганы видны с каждого тобе (бугра) или городища, расположенного в пойме. Из обследованных пяти городищ караул-тобе шурф был заложен на Караул-тобе IV и установлено, что курган насыпной²². К сожалению, из-за неизученности караул-тобе среднего течения р.Арысь, вопрос их датировки остается открытым.

В низовьях р.Талас находятся два укрепления Ак-Кесене и Кок-Кесене, отличием их являются крупные сторожевые башни, находящиеся в одном из углов, датируемые соответственно XIII-XVI вв. и XIII-XVI вв.²³

В 1983 г. автором было обследовано укрепление со сторожевой башней Ак-Кесене. Укрепление размером 21x22 м, окружено стеной, углы которого усилены башнями. В восточном углу укрепления находится сторожевая башня Ак-Кесене с внутренней винтовой лестницей. Башня построена из сырцового кирпича размером 40x17x6 см. В результате проведенных раскопок установлено, что сторожевая башня Ак-Кесене, сохранившаяся в высоту на 14,3 м, и укрепления построены одновременно и датируются X-XI вв.

Такого же типа башня Ак-Сумбе, сохранившаяся на северном склоне Каратау, у выхода из ущелья р.Ак-Сумбе, но в отличие от первых, она расположена на вершине высокой, отдельно стоящей возвышенности, тогда как само укрепление находится у основания ее. Сторожевая башня Ак-Сумбе датируется XIII в²⁴.

Таким образом, сторожевые башни и посты исследуемого участка р.Чу, датируемые X-XII вв., имеют широкую аналогию не только в Таласской долине, а также на северном склоне Каратау, в Южном Казахстане и на Устюрте.

В целом, средневековые города и поселения исследуемого участка р.Чу в период X-XV вв. имели сложную, хорошо разветвленную систему обороны. Каждый округ и памятники округа выполняли определенную роль в обороне участка в целом и отдельных пунктов в частности. Сторожевые башни и посты, находясь между округами или в округе на возвышенных местах и цепью вдоль дорог, своевременно давали знать о приближении неприятеля.

-
- ¹ Ресурсы поверхностных вод СССР. Том.14. Средняя Азия. Вып.2. Бассейны оз.Иссык-Куль, рек Чу, Талас, Тарим. Л.:Гидрометеиздат, 1973, с.35.
  - ² Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения р.Чу. -Рукопись Архива отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, инв.51, 1962, с.10-27.
  - ³ Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения р.Чу, с.27.
  - ⁴ Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг). - Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып.1, с.129-130; Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (отчет экспедиции 1948 года) - Известия АН КазССР, серия археологическая, вып.3. - Алма-Ата, 1951, с.8.
  - ⁵ Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959, с.114-118.

- 6 Баллаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (УП-ХІ вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Алма-Ата, 1966, с.59-61.
- 7 Шалекенов У.Х., Елеуов М.Е., Алдабергенов Н.О. Раскопки цитадели городища Актобе. - Сб.: Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. - Алма-Ата: Изд. КазГУ, 1978, с.161-179; Елеуов М.Е. Этапы развития крепостной стены шахристана городища Актобе. - Сб.: Алма-Ата: изд.КазГУ, 1980, с.48-56; Елеуов М.Е. К изучению цитадели Актобе. - Материалы республиканской научной конференции молодых ученых и специалистов по общественным наукам, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина - Алма-Ата, 1981, с.142-143.
- 8 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с.56, тагл.ХІУ, 1-10.
- 9 Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения р.Чу, с.21-23.
- 10 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с.107.
- 11 Там же, с.138, рис.41.
- 12 Там же, с.176.
- 13 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с.75.
- 14 Агеева Е.И. Цитадель. - Труды ИМАЭ АН КазССР, т.14. Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Алма-Ата, 1962, с.139, рис.20.
- 15 Агеева Е.И. Оборонительные сооружения и рабадн. - Труды ИИ АЗ АН КазССР, том.14, Археологические исследования на северных склонах Каратау, с.163, с.181, рис.42.
- 16 Агеева Е.И. Оборонительные сооружения и рабадн. С.174.
- 17 Алдабергенов Н.О. Шлифцы горожан на рабаде городища Актобе. -

- В сб. История материальной культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1980. с.43, рис.2,21,22; с.45, рис.3,1; Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с.159, таб.У;
- Шалекенов У.Х., Елеуов М.Е., Алдабергенов Н.О. Раскопки цитадели городища Актобе, с.176; Елеуов М.Е. Раскопки средневековой мастерской на городище Актобе. - В сб.: История материальной культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1980, с.60, рис.3,4.
- 18 Датировка монеты произведена СНС отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Бурнашевой Р.З.
- 19 Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения р.Чу, с.27.
- 20 Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии. - СА, 1959, № 1, с.97.
- 21 Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации. М.-Л., 1948, с.249.
- 22 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. - В сб.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969, с.13.
- 23 Археологическая карта Казахстана. Реестр, Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1960, 1960, с.238.
- 24 Маргулан А.Х. Оседлые поселения VIII-XIII вв. на северных склонах Каратау. - Известия АН КазССР, серия археологическая, вып.1, Алма-Ата, 1948, с.109-110.

Таблица 2.

Археологические памятники Казахской части
среднего течения р. Чу и их расстояния

Городища, замки, укрепления, сторо- жевые башни и посты.	Дата век	Р а с с т о я н и я			
		между ними в км.	Между центрами округов в км.	От центра округа до отдельных памятник. в км.	Между баш- нями и постами в км.
<u>Округа городища Актобе</u>					
Сторожевая башня Камысбек	X-XII	0		5,5	0
Городище Актобе	V-XII	5,5	0	0	
Аксутобе	IX-XII	3		3	
Сторож. башня Жетъжар	X-XII	3		7	12
Сабыртобе	X-XII	1		6	
Городище Кыркуй	X-XII	1		8	
<u>Округа городища Тасутколь</u>					
Сторожевая башня Токтас	X-XII	6		8	8
Аксутобе-1	X-XII	6		8	
Аксутобе-2	X-XII	0,2		7,8	
Токтастобе-1	X-XII	1,5		6	
Токтастобе-2	X-XII	1		5	
Городище Тасутколь	XI-XII	4,5	21	0	
Тасуткольтобе	IX-XII	0,5		0,5	
Городище Тастумсык	X-XII	4		4	
Сторожевой пост Тастумсык	X-XII	0,3		4,2	9
<u>Округа городища Новый Путь</u>					
Бельбасартобе-1	X-XII	11		1	
Бельбасартобе-2	X-XII	0,25		0,8	
Городище Новый Путь	X-XII	0,8	12	0	
Сторожевой пост Новый Путь	X-XII	0,5		0,5	11
Жаршапкантобе	V-X	2,5		3	

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩА АКТОБЕ
(ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА).^Ж

Исследователи городской цивилизации раннесредневекового Казахстана разделяют зону освоения в естественно-географическом и культурно-историческом отношении на три крупных региона: Южный Казахстан (долина Сырдарьи и предгорья Каратау), Юго-Западное Семиречье (Чуйская и Таласская долины) и Северо-Восточное Семиречье (Илийская долина).¹ Археологические раскопки городищ Юго-Западного Семиречья показали, что в Чуйской долине известно свыше 20 городищ, имеющих слои VI-VIII вв.² Возникнув в VI-VII вв. на международном торговом пути из Средней Азии в Центральную и далее на восток, города Чуйской долины к X в. превратились в значительные торгово-ремесленные центры. Особенностью их являлась тесная связь с земледелием, внешне выражающаяся в обнесении стенами больших участков обрабатываемых земель, по площади в десятки раз превосходящих сам город.³ По словам Чан-чуня, к югу от Чу в его время была широко развита земледельческая культура при искусственном орошении; кроме земледелия, жители занимались шелководством и виноделием.⁴ В территории, окруженной длинными стенами, надо видеть сельскохозяйственную округу города, занятую земледельческим населением. Именно от нее зависело население города в продовольственном отношении,⁵ а, видимо, от ее размеров зависела и численность городского населения. Одним из таких раннесредневековых городов был Актобе.

---

^Ж Автор приносит искреннюю благодарность проф. исторического факультета КазГУ, начальнику АЭУ У.Х.Шалекенову за предоставленный материал.

Обнесенный тремя мощными оборонительными валами, общая протяженность которых превышает 50 км,⁶ он расположен в среднем и нижнем течении рек Аксу и Карабалты, впадающих в р. Чу. Это положение благоприятствовало возделыванию зерновых и технических культур, развитию плодоводства и виноградарства.

Актобе на протяжении последних 30 лет являлся объектом внимания казахских и киргизских археологов.⁷ Он включен в "Археологическую карту Казахстана" как один из крупнейших городских центров Чуйской долины VII-XII вв.⁸ С 1974 г. началось планомерное изучение памятника специалистами кафедры археологии и этнографии исторического факультета Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова. Была организована университетская археологическая экспедиция (АЭУ), которая ведет работу по выявлению городской культуры раннесредневекового города. Любое исследование в этом направлении заслуживает внимания, так как в своеобразном культурном комплексе городов Семиречья много вопросов, требующих дифференцированного подхода к их изучению. По сей день в литературе, с одной стороны, ставится вопрос не только о большой роли согдийских городов в Семиречье, но даже и о наличии там в первой половине VIII в. достаточно влиятельного политического объединения ("федерация согдийских городов"), с другой - для Тараза постулируется образование города на основе местного, тюрко-карлукского населения.⁹ Представляется, что возможен и иной аспект подхода к данной проблематике.¹⁰ В этой связи археологические материалы с городища Актобе в комплексе с находками из других городских центров Чуйской и Таласской долин (Ак-Бешим, Бурана, Краснореченское, Кулан, Мирки, Аспара, Актобе, Орловское, Садыр-Курган, Актобе Талас-

ское, Джувантобе и др.) помогут специалистам по раннесредневековой археологии сделать соответствующие выводы о социально-экономической и культурно-этнической истории региона.

Городище Актобе является остатком большого раннесредневекового города V–XII вв., расположенного на современной территории колхоза им.Калинина Чуйского р-на Джамбулской области. Оно занимает огромную площадь и состоит из цитадели, шахристана и рабада.¹¹ Подробная характеристика городища дана в соответствующей литературе.¹² Хотелось бы отметить, что в результате многолетних работ на Актобе (более 10 лет) археологам удалось выявить границу города, его структуру, оборонительные стены, систему водоснабжения, архитектуру а также вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью населения города, и его культурно-экономические связи.

Большое значение для освещения разных сторон социально-экономической и политической истории имеют нумизматические находки с исследуемых памятников. Письменные источники по полноте и ценности содержащихся в них сведений не одинаковы и часто требуют дополнительной информации. Таким ценным объективным источником могут служить монеты и монетные клады. К сожалению, количество монет, найденных на городище Актобе за время работ – незначительное (35 экземпляров). Они представлены одним металлом – бронзой. 17 экземпляров являются подъемным материалом, остальные найдены в культурных слоях рабада, шахристана и цитадели. Материал разделяется в следующих хронологических рамках: V–VIII вв., XI–XII вв.

Монеты VII–VIII вв. лучшей сохранности и представлены чеканом тюрков-тухусов (7 экз.) и тюркешей (3 экз.) Известно, что тухусы в X веке представляли одно из богатейших племен Золотой Орды.

Чуйскую долину.¹³ Первыми письменными свидетельствами об этом народе, по данным О.И.Смирновой, являются его монеты, датированные VII–VIII вв. Судя по археологическим материалам, тухусы начали выпускать свою монетную продукцию раньше тюркшей, что подтверждается надписями на монетах разных серий и типов.¹⁴ Надпись на одной из них (ранней) содержит согдийский титул главы рода тухусов "Тухусский $\text{y w \beta w}$ " или $\text{t y w s \hat{s} y w \beta w}$. Начало и конец надписи разделяет тамга Ψ , близко напоминающая, по мнению исследователей, китайский иероглиф "чу". Происхождение знака неизвестно.¹⁵ В "Кратком толковом словаре топонимов Казахстана" указано, что "Чу-Шу" – р., текущая на территории Казахской и Киргизской республик. Распространено мнение о происхождении этого названия из тибетского или китайского чу "вода", "река". Этимология не удовлетворительна.¹⁶ В тюркских диалектах встречается замена звука "ч" звуком "с",¹⁷ то есть "чу"="су", "вода". На наш взгляд, появление знака воды Ψ "чу" на монетах тухусов не случайно. Это, видимо, родовая тамга тюркских племен, занимавших долину реки Чу. Она, естественно, играла большую роль в хозяйственной деятельности населения этой долины. О почитании реки Иртыш кимаками отмечает персидский историк XI в. Гардизи: "Кимаки, – сообщает он, – оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: "Река – бог человека".¹⁸ Это пережитки древнетюркских религиозных верований, сохранившиеся и в более позднее время. Некоторые крупные города Чуйской долины носили одинаковое название с рекой. Это относится к городу Суябу, в котором В.В.Бартольд предлагает видеть тюрко-согдийское обозначение воды "سوی + آب".¹⁹

В китайских источниках реку Чу и город Суяб называли одинаково "Суй-е или Суй-е-шуй".²⁰

Монеты в раннее средневековье выпускались представителями владетельных родов, пользующихся авторитетной властью. Естественно, знаки-тамги на них являлись как бы символами или гербами этой власти. О.И.Смирнова разработала серию знаков-нишанов, связывая их с соответствующим временем и определенными центрами - городами, монеты которых они детерминировали.²¹ Возможно, знак "чу" Ψ , который известен в трех вариантах, можно связать с Суябом, тем более известно о его принадлежности в свое время тухусам.²² В 629 г. известный китайский путешественник Сюань-Цзянь, добравшись до р. Чу, нашел там тюркский город Суяб, где половина жителей торговала, половина занималась земледелием.²³ В Суябе уже в VII в. жили купцы из различных стран.²⁴ В нем помещалась Большая ставка тюркешского кагана: "Учжило захватил Су-е (Суяб), тотчас перенес свою ставку, стал проживать здесь; назвал долину Су-е Большой ставкой; город Гуньэ на реке Или был Малой ставкой."²⁵

Согласно анониму "Худуд ал-алам" в районе Суяба расселились племена тухси.²⁶ Название "тухси", "тухусы" - однозначное, так как местообитание этих племен по разным источникам - долина р. Чу. Раннесредневековый город Суяб отождествляется исследователями с городищем Ак-Бешим.²⁷ По данным Дж.Клоусона, здесь в VIII в. находилась ставка тюркешского кагана и выпускались его монеты с родовой тамгой правящих хаканов.²⁸ Заметим, что монеты тухусов с родовой тамгой " Ψ " имели ограниченный ореол - Чуйскую долину. Они зафиксированы пока на Ак-Бешиме,²⁹ на городище Красная Речка,³⁰ и на исследуемом нами памятнике Актобе. Основная масса монетных находок выпадает на Краснореченское городище, которое археологами локализуется со средневековым городом Навекатом.³¹

Они отмечают столбчатый характер города в VII-VIII вв. В дорожниках Ибн-Хордадбега и Кудамы Навекат или Невакат "большой город", "крупный торговый город" из Азии в Китай. Согласно Табари, последний тюркский каган жил в Невакете.³² Возникает, естественно, вопрос, в каком из городов Чуйской долины чеканились монеты тухусов? Ответить на него конкретно пока весьма трудно, так как сами монеты не дают ответа. Они являются анонимными (кроме определения в смысле "обштухусский $\omega \nu \beta \omega$ "), недатированными и без указания места чекана. Можно предположить, что их выпускал город Суяб, где чеканились тюркешские монеты. По данным О.И.Смирновой, подавляющее большинство монет тухусов обнаружено на городище Ак-Бешим - Суяб (24 экз.).³³ В последние годы были возобновлены археологические работы, проводимые совместно Киргизо-Казахским отрядом АН Киргизской и Казахской ССР. Был получен богатейший археологический и нумизматический материал, свидетельствующий, что Красная Речка - крупнейший памятник средневековой культуры Чуйской долины. Количество монет, обнаруженных за 1982 год из разных секторов шахристана, рабада, в том числе и из арыков - 115 экз., из них монеты тухусов составляют 36 экз.,³⁴ в то время как за 1981 год - 2 монеты.³⁵ Кроме того, О.И.Смирновой опубликованы 7 монет из раскопов П.Н.Кожемяко на городище Красная Речка.³⁶ Таким образом, сопоставляя в количественном отношении находки этих монет с городища Ак-Бешим (24 экз.) и Красная Речка (45 экз.), можно предположить их чеканку в Навекате. Приведенные выше данные по тухусским монетам из Красной Речки являются неполными, так как основные находки хранятся в Институте истории АН Киргизской ССР и к моменту написания статьи нам были недоступны. Расположение Красной Речки - Навеката на междуна-

родной трассе торгового пути способствовало также и развитию внутренней торговли и требовало, видимо, чеканки собственной монеты.

Институт истории АН Киргизской ССР продолжает свои работы на этом интересном памятнике, который, бесспорно, дает новые сведения по раннесредневековым монетам, что будет способствовать разрешению вопроса о месте чеканки монет тухусов-Тухси.

Впервые обратила внимание на исследуемые монеты О.И.Смирнова. Она приняла чтение, предложенное В.А.Лившицем, "тухусский $\omega\psi\omega$ " от названия тюркского племени, связанного с городами Суяб, Биклиг и другие.³⁸ Возможно, чеканка монет производилась только в одном центре, обеспечивавшем денежными средствами все города Чуйской долины. Древнетюркские монеты носили узко-локальный характер и обращались только на территории небольших областей. Исключения составляли тюркешские монеты, использовавшиеся при международной торговле. Их находки в городах Таласской долины, Испиджабской области, Отрарского оазиса, в Чаче и Пенджикенте говорят о широком проникновении этих денег в присырдарьинские районы и в Согд. К востоку от Семиречья находки тюркешских монет редки,³⁹ так как в нумизматическом отношении эта территория мало изучена.

В чекане тухусских монет О.И.Смирнова выделила три типа, причем последний рассматривался ею как брак, полученный при литье (4 монеты). Они представляют собой гладкие монетные кружки без всяких отливий.⁴⁰

Тип I на лицевой стороне имеет надпись согдийским полукурсивным письмом, как на монетах тюркешей: "небесного тюркеш-хакана деньга". На оборотной стороне - знак "чу" ψ тухусов и надпись "тухусский $\omega\psi\omega$ ", указывающая, что носитель этого титула является главой тухусских племен. Однако надпись

на лицевой стороне этого типа указывает на зависимость этих племен от тюргешского кагана.⁴¹

Тип II в отличие от I-го имеет на лицевой стороне надпись также согдийским полукурсивом: "тухусский $\omega\psi\beta\omega$ " со знаком "чу", а обратную сторону - гладкую.⁴² Вероятно, этот тип можно считать более ранним из-за отсутствия надписи, указывающей на зависимость тухусов-тухси от тюргешского кагана.

Монеты тухси на городище Актобе были обнаружены в 1978 г. на цитадели в количестве 7 экз. За исключением одной, они хорошей сохранности и соответствуют I-му типу, описанному О.И.Смирновой.⁴³ На лицевой стороне имеют надпись: "небесного тюргеш-кагана деньга", а обратной стороне "тухусский $\omega\psi\beta\omega$ " со знаком Ψ . Титул $\omega\psi\beta(\omega)$, по мнению О.И.Смирновой, является низшей ступенью в иерархической лестнице УП-УШвв. и его носили владьки (дихкане), местные князья.⁴⁴ Датируются наши монеты, по-видимому, первой половиной УШ в. Но, возможно, что они участвовали, как и монеты тюргешей, в денежной торговле в течение УШ-IX вв.

К числу находок 1978 г. относятся также 3 монеты тюргешей, обнаруженные в стратиграфическом раскопе (ярус XII) на шахристане. Монеты хорошей сохранности и аналогичны типу IV (по О.И.Смирновой).⁴⁵ На лицевой стороне этих монет тюргеша ставили свою тамгу τ - стилистический вариант рунического "ат", а на обратной писали одну и ту же надпись, подчеркивающую принадлежность их к главенствующему роду семиреchenских тюрок: "небесного тюргеш-кагана деньга". По всей вероятности, этот тип тюргешских монет был самым основным, так как является наиболее обильным в выпуске и самым распространенным. Их находки зафиксированы на огромной территории от Семиречья до Согда, включая присырдарьинские области. Широкий ореол рас-

пространения тюркешских монет находит себе объяснение в широких связях самих тюркешей. Центрами их выпуска были крупные города Семиречья — Суяб и Тараз в VIII—IX вв.

Интересно отметить, что автор сочинения "Худуд ал-Алем" и Гардизи делят тюркешей на две группы — тухси и аз.⁴⁶ Племена тухси входили в карлукскую конфедерацию наряду с другими тюркоязычными группами (чигили, азкиши, халаджи, чаруки и др).⁴⁷ Карлуки в начале второй половины VIII в. подчинили тюркешей и поселились в Семиречье. Хозяйственную жизнь в регионе они не изменили. Нумизматический материал свидетельствует о том, что до установления господства Караханидов денежная торговля в основном обслуживалась монетами тюркешей и тухси. По-видимому, выпуск их периодически возобновлялся по мере необходимости, так как наряду со стертymi монетами встречаются монеты очень хорошей сохранности, которые можно считать более позднего выпуска.

При карлуках по-прежнему столичным городом считался Суяб, называвшийся по источникам Орду.⁴⁸ О. Прицак пишет, что "главной резиденцией карлукского ябгу стал Орду на реке Чу (Суяб) около Баласагуна, который в источниках именуется как Кара-Орду, иногда Куз-Орду".⁴⁹ По археологическим и нумизматическим материалам жизнь на Суябе (Ак-Бешим) фиксируется вплоть до XII в.⁵⁰ Однако, как отмечает В.Д. Горячева, Суяб, (Орду) в письменных источниках после XI в. не упоминается.⁵² Столичным городом становится Баласагун, находящийся рядом. Он был около 940г. завоеван тюрками-караханидами, утвердившимися в Семиречье с середины X в. По мнению В.Д. Горячевой, население Суяба постепенно переселялось в новую столицу, так как феодальная знать была заинтересована в расширении градостроительства и в пополнении ремесленного населения.⁵² Далее она пишет, что оба города (Суяб и Баласагун) сосуществовали, но

постепенно замерло одно и расцвело другое.⁵³ Золотниковенко
Баласагуна (Сураханское городище) она относит к X в.⁵⁴ На наш
взгляд, наиболее достоверными являются данные К.М. Байпакова,
считающего, что древнее название Баласагуна — Беклиг, и что он
возник одновременно с Суябом.⁵⁵ В действительности не мог
Баласагун в X в. в результате миграции населения стать столи-
цей Восточного Караханидского государства. О существовании
Баласагуна в более раннее время говорит само название города,
которое трактуется К. Махмудовым как "балик" с опущением конеч-
ного "к" и —сагкун", что означает "сидящий по правую руку",
то есть "город Бекка" "Город хана".⁵⁶ По его мнению, оба тер-
мина дотюркского происхождения.⁵⁷ Разными исследователями
Баласагун назывался по-разному: "Куз-Улуш", "Каралиг", "Гор-
Балик", "Куз-Балик", "Куз-Орду".⁵⁸ По монетным данным он извес-
тен как Куз-Орду, Кара-Орду. Исключением составляет единствен-
ная монета с наименованием города в форме "Баласагун" в сос-
таве клада серебряных караханидских дирхемов XI в. из г. Джам-
була.⁵⁹ Одновременно в караханидском чекане Семипалатинска фигу-
рирует также и г. Орду. Возможно, в период бурного развития
городов, ремесел, сельского хозяйства и денежной торговли
в XI—XII вв. Суяб (Орду) продолжал свою монетную эмиссию от
имени представителей караханидской династии. Можно предполо-
жить также, что правители Баласагуна (Куз-Орду), отдавая
дань почтения древней столице Орду, иногда выпускали монеты
и с этим названием города. Возможно, Орду была походной
ставкой хана, где при необходимости чеканилась монета. Вопрос
об Орду караханидского периода пока еще не совсем ясен.

В XI в. отмечается выпуск монет также в Таразе и Барсхане.
Эти города являлись центрами крупных уделных владений с раз-

витой денежной торговлей и ремеслом.

Таким образом, при Караханидах (сер. X–XII в.) в Семиречье действовал ряд монетных дворов – Баласагун (Куз–Орду, Кара–Орду), Орду, Тараз, Барсхан и др., продукция которых часто встречается в кладах и отдельными находками не только на собственной территории, но и за ее пределами.

Самую значительную часть монетных находок с городища Актобе представляют караханидские дирхемы XI–XII вв. общим числом 25 экз. Материал в основном подъемный и плохой сохранности. Две монеты при чистке распались на части и не пригодны для определения. 13 экз. не имеют чекана и представляют собой гладкие монетные кружки со срезанными краями, довольно часто встречающиеся как в составе кладов, так и отдельными находками. Шесть из них являются фрагментами монет, по-видимому, участвовавшими в денежной торговле XI в., когда разновесные и разнопробные дирхемы принимались на вес.⁶⁰ На остальных восьми экземплярах можно увидеть кое-где сохранившиеся надписи от калимы и титулатуры правителя. Выпускные сведения на них не сохранились. Возможно, актобинские караханидские дирхемы являются продукцией вышеупомянутых семиреченских дворов XI в., но, возможно, они были выпущены в соседней Фергане, которая до второй половины XI в. входила в сферу влияния восточных Караханидов. Следует отметить, что в большинстве кладов из Семиречья немалый процент составляют монеты, выбитые в ферганских городах – Ахсикете, Кубе, Маргиане, Узгенде.⁶¹

Находки караханидских дирхемов в Семиречье весьма обильны, но сохранность их на редкость плохая.⁶² Но все же они дают исследователям обильную информацию о разных вопросах социально-экономической и политической истории государства

Караханидов.

Наш нумизматический материал из городища Актобе не выделяет его из других раннесредневековых городов Чуйской долины, имевших общую закономерность в своем развитии: возникнув в V-VI вв., они достигли своего бурного расцвета в XI-XII вв. благодаря наличию ряда объективных причин. Исследуемые монеты в комплексе с археологическим материалом свидетельствуют, что в Актобе в VII-XII вв. была развита денежная торговля, и город являлся одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Чуйской долины, через которую проходил караванный путь, имевший важное значение для развития экономики и культуры Семиречья, всего Южного Казахстана.

-
- ¹ Байпаков К.М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана. - В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып.4. Л., 1979. с.7.
  - ² Там же.
  - ³ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - Л., 1973, с.209.
  - ⁴ Бартольд В.В. Путь от Таласа к Чу и Чуйская долина. Соч., т.IV. 1966, с.54.
  - ⁵ Байпаков К.М. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана, с.8.
  - ⁶ Шалекенов У.Х. Актобе - средневековый памятник.- В кн.: История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 14-15.

- 7 Иацевич Г.И. Археологическая карта Казахстана. № 3968.-Алма-Ата, 1960, с.282; Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. -Фрунзе, 1956, с.117; Акишев К.А., Байпаков К.М. Работы Семипалачинской экспедиции. - Археологические открытия 1976 года. М., 1978, с.510-511.
- 8 Археологическая карта Казахстана, с.282.
- 9 Массон Б.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана. - В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып.4. Л., 1979. с.5.
- 10 Там же.
- 11 Шалекенов У.Х. Актобе - средневековый памятник. с.14.
- 12 Там же, с.13-20; Шалекенов У.Х., Оразбаев А.М. Некоторые данные о водопроводной системе средневекового города Актобе, с.24-38; Алдабергенов Н.О. Жилища горожан на рабаде городища Актобе, с.39-48; Елеуов М. Этапы развития крепостной стены шахристана городища Актобе, с.48-57; его же. Раскопки средневековой мастерской на городище Актобе, с.57-61.
- 13 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981, с.60-61.
- 14 Там же, с.60.
- 15 Там же.
- 16 Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана.- Алма-Ата, 1974, с.52.
- 17 Бартольд В.В. Путь от Таласа к Чу и Чуйская долина, Примечание 29, с.47.
- 18 Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972, с.110.
- 19 Бартольд В.В. Путь от Таласа к Чу и Чуйская долина, с.47.
- 20 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский

- период. Соч., ч.2, М., 1964, с.282.
- 21 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет, с.20-34;
с.536-542.
- 22 Смирнова О.И. О языке легенд на тюркешских монетах. - В кн.:
Туркологические исследования. - М.-Л., 1963, с.271, прим.33.
- 23 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Соч., т.П, ч.1, М.,
1963, с.32.
- 24 Там же.
- 25 История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней.
т.1, Алма-Ата, 1977, с.333, примеч.18.
- 26 История Казахской ССР, с.339, 341.
- 27 G.Glauson, Ak-Beschim = Sujab, IRAS, * 1961, pp. 1-13.
- 28 Там же, р.10.
- 29 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет, с.60, 405-412;
Кызласов Р.Л., Смирнова О.И., Шербак А.М. Монеты из раскопок
городища Ак-Бешим (киргизская ССР). Ученые записки ИВ АН СССР,
т.ХVI, 1960, с.514-561.
- 30 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет, с.405-412;
Байпаков К.М. Отчет казахской группы Киргизско-казахского
отряда КАЭ АН Киргизской и АН Казахской ССР о работе на горо-
дище Красная Речка в 1981 году. Алма-Ата, 1982, с.12; Байпа-
ков К.М., Мотов Ю.А., Отчет о работах Казахской группы Киргиз-
ско-казахского археологического отряда АН Киргизской ССР и АН
Казахской ССР. Алма-Ата, 1983, с.18-21; Настич В.Н. Приложение.
Монеты с городища Красная Речка (краткий обзор и предвари-
тельное определение). Оба отчета хранятся в архиве отдела археоло-
гии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР,
- 31 Горячева В.Д., Байпаков К.М. Раскопки Краснореченского горо-
дища. Археологические открытия 1981 года. М., 1983, с.494.

- 32 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья, с.34.
- 33 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет, с.60, 405-412.
- 34 Настич В.Н. Монеты с городища Красная Речка (краткий обзор и предварительное определение). Приложение к "Отчету..." Байпакова К.М., Мотова Ю.А., с.19-20.
- 35 Байпаков К.М. Отчет о работе на городище Красная Речка в 1981 году, с.12.
- 36 Смирнова О.И. О языке легенд на туркешских монетах, с.271.
- 37 Лившиц В.А. Согдийский брачный контракт начала VIII в.н.э. (документы №8 .3 и №8 .4 с горы Муг). - СЭ, 1960, № 5,84.
- 38 Ивочкина Н.В. Монеты первой Восточнотуркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга, в кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975, с.31,36, № 88, ТУ-798.
- 39 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет, с.412.
- 40 Там же, с.405.
- 41 Там же, с.410.
- 42 Там же, с.405, № 1625.
- 43 Смирнова О.И. Очерки по истории Согда. М., 1970, с.65-69.
- 44 Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет, с.400-404, № 1589-1624.
- 45 Бартольд В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники. Соч., т.У, с.302; Кареев О. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983, с.69.
- 46 История Казахской ССР, с.339.
- 47 Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. - Тр. ИИАЭ АН КазССР, т.8. Алма-Ата, 1960, с.83.
- 48 Pritsak O. Die Karachaniden. Der Islam. Berlin. 1954. Bd. XXX1, s.23.

- 49 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с.178; Давидович Е.А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. (краткое заключение). Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т.П, М., 1959, с.236-237.
- 50 Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983, с.60.
- 51 Там же, с.65.
- 52 Там же, с.56.
- 53 Там же, с.55.
- 54 Байбаков К.М. О древних городах Суяб и Баласагун. - Вестник АН КазССР, с.176, № 1, с.72.
- 55 Махмудов К. Баласагун. - Общественные науки в Узбекистане. 1972, № 2, с.49.
- 56 Там же.
- 57 Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии, с.58,59.
- 58 Кочнев В.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч.1 (Саманиды, Караханиды, Джаниды) ИМКУ, вып.14, Ташкент, 1978, с.123-124.
- 59 Давидович В.А. О двух караханидских каганатах. Народы Азии и Африки, 1968, № 1, с.76.
- 60 Кочнев Б.Д., Федоров М.Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии. НЭ, т.ХI, М., 1974, с.180-181; Винник Д.Ф., Федоров М.Н. Два клада караханидских дирхемов с городища Шыш-тобе. Киргизия при караханидах. Фрунзе, 1983, с. 69-71.
- 61 Кочнев Б.Д., Федоров М.Н. Два клада караханидских дирхемов..., с.179; Винник Д.Ф., Федоров М.Н. Два клада караханидских

дирхемов с городища Шип-тобе, с.69. В отделе археологии
Института истории, археологии и этнографии АН КазССР имеются
находки караханидских дирхемов XI в. из городища Космычи
(20 экз. весьма плохой сохранности).

ОДНОСЛОЙНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЫРДАРЬИ
(X-XV вв.)

Памятники среднего течения Сырдарьи издавна привлекали внимание исследователей. Особенно интенсивная работа стала проводиться в названном районе советскими археологами после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако такая работа проводилась только в больших известных городах, сохранивших свои названия в письменных источниках (Сыгнак, Сауран, Отрар, Туркестан и др.). О работе, проведенной в среднем течении Сырдарьи, подробное сообщение было сделано Е.И.Агеевой.¹ С конца 60-х годов в данном районе под руководством К.А.Акишева проводится успешная археологическая работа. Исследования на Отраре и Отрарском оазисе уже дали некоторые результаты.² Настоящая статья посвящена описанию только однослойных сельских поселений, которые до сих пор не были известны.

В 1975 году палеознанографический отряд в составе Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции при участии автора настоящей статьи производил разведывательные работы на правом берегу среднего течения Сырдарьи, начиная от Отрара до Сыгнака (протяженностью в 200 км.). Во время разведки было зафиксировано более 20 однослойных поселений. В настоящее время эти поселения почти незаметны. По внешнему виду они представляют небольшие круглые или четырехугольные бугры, высота которых от 25 до 80 см.

Именно изучение таких однослойных поселений Южного Казахстана представило бы некоторую возможность для решения одного из важнейших вопросов: о начале оседания кочевых или полукочевых племен Казахстана.

Использование же под рисовые поля берегов среднего течения Сырдарьи и организация крупных рисовых совхозов почти полностью разрушает такие памятники. И это может привести к тому, что со временем все однослойные поселения в данном районе исчезнут.

Разведывательные раскопки проводились нами на четырех поселениях: Бозакор, Шыгырлы I.2 и Байылдыр. Материалы, собранные на этих поселениях, относятся к разным временам.

Поселение Бозакор³ находится в 8 км. западнее городища Сауран. Современный внешний вид этого поселения – оплывший четырехугольный бугор размером 24x20 м, высотой 80 см. Вокруг поселения в пяти местах прослеживаются колодцы. Небольшой раскоп 15x8 м заложен на восточной стороне. После снятия первого слоя стала вырисовываться наружная стена толщиной 1,5 м. (рис.1) и стены двух помещений (рис.2).

Размеры помещения – I – 5x3,2 м. Высота сохранившихся стен – 1,5 м, ширина – 80 см. Стены помещения пахсовые. Хорошо прослеживается земляной темно-коричневый пол. Культурные слои, лежащие на нем, легко отделяются. У северной стены сделан выступ в виде полочки высотой 40 см, шириной 45 см. На полу рядом с выступом лежали два раздавленных котла. По этому материалу можно догадаться, что помещение было хозяйственным.

Размеры помещения – II – 6,9x2,8 м. Ширина сохранившихся стен – 50–80 см, высота от 0,9 до 1,5 м. Стены сделаны из пахсы. Северо-восточный угол помещения ремонтировался: заметны следы ремонта сырцово-кирпичной кладки (37x16x6 см.). У южной стены сохранилась лежанка шириной 50 см, высотой 20 см. Она сделана из сырцового кирпича. Из-за плохой сохранности кирпича его размеры установить не удалось. На полу рядом с лежанкой нами был найден раздавленный красноангобированный сосуд. С северо-западного угла прослеживается проход в помещение шириной 80 см. Справа от прохода – небольшая

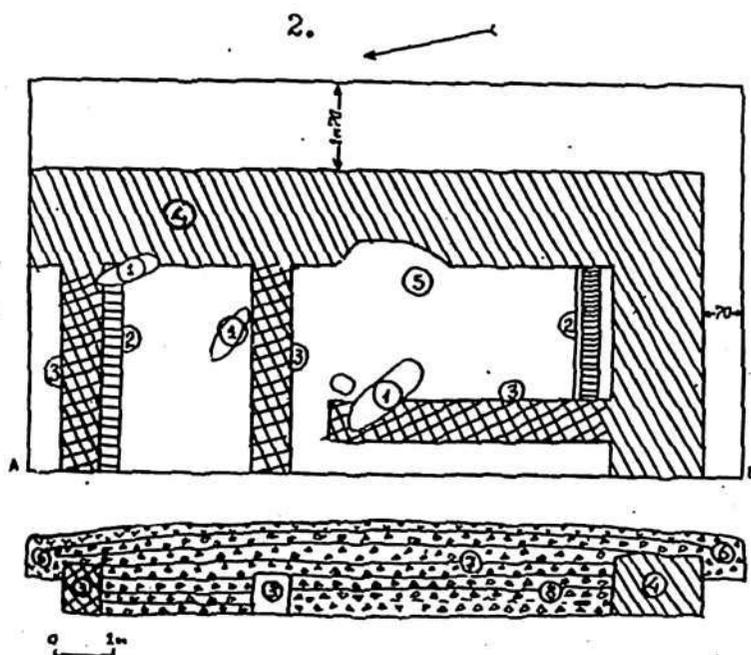
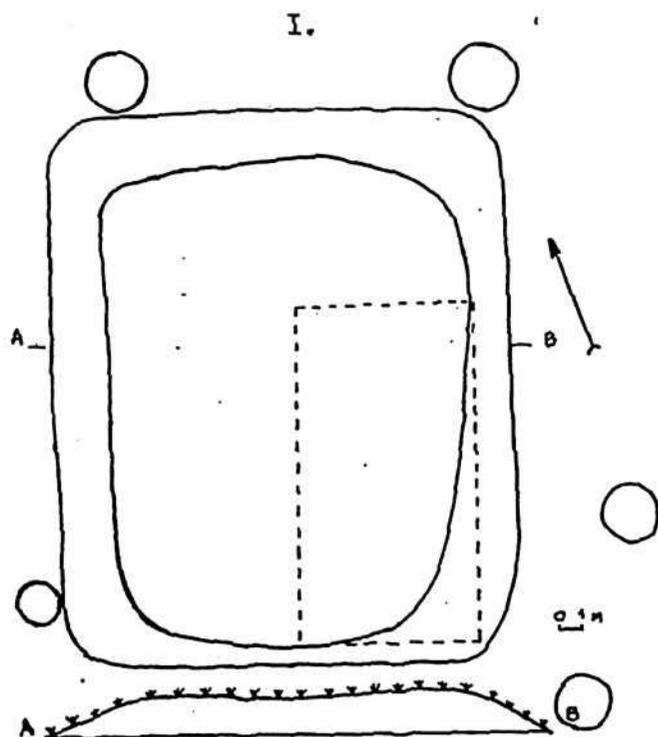

Рис. 1. Общий план Бозакора.

Рис. 2. План раскопа поселений Бозакора.

яма, по-видимому, предназначенная для сбора мусора. После тщательной очистки пола заложили небольшой шурфик глубиной 20 см и обнаружили материк. Проверка доказала, что поселение однослойное.

По форме собранный керамический материал можно разделить на столовый, кухонный и хозяйственный (рис.3). Столовая посуда для приема пищи - пиалы, представляющие несколько поливных фрагментов (рис.3,9,13,15). Роспись выполнена на непрозрачном белом поливе зеленоватой, темно-коричневой и желтой краской. По краю венчика проведена одна полоса черной краской. Неполивные чаши и горшкообразные чаши (рис.3;12) имеют диаметр 20, 22 см. Глубина их от 10 до 15 см. Их венчики слегка отогнуты наружу. Тесто плотное, серое, хорошо отмученное, без примесей, обжиг нормальный. Посуда покрыта розовым или красным ангобом. Кухонная посуда состоит из котлов (4 экземпляра), сделанных вручную (рис.3;5), диаметром 30см. С двух сторон у них имеются петлеобразные вертикальные ручки. Толщина стенки от края венчика от 10 мм до 17 мм. Ко дну она утолщается. Тесто сделано с примесью дресвы. Эта посуда сверху покрыта серым ангобом и замечаются следы затирок. Хозяйственную посуду представляют горшкообразные сосуды (рис.3; 10) и большие керсены - (тагоры) (рис.3; 7). Края керсен отогнуты наружу и имеют площадку 2-3 см. Встречаются узкогорлые кувшины (рис.3;4,16) с высокой шейкой, имеющей диаметр от 3 до 4 см. Судя по обломкам, они имели массивные вертикальные коленчатые ручки. Аналогичная посуда встречается в материалах X-XII вв. городищ среднего течения Сырдарьи.

Среди неполивной керамики встречаются коленчатые (рис.3 ; 1,6,8) и петлеобразные (рис.3;2,3) ручки, которые в сечении дают M-образную или круглую форму. Можно предполагать, что жители поселений использовали кувшины для продажи бозы, так как они были удобнее посуды без ручек. Найденный обломок песта, исполь-

Рис.3. Керамика из поселения Бозакор.

зовавшегося для сдавливания проса, подтверждает, что жители Бозакора занимались виноделием (рис.3; 14).

Фрагмент неполивной керамики имеет резной орнамент, в центре которого имеется крестик (рис.3;17) в виде печати, тесто серое, обжиг нормальный, поверхность лощеная. Такой резной орнамент, видимо, характерен для данного района, который датируется X-XII вв.⁵

Поселение Шыгырлы-1 находится в 15 км юго-восточнее городища Сауран. По сообщению местных информаторов, "шыгыр" означает водо-подъемное колесо. Об этом свидетельствует большая котловина длиной 25 м, шириной 20 м, глубиной 10 м. От него протянут небольшой арык, который ведет к небольшой посевной площадке. Видимо позже водоподъемный шыгыр перестал работать и воду брали из Сырдарьи. Большой арык, протянутый из Сырдарьи, разветвляется на три рукава. Один из них ведет в сторону городища Сауран, второй - в сторону городища Каратобе, который находится в 5-6 км юго-восточнее Саурана. А третий арык ведет, как было отмечено выше, к поселению Шыгырлы. Все эти данные лишний раз доказывают то, что жители поселений и городища Сауран занимались поливным земледелием. Об этом свидетельствуют и письменные источники.⁶

Шыгырлы-2 расположен восточнее Шыгырлы-1, расстояние между ними 1 км. Он состоит из трех больших бугров высотой до 1,5 м. На них было сделано 13 поздних землянок (XIII-XIV вв.). Нами были заложены раскопки на двух землянках. У северной стены землянки под полом обнаружены следы пожара и зольник. При чистке пожара попадались выразительные фрагменты керамических изделий (XIII-XIV вв.) (рис.4). Следы пожара вели за пределы раскопок. Эта "картина" дает ясное представление, что землянки были построены на развалинах поселений, датируемых XIII-XIV вв. Судя по следам пожара, поселение явно погибло от грабительского вторжения.

Рис.4. Керамика из поселения Шыгырлы I, II.

Шыгырлы-1 состоит из небольших бугров высотой от 30 до 50 см. Среди них имеются землянки. Размеры бугров разные. Они расположены на расстоянии от 30-50 м до 100 м друг от друга. Небольшой раскоп (5x5 кв.м.) был заложен на первом бугре, который находится на северной стороне Шыгырлы-2. После снятия верхнего слоя (20 см), выявилась часть жилого помещения. Стены пахсовые, на глубине 35 см глиняный пол. Во время очистки пола был обнаружен коридорчик длиной 4м, шириной 3м. Его пол ниже основного пола на 50 см. В этом коридоре была найдена одна монета плохой сохранности. Она по определению относится к XV-XVI вв.⁷

Керамический материал относится к XIII - началу XIV вв. Возможно, монета попала туда позднее.

Несмотря на небольшой объем, раскопки Шыгырлы 1 и 2 дали очень выразительный керамический материал (рис.4). Вся посуда станковая, поливная, по своей форме она представляет в основном чаши на кольцевом поддоне, по типу кесе (рис.4А:9-12), Шыгырлы-2 (рис.4 Б-1-2, 6-8, 12-13). Полива нанесена по коричневатому ангобу желтой, коричневой или темно-коричневой краской. Внутренняя поверхность посуды сплошная, а внешняя покрыта частично до второй половины. Встречается посуда, покрытая бесцветной свинцовой поливой.

Мотивы орнамента самые разнообразные: крестики в квадратах: круг на донце (рис.4 А-9-10) или листики в квадратике (рис.4 Б-12). Встречается посуда, внутренняя поверхность которой покрыта сплошной зеленой краской, а иногда обе стороны покрыты темно-коричневой краской.

Неполивная керамика была представлена обломками кувшинов (рис.4А-5-4Б-3), горшков (рис.4 Б-9-1) и глубоких чаш (рис.4 Б-5, 7-9). Найденные ручки (рис.4 А-6, Б-7-4) вертикально-петлеобразные, возможно, от горшкообразной посуды. Вся посуда, как обычно, ангобированная. Цвет ангоба преимущественно светло-коричневый.

Керамика этого вида сделана на гончарном круге из плотного серого, светло-коричневого или красноватого в изломе теста. Тесто хорошего качества, без примесей.

Коллекция поливной керамики Шыгырлы-1, Шыгырлы-2 имеет аналогии с материалами XIII- начала XIV вв. среднего строительного горизонта из Отрара.⁸ Подобная посуда встречалась в подъемных материалах Саурана.⁹ Такая же посуда встречается в слоях других городищ северных склонов Каратау XIII - начала XIV вв.¹⁰

Материалы поселения Байылдыр уже опубликованы.¹¹ Оно датировано XIV-XV вв. Его керамика почти идентична керамике Отрара.¹² Но по раскопкам поселение Байылдыр состоит из двух строительных периодов. Материалы с нижнего строительного периода относятся к XII веку.

Итак, собранный нами материал по своей форме, глазурной расцветке и по хозяйственному назначению, может быть разделен на три периода: к первому периоду (X-XI вв.) можно отнести материалы с поселения Бозакор; ко второму периоду (XIII-XIV вв. можно отнести материалы с поселений Шыгырлы-1-2. К третьему периоду (XIV-XV вв.) можно отнести материалы с поселения Байылдыр.

Поселения также заметно отличаются по строительным материалам и отделочной технике, способу работы. Если на ранних поселениях жилища строились из простой глины литым способом, то на поздних, т.е. XIII-XIV вв., в качестве стройматериалов использовался жженный кирпич или сырцовый. Внутри поздних жилищ встречаются ниши, хозяйственные, выгребные ямы и очаги.

В керамических материалах трех периодов прослеживается постепенное развитие. Видимо, это является доказательством того, что скотоводческие племена постепенно привыкали к оседлому образу жизни.

Сведения письменных источников позволяют локализовать огузские племена, начиная с IX-X вв., в среднем течении Сырдарьи. Это приводится почти всеми исследователями. Мы не станем перечислять все имеющиеся источники, ибо такое перечисление заняло бы много места. Мы сошлемся только на последнее издание "Истории Казахской ССР", написанное на основе всех этих исследований. Именно из приведенных в этом издании цитат из источников мы читаем о таких фактах, что "когда (река Чач) проходит пределы Сабрана, то на этой реке (в местности) Даруйе находятся жилища огузов".¹³ Такие жилища встречаются через каждые 3-4 км западнее Саурана до Янгикента, бывшей ставки огузских племен.

Во время археологической разведки нами были зафиксированы жилища вокруг "Актас мечети" (мечеть позднего XIX в.). По нашему предположению, жилища, которые находятся в местности Даруйе, относятся к поселению Бозакор. Видимо, это огузские жилища. Открытые нами жилища второго периода, видимо, можно смело отнести к кипчакским, занявшим место огузов. В последнее время этот вопрос поднимался и археологами, и исследователями письменных источников. Однако до сих пор керамические изделия огузов и кипчаков еще не классифицировались. Видимо, для этого еще не достает материалов, т.е. памятники этих племен нуждаются в археологических исследованиях. Материалы последнего периода довольно часто встречаются в исследуемом районе, а также на северном склоне хребта Каратау. Это связано с тем, что в это время в Южном Казахстане развивалась городская культура.

По сообщениям письменных источников, "Ерзеи хан во время своего правления благоустроил Сыгнак и построил немало зданий..."¹⁴ Возможно, в это время в среднем течении Сырдарьи начали новый наплыв осевшие кипчакские племена, особенно вокруг крупных горо-

дов (Сыгнак, Сауран, Отрар, Дженд, Туркестан). Поселение Байылдыр, может быть, тогда и появилось.

Как было отмечено выше, многие археологические памятники постепенно исчезают с лица земли. Если раньше вокруг городища Отрар поселения встречались сотнями, то с 1973 г., после использования земли под кукурузу, они почти полностью уничтожены. Описанные нами однослойные поселения пока еще встречаются между Саураном и Сыгнаком. Может быть, такие поселения в свое время существовали и в других местах Южного Казахстана. Поэтому наш долг охранять и исследовать такие памятники. Они помогли бы нам глубже изучить проблему оседлости кочевых и полукочевых огузских и кипчакских племен в данном районе.

---

¹ Агеева Е.И. К истории изучения археологических памятников среднего течения Сырдарьи и Каратау. "Известия АН КазССР" № 67, сер.Археология, вып.2, - М., "Наука", 1949, с.135-142.

² Акишев К.А., Байпаков К.М. Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. - Алма-Ата, 1972. Они же, Позднесредневековый Отрар. - Алма-Ата, 1981.

³ Название "Бозакор" происходит от двух слов: "боза" и "кор". Боза - хмельной густой напиток казахов, хорошо утоляющий жажду и служащий для пищи, "Кор" используется в значении "много". По сообщению местных информаторов, когда-то здесь жил человек, занимавшийся варением бозы (виноделием) и продававший ее проезжим путникам. Рядом с поселением проходила караванная дорога, следы которой заметны до сих пор. Эта дорога вела на юго-восток в сторону Туркестана, Отрара и на северо-запад в сторону

Сыгнака.

- ⁴ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. "Труды ИИАЭ АН КазССР", т.5, сер.Археология, с.189-191. Рис. 105-108, Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.94, рис.48 (2-4), рис. 52 (8-11).
- ⁵ Агеева Е.И. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. "Известия" АН КазССР. Сер.Археология, вып.2, Алма-Ата, 1949. с.109, рис.5,7; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана, с.27, таб.1.
- ⁶ Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV-XVIII веках. В кн.: Казахстан в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с.18.
- ⁷ Бурнашева Р.З. Монеты с городища Отрар-тобе и отрарского оазиса (материалы 1969-1970 гг.). В кн.: Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973, с.84, таб.11/3.
- ⁸ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.111 (рис.67).
- ⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в археологии Южного Казахстана. В сб.: Культура скотоводческих и земледельческих племен Казахстана. Алма-Ата, 1969, с.32. таб.УП,1.
- ¹⁰ Агеева Е.И. Общий обзор находок в кн.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. - Алма-Ата, 1962, с.202, рис.62; Ерзакович Л.Б. Поливная керамика городища Сузак XIII-XVIII вв.- "Вестник АН КазССР", 1966, № 5, с.79. Его же. О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой орды. В сб.: По следам древних культур Казахстана.-

Алма-Ата, 1970, с.61, рис.1,2.

- 11 Молдасбаев С.М. Мечеть XIV-XV вв. в окрестностях Отрара (поселение Байындар). В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана, - Алма-Ата, 1980, с.172-182.
- 12 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар.- Алма-Ата, 1972, с.112, рис.68.
- 13 История Казахской ССР. В пяти томах., т.1, с.357.
- 14 История Казахской ССР. В пяти томах, т.П, с.151.

Л.Б.Ерзакович

ЖИЛИЩЕ — ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ
КАЗАХСТАНА

Благодаря многолетним работам Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Академии Наук Казахской ССР в Отрарско-Каратауском регионе введены в научный оборот новые археологические источники, характеризующие урбанистические процессы на юге Казахстана в пору позднего средневековья.¹ Значительный по объему и информативности материал накоплен по такому важному разделу городской культуры как жилище: известно несколько десятков жилищ XIII-XVI вв. и около трехсот домов горожан Отрара XVI в.

В разнообразных материалах по массовому жилищному домостроительству можно усмотреть две тенденции развития, которые тесно взаимодействовали друг с другом. Во-первых, шло формирование

жилища как архитектурного феномена, что затрагивало, прежде всего, композиционно-планировочную основу и принципы внутренней организации жилища. Во-вторых, складывался тип жилища, который становится традиционным для культуры региона средней Присырдарьи и доживает до наших дней в народной архитектуре.

Возрождение Отрара после трагических событий 1219 г. началось, судя по известным на сегодня данным, не раньше середины XIII в. и затронуло в первую очередь рабад и не застроенные в прошлом территории в окрестностях города. Для массовой застройки характерны весьма разнообразные типы жилищ (см. рисунок 1). Это, как правило, одно-двухкамерные постройки площадью 20-30 кв.м, различающиеся внутренним обликом и особенно устройством очагов: встречаются открытые подковообразные в плане очаги; тандыры с небольшой очажной ямой перед ними; аналогичные тандыры, снабженные дымоходом типа канов и другие. Жилища второй половины XIV-XV вв. заметно отличаются от более ранних увеличением общей площади застройки, усложненностью плана. Однако внутренний облик жилых помещений устойчив: обширная суфа с тандыром, имеющим дымоход типа кана, перед ним четырехугольное помещение, с трех сторон замкнутое суфой, а четвертой стороной обращенное в проход. В таких домах встречаются и каминь. Известны такие жилища, которые отапливались "по-черному", но это редкий тип, присутствие которого лишь подчеркивает очевидную тенденцию в развитии жилого домостроительства - тип жилища с каном XIV в. становится основным.

Археологически подобные жилища прослеживаются на Отраре не позднее середины XIII в., когда город был покинут жителями, но история жилищ с каном на этом не обрывается. Этнографическими обследованиями присырдарьинских районов выявлен аналогичный тип жилища, сохранившийся в народной архитектуре. Среди помещений, расположенных цепочкой, различаются прихожая и кладовая с традици-

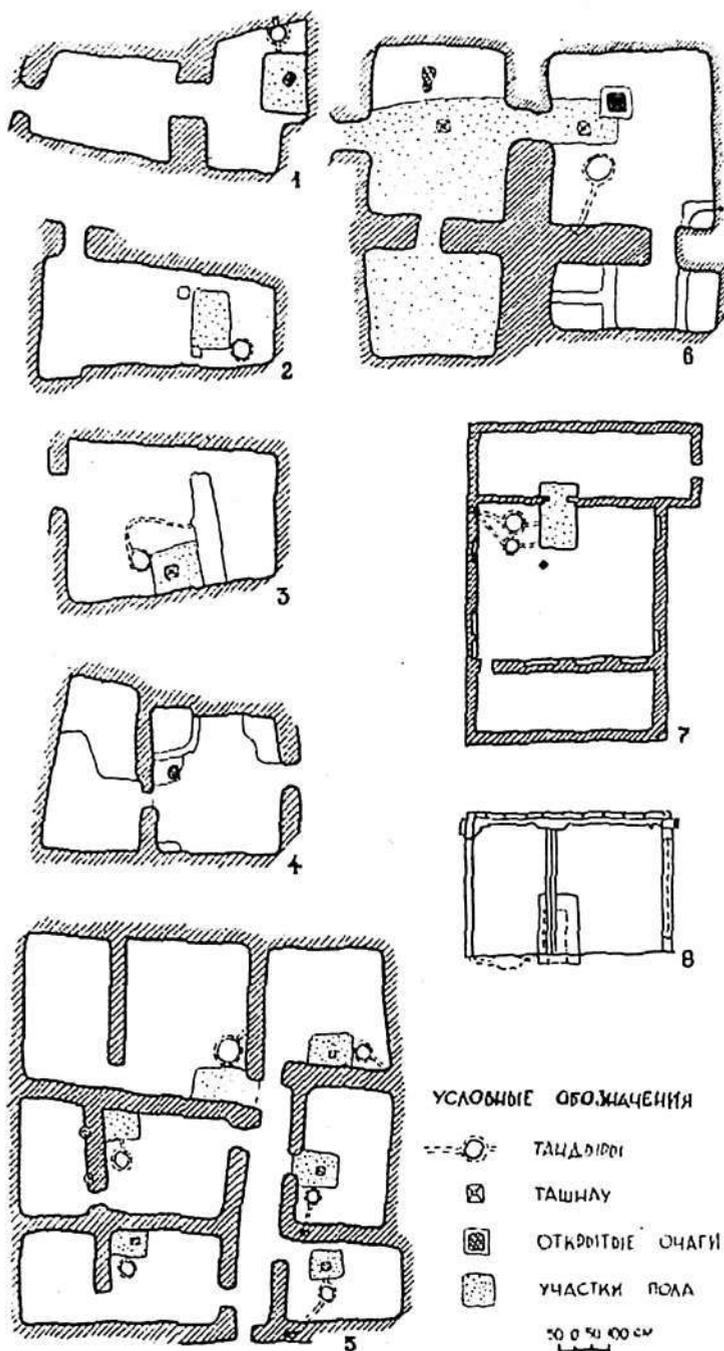

Табл. I. Планы жилых домов Стара.
 Рис. 1, 2, 3 - вторая половина III - первая половина IV вв.;
 Рис. 4, 5 - вторая половина IV - V вв.; рис. 6. - VII в.,
 рис. 7, 8 - план и разрез дома конца XIX в. (Туркестанский
 Б-н, Чимкентская обл.).

онными хозяйственными атрибутами. Наиболее примечательно жилое помещение около 30 кв.м. с суфой, занимающей почти все пространство помещения. Небольшой участок пола устроен перед проходом, он вымощен жженым кирпичом. На борт суфы выведена топка тандира. Печь снабжена дымоходом-обогревателем, который проложен в суфе и внутри стены. В стенах жилого помещения устроены ниши.

Интересно устроены перекрытия. В центре жилого помещения установлена профилированная колонна высотой около 4м, на которую опирается поперечная прогонная балка; на ней уложены жерди на расстоянии около полуметра друг от друга, пространство между ними заполнено короткими тонкими досточками, образующими "паркетную" поверхность (потолок васса). Выше идут камышовые циновки и глиняная обмазка. Освещается жилое помещение через специальный люк, расположенный над очажным углублением перед проходом. Заметим, что сходная система перекрытий реконструируется и применительно к отарскому жилищу.

Истоки сложения старого народного жилища постепенно проясняются. Появляется все больше фактов, указывающих на древнюю основу традиционного жилища, особенно в части организации интерьера жилого помещения.

Согласно археологическим данным, уже в первые века н.э., а возможно и раньше, на территории изучаемого региона в кангюйской культуре был известен тип жилища, для жилого помещения которого характерна суфа по периметру стен, напольные четырехугольные очаги в центре, плоские перекрытия, опирающиеся на столбы.² Эти особенности сохраняются на всем пути развития жилища юга Казахстана. Новые элементы позднего происхождения - тандиры, очаги с дымоходами, появление в домах санитарных устройств - ташнау, увеличение площади и высоты суфы - не искажают древнюю

основу. Этнографы также единодушно подчеркивают архаичность таких черт старого народного жилища, как наличие светодымного отверстия на крыше (археологическими методами исследований оно не прослеживается), колонны в центре жилого помещения, обязательное присутствие в нем универсального очага — тандыра.³

Есть основания считать, что на формирование традиционного жилища на Сырдарье существенно влияли этногенетические процессы в изучаемом регионе. По археологическим материалам второй половины I тыс. н. э. прослеживается инфильтрация тюркского населения центральноазиатского происхождения в оседлую зону на Сырдарье (некоторые типы керамики, украшения, дымоходы типа кана). Присутствие тюркского и ираноязычного населения в городах отмечают письменные источники,⁴ видимо, это же положение определяет и разнообразие форм жилища и особенно типов очага в домонгольском жилище. Интеграция в городах различных по происхождению групп населения сопровождалась тюркизацией аборигенного населения. Сходные процессы происходили и в Семиречье и хорошо известны благодаря сообщению Махмуда Кашгарского о тюркизации согдийцев.⁵ Впрочем, степень влияния пришлых элементов на оседлую среду не следует, видимо, преувеличивать. Городское жилище в домонгольский период оставалось очень консервативным, а влияние этнографической группы, знакомой с канами, остается незначительным судя по эпизодическому появлению канов в черте города на Сырдарье. Столь же редки Тандыры с дымоходами и в жилых постройках Семиречья X—XIII вв. (городище Краснореченское, Ак-Бешим).⁶

Идентичность до- и послемонгольских жилищ позволяет предположить, что в возрождении Отрара и, видимо, всей оседлой зоны средней Сырдарьи, принимали участие старые группы населения. Заметная тенденция к преобладанию той его части, которая прожи-

вала в жилищах с канами, обнаруживается не ранее первой половины XIV в., а к середине этого столетия тип жилища, где жилое помещение отапливалось канами, становится ведущей формой в массовой жилой архитектуре. Катализатором этого важнейшего процесса служили, на наш взгляд, события и явления этнополитической и этносоциальной истории региона. Имеется в виду факт укрепления политического и экономического положения местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки в Ак-Орде — первом крупном государственном образовании на местной этнической основе в после монгольский период на территории Казахстана.⁷ Активно протекали процессы интеграции населения в городе и степи, с той лишь разницей, что в городе тюркизировалось аборигенное ираноязычное население, а в степи — пришлое многоязычное.

После XIV в. традиционное жилище изменяется мало. Однако в XVII в. появляются новые элементы, среди которых наиболее значительными представляются очаги двух типов: восьмеркообразные, заглубленные под уровень суфы, и глинобитные четырехугольные с невысоким бортиком. Первый очаг явно кухонный, так как устраивался в домах, где есть небольшие дворики с навесом под суфой, топился "по-черному", форма его характерна для длинных земляных очагов, распространенных среди групп полуседлого населения. Второй очаг — непременная деталь жилого помещения, где, напомним, есть тандыр с дымоходом-каналом; устраивался он в центре помещения на суфе, у борта, противоположного входу, и рядом с опорным столбом перекрытий. Эти очаги напоминают обогреватели-саңдалы в старых домах среднеазиатского оседлого населения, но функциональное назначение отарских очагов было, видимо, иным: сильная прокаленность указывает на то, что здесь постоянно хранились жаровые угли. Утилитарная функция, возможно, не была единственной. Открытые очаги в центре жилого помещения можно рассматривать как сакраль-

ный элемент жилища. Судя по материалам Отрара, Тараза, городов среднеазиатского региона, культовые очаги не были редкостью в домах горожан средневековья и выступали как реликты домусульманских верований. Аналогичные явления долго сохранялись и в среде полукочевых групп населения. Вспомним, например, ритуал священного огня в очаге в центре юрты у кипчаков Ферганы, переселенцев из бассейна Сырдарьи конца ХУП - начала ХУШ вв.⁸ Данные явления выглядят как ретроспектива степных влияний, вызванных усиленной инфильтрацией собственно казахов в оседлую зону Сырдарьи на рубеже ХУП-ХУШ вв. Внутренняя организация отрарского жилища сохраняет самобытность: здесь, по-видимому, не было мехманхонь, отсутствовало деление на мужскую и женскую половины.⁹ Жизнь всех обитателей дома сосредоточена в жилой комнате, где, по этнографическим данным, имелось место для мужчин, или почетное место, хозяйственная сторона, место для женщин и детей и другие элементы, сходные с пространственной градацией юрты.

Как мы отмечали, отрарский тип жилища с каном, характерный по имеющимся данным, для региона средней Присырдарьи, сохранился в народной архитектуре местного населения, которое в прошлом именовало себя по месту жительства (туркестанцы, ташкентцы и т.д.) или носило название сарты. Современные группы населения именуют себя узбеками. Еще дореволюционные исследователи обратили внимание на своеобразие этнографических признаков, языка, обычаев, облика сырдарьинских сартов, отличающих их от сартов ферганских или самаркандских, но сближающих с казахами.¹⁰ В культуре аборигенов переплетаются элементы культур древнего ираноязычного населения и тюркоязычных народов. Археологические и этнографические данные свидетельствуют о необычайно долгом переживании поверий о дождевом камне яда-джада.¹¹ Сохраняются обычаи и верования,

генетически связанные с кангуйским фарном, выступавшим в образе барана,¹² на керамических изделиях поры позднего средневековья,¹³ в ритуалах праздника "кошкар-ата", который сырдарьинские сарты отмечали непременно в юртах за пределами города.

Этнокультурные и исторические связи оседлого, в том числе городского и кочевого населения, оказали влияние не только на жилище искони оседлого населения, но и жилище тех групп населения, которые вели в прошлом полусоседный образ жизни. Имеются в виду своеобразные зимние жилища казахов, впервые выявленные в 20-х годах XX в. на зимовках в Северном Казахстане.¹⁴ Это однокамерные постройки, разделенные стеной-перегородкой, не доходящей до потолка, на 2-3 комнаты. У торца стены-перегородки ставилась глинобитная печь-казандык с коленчатым дымоходом, который шел внутри перегородки и выводил дым наружу. Казандык использовался для приготовления пищи, теплая перегородка обогревала смежные помещения. Значительную часть жилого помещения занимали нары деревянные или глинобитные, высотой 30-40 см от пола. По одной крышей дома находились загон для скота, амбары. Нашими обследованиями выявлены аналогичные дома казахов и в присырдарьинском регионе, но здесь теплые стенки ставились уже под потолок.

Печки-стенки известны узбекам дельты Амударьи - потомкам переселенцев XVI в. из районов расселения даштикыпчакских узбеков на Сырдарье.¹⁵ Тип зимнего жилища с обогреваемой перегородкой сохранился у немногочисленных групп казахов, проживающих на юге Таджикистана, куда казахи, по мнению исследователей, переселились примерно в последней трети XIX в. главным образом из присырдарьинских районов.¹⁶

Сходный тип жилища сохранился у некоторых групп нанайцев. Судя по описаниям, печь с дымоходом, имеющим несколько изгибов,

устанавливалась на некотором расстоянии от стены в помещении с нарами, деревянными или глинобитными.¹⁷

Эволюция зимнего жилища кочевых в прошлом народов нередко представляется этнографам трансформацией примитивного: более сложное под глубоким влиянием внешних воздействий. Возможно, это мнение справедливо для вновь оседающих кочевников. Но в кочевой среде всегда были небольшие группы сезонно оседлого населения, имеющие собственные традиции домостроительства. Видимо, в этой среде казахов и близких по происхождению народов и сложилась вышеупомянутая форма жилища, а функциональная близость систем отопления оседлого и полукочевого населения — канов и теплых перегородок — наталкивает на мысль о возможности генетических связей этих явлений.¹⁸ Различия в конструкции печей, изменение внешних форм, планировки домов с печками-стенками по сравнению с городским жилищем, значительная удаленность районов распространения степного варианта интересующего нас жилища объясняются особенностями хозяйственно-бытового уклада и формы семейного быта полукочевого населения.

Постоянное взаимодействие двух групп населения в контактных зонах среднего течения Сырдарьи, общность этногенетических процессов способствовали формированию близости культуры кочевого и оседлого населения, что устанавливают как археологические, так и этнографические материалы по жилищу.

---

¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XIII вв.). Алма-Ата, 1981.

² Толстова С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с.186-190; Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в

- I тыс.н.э. - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т.УП: М., 1971, с.12-13; Подушкин Н.П. Ранние поселения долины Аркси (I-УШ вв.). Автореф. дис.. на соискание ученой степени канд.ист.наук. Алма-Ата, 1970, Некоторые черты сходства отрарских жилищ позднего средневековья с жилищами Кок-Мардана IУ-УП вв. отметил Байпаков К.М. См.его: Традиции и инновации в материальной культуре Отрара. - Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. - Алма-Ата, 1980, с.18.
- 3 Жилина А.Н. О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Средней Азии. - Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973, с.54-55.
- 4 Семенов А.Н. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII веке н.э. (по актам того времени). - Известия отд. общественных наук АН Тадж.ССР, II, 1952, с.24.
- 5 Бартольд В.В. К вопросу об языках согдийском и тохарском.- Сочинения, т.П, ч.2, М., 1964, с.466-468.
- 6 Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина".- Материалы и исследования по археологии, т.14,М.-Л., 1950, с.39, 49; Кызласов Л.Р. Исследование на Ак-Бешиме в 1953-1954 гг. - Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т.П, М., 1959, с.217; Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище. - В сб.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, с.53-90.
- 7 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, т.П, Алма-Ата, 1979, с.151.
- 8 Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент,

- 1974, с.231. Важно отметить, что пищу готовили в другом очаге, установленном у юрты (там же).
- ⁹ Филипп Назаров, побывавший в Чимкенте в 1913 году, отметил, что местные "женщины... обходительны и не скрываются от мужчин", т.е. не носят паранджи. — См. его: Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968, с.33.
- ¹⁰ Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы, выпуск первый. Ташкент, 1890; Добромислов А.И. Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1912; Шишов А. Сарты. Этнографические и антропологические исследования. Ташкент, 1904 (Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, том XI) и др.
- ¹¹ Малов С.Е. Шаманский камень "Яда" у тюрков Западного Китая. — Советская этнография, 1947, № 4; с.151-160; Басилов В.Н. Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона. — Этнические и историко-культурные связи народов СССР. О культуре "дождевого" камня (джада, яда) на Отраре. — Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. Алма-Ата, 1980, с.203-209.
- ¹² Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- ¹³ Акишев К.А., Байпаков К.Н. Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с.122, рис.83.
- ¹⁴ Руденко С.Н. Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыз. — В сб.: Казахи. Вып.3. Л., 1927, с.11-13 (материалы особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик); Баронов С.Ф. Опыт медико-санитарного обследования среди казахов. — Там же, с.39-40; Глухов А.Н. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казахов. — Там же, вып.11, с.118-120.
- ¹⁵ Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. — Труды Хорезмской архе-

олого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1959, с. 361-363.

- ¹⁶ Писарчик А. К., Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. - Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, 1953, с. 73-97.
- ¹⁷ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX в. М., 1976, с. 67.
- ¹⁸ Ерзакович Л. Б. Жилище позднесредневекового Отрара. - Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР. Ташкент. с. 188-189.

К. В. Шипкин

КАМЕРАЛЬНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА АКТОБЕ С ПОМОЩЬЮ
АЭРОМЕТОДА

История развития аэрометода. Поскольку аэрометод (АМ) проверен за рубежом временем и крупными работами, дадим ему краткую оценку словами автора популярной книги "Полет в прошлое" Лео Дойля (I), представляющей собой обзор АМ в мировой археологической практике.

АМ начинается с развития воздухоплавания и фотографии. Однако толчком к его широкому применению послужило активное использование авиации в военных целях. Первоначально АМ был задуман как дополнение к полевым исследованиям и раскопкам, но вскоре он начал делать самостоятельные открытия. Необычайность и важность этих открытий, их многочисленность и размах, глубина во времени и разноплановость оказались совершенно неожиданными и потому на их осмысление ушел период между двумя мировыми войнами, прежде чем АМ получил широкое признание и надлежащие его возможностям

размах. Сейчас АМ выделился в самостоятельную отрасль знаний, решающих свои проблемы с помощью многочисленных лабораторий при научных заведениях.

Высокое в прямом смысле положение АМ определяет его возможности и методы. Он позволяет археологам совершенно по-новому взглянуть на прошлое с высоты — и на сегодняшний день является наиболее эффективным способом самых широких изысканий. АМ революционизировал археологию. Вклад, внесенный воздушной разведкой в археологию, сравним с изобретением телескопа в астрономии. АМ позволил собирать разрозненные формы в единый осмысленный план, который из-за своей фрагментарности на поверхности почти неразличим.

Благодаря умелому использованию АМ в сочетании с другими естественно-научными методами решаются такие широкие и сложные проблемы, как выявление и картографирование аграрных систем древних цивилизаций в Европе, на Ближнем Востоке и в Центральной Америке с их сложной системой орошения и осушения, инженерные решения которых находились на современном уровне; как выявление системы обороны древнего Рима, проходящей по странам Ближнего Востока, Европе, Англии, Северной Африке и т.д.

В нашей стране широкое применение АМ состоялось однажды, в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством С.П. Толстова в Приаралье, где были изучены и картографированы обширные районы древнего орошения с момента их зарождения в бронзовом веке и до разрушения их татарами-монголами.² Выявление этих систем проходило на фоне нетронутых полупустынь с помощью визуальных наблюдений с самолета, полевых разведок и раскопок, воздушного фотографирования. А для общего обзора использовались архивные топографические съемки

мелких масштабов. Сейчас разработкой и применением АМ в СССР занимается Институт археологии АН СССР в лице единственного его представителя – автора этой статьи.

Археологическое дешифрование органически вытекает из современного топографического, поскольку имеет дело с призрачным отображением на современном четком фоне напластований элементов древней топографии всех времен и народов.

Принято считать, что камеральное дешифрование носит субъективный характер, имея право на ошибки, что в различной степени снижает его надежность. На снимках закодировано все многообразие природно-хозяйственных взаимосвязей в пространстве и времени, и от того, сколько их освоит оператор – дешифровщик, и как умело в минимально необходимом количестве будет их применять для доказательства искомого объекта, будет зависеть степень надежности его работы.

Археологические признаки на аэроснимках. В основе проявления археологических признаков на аэроснимках лежит антропогенное перераспределение почвы, культурных и строительных остатков, создающее характерный рисунок для каждого элемента древней топографии: поселения, могильника, оборонительных сооружений, дорог, размежеваний полей, систем орошения и т.д. Эти рисунки с различной четкостью и подробностями можно проследить на фоновых комбинациях вплоть до леса, болот и мелководий. Но некоторые виды фона с различной степенью маскируют изображение археологических признаков. Например, белый тон свежей пашни или созревших злаков, черный тон плотного хвойного леса или ярко-зеленого клевера.

На дневную поверхность передаются признаки напластований всех культур в виде почвенных, микрорельефных и растительных признаков, проявляющихся, как правило, совместно в различных комбинациях. В результате на съемке проявляется суммарный план, состоящий часто из разрозненных, наложенных обрывков основных

элементов культур, разобраться в котором подчас очень сложно. Для этого необходимо знать особенности структурных рисунков, присущих только определенной культуре, над чем сейчас и проводится работа.

Поскольку многие признаки на снимке проявляются только благодаря слабым химическим, влажностным и плотностным микро-разностям, неуловимым в поле традиционными методами, то при контроле признаков АМ создается ложное представление об отсутствии объекта. Это относится ко всем слабовыраженным элементам, особенно растворенным в пахотном слое. Поэтому некоторые археологи склонны мнимо занижать надежность АМ, что приводит к его слабому распространению.

Однако привязка признаков АМ к местности как бы раскрывает глаза археолога, и он начинает воспринимать их через слабую разницу в растительности, через едва уловимый микро-рельеф и т.д., т.е. воспринимать те полевые признаки, мимо которых проходил раньше.

Поэтому без знания археологами основных положений АМ не может быть подъема археологической науки на новую качественную ступень.

Аэросъемка городища Актобе. Изучение городища обычными полевыми методами показало его слабую эффективность по направлению его сложных и разнообразных структур на огромной территории в 150 кв.км, заключенной системой оборонительных линий. Для выявления основных элементов древней топографии городища и их дальнейшего изучения 6 мая 1980 г. была произведена площадная аэро-съемка центральной части города на площади в 60 кв.км в масштабе 1:2 000, положившая начало дальнейшему изучению города с воздуха. Возможность стереоскопического анализа любой точки

позволяет видеть объемно детали с точностью до 30 см.

В основу расшифровки элементов города положен описанный выше опыт, а также многочисленные расшифровки подобного рода, проверенные в поле опытными археологами. Основная работа была проделана по созданию плана г.Селитренного (Сарай-Бату) в масштабе 1:2 000. Работа носила экспериментальный характер. Были использованы аэроснимки масштаба 1:125 000, по которым на стереофотограмметрическом приборе СТР-3 были составлены 4 листа плана общей плотностью 117 дм с камеральной рисовкой рельефа через 2 м с точностью 0,2 м. На плане красным цветом были выделены выдающиеся сооружения: остатки дворцов, мавзолеев, комплексы фундаментальных построек знати и т.п. Оранжевым цветом показаны кварталы с преобладанием фундаментальной постройки, а желтым — глинобитной. Зеленым цветом показаны низкие места: бывшие водоемы, карьеры, улицы-арыки и др., голубым — заливка современных вод. На плане показаны основные магистрали, улицы и переулки, а там, где они изобразились, — отдельные детали построек. Особое внимание было уделено показу оборонительных линий, как сохранившихся, так и уничтоженных ранее, подходам дорог к городу, земельным наделам и т.д. Город вышел далеко за пределы, очерченные археологами и считается отдельными участками компактной и бессистемной застройкой под песками. Сложная организация и технология работ пока не позволяет выполнить подобный план на г.Актобе тем более, что его площадь в 8 раз больше. Поэтому мы пока здесь ограничимся расшифровкой контурных отпечатков в масштабе 1:2 000 с отработкой их одноцветными условными знаками для дальнейшего размножения.

Элементы города, составленные легкими грунтами, со времени его гибели в XII в. сильно оплыли и частично подверглись разру-

шению как в раннее время, так и под действием новой оросительной системы 30-х годов этого столетия. Поэтому сохранность его несколько хуже, чем г.Селитренного.

Несобичный угол зрения (вертикальный), обобщение масштабом и свойство оптики доводить слабые признаки до их восприятия на снимке^I дает возможность из разрозненных фрагментарных полевых наблюдений построить единый план взаимосвязанных деталей. Кроме того, этот план дополняется такими существенными, воспринимаемыми в поле деталями, как грунтовые могильники, дорожная сеть, оросительная система на пашне, уничтоженные в древности оборонительные линии, слабая застройка и т.д., а по степени разрушения и взаимному наложению элементов улавливается динамика развития города.

На рис. I представлена общая карто-схема города, выполненная по материалам аэросъемки. В отличие от схемы г.Актобе по П.Н.Кожемяко³, выполненной приемами мензульной съемки, он имеет точные формы и размеры элементов с существенными дополнениями таких важных деталей, как выделение площадей городской застройки, могильников, дорожной сети.

К настоящему времени расшифрована и вычерчена только четверть основной части города.

Система оборонительных линий. Представляет собой две замкнутые кольцевые линии валов, наилучшим образом исследованные в поле. Поэтому здесь следует уделить внимание деталям, ускользающим от наблюдателя. Это прежде всего часть оборонительных линий, разрушенных еще при жизни города. Это видно по пересечению их следа новыми валами. На плане они показаны прерывистой линией той же толщины, что и оборонительные валы. На снимке они изобразились в виде соответствующей ширины темных линий рвов от заполнения их гумусом и светлых линий валов. Время перестройки укреп-

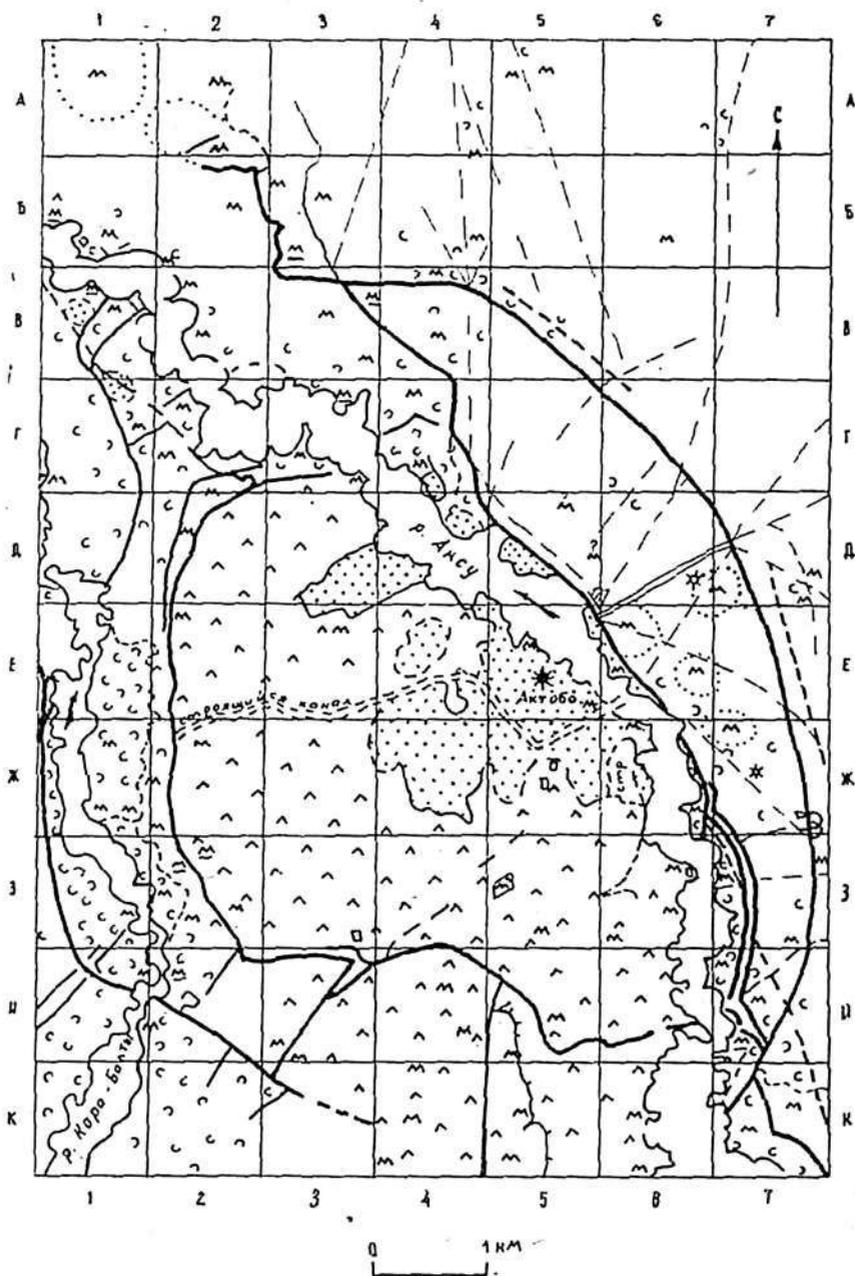

Рис. I. Картограмма городища Актобе по материалам аэросъемки (пояснения см. в тексте)

Условные обозначения: I. Признаки разрушенных оборонительных линий; 2. Древние дороги; 4. Линии оборонительных валов; 5. Второстепенные русла; 6. Городская застройка восточного типа; 7. Рядовая застройка сельского типа; 8. Площадь орошаемого земледелия; 9. Крутые скаты; 10. Выдающиеся застройки; II. Признаки грунтовых могильников и могил с сохранившимися насыпями; 12. Курганы.

лений может подсказать датирующий материал построек, органически связанной с той или другой системой.

С напольной стороны С-В части внешней оборонительной линии, видимо, существовало несколько предукреплений, представляющих собой систему малых рвов, изобразившихся несколькими широкими 16-18 м темными линиями на пашне. Некоторые линии сливаются, пересекаются или теряются, или читаются двумя параллельными темными полосами той же ширины. Все это говорит о одновременности их и о бросовых работах на некоторых, когда начали стривать пока еще только две узкие траншеи, сыпая грунт в середину. Ширина существующего вала такая же. Основная из исчезнувших линий показана прерывистой линией. Короткие радиальные линии представляют собой в современном понимании отсечные позиции, служившие для дополнительной обороны от растекающегося противника между обводами. Тонкими линиями показаны менее выразительные, второстепенные линии обороны.

Оборонительные функции должны были нести и сложные системы глинобитных ограждений земельных участков. Иначе не оправдывается объем земельных работ. Участки эти огромным полукольцом охватывают городскую застройку, прижимая ее к реке, и состоят они из основной системы мощных валов, примерно равных кольцевым и меньше, вдоль которых проходили основные оросительные каналы (по многим из них и сейчас идут главные оросительные каналы 30-х годов) и дороги. Линии эти, несмотря на кажущуюся хаотичность, в основном выдерживали радиально кольцевое направление и отсекали различных размеров и форм участки, которые в свою очередь делились высокими дувалами на отдельные земельные наделы размером 0,1-0,3 га. Вдоль дувалов проходили арки, которые прослеживаются по потемнениям вдоль остатков стен. Скрещение крупных линий, как правило, насыщено узлами крупных построек. Такие постройки находятся и в

теле насыпей, а на каждом мелком участке можно насчитать I-3 средних постройки. Таким образом, в целом эта система несет оборонительные, земледельческие и жилые функции. Причем система орошения играет и дополнительную роль в обороне.

И, наконец, сам характер застройки города восточного мусульманского типа с его глухими стенами, так же органически входит в систему обороны.

Длина внешнего обвода 25 км, внутреннего - 17, радиальных линий 10 км. Итого, общая протяженность линий обороны составляет 52 км в пределах отснятой площади.

Дорожная сеть. За внешним обводом обороны, на пашне тесными размытыми прерывистыми линиями видны основные направления дорог. Выбитые корытообразные углубления их со временем заполнились гумусом, который и дает темные полосы на пашен. В местах интенсивного их проявления в поле можно на вспашке увидеть темную полосу, а растительность в этом месте всегда пышнее.⁴ Сходясь лучами к внешнему валу, они обозначают в квадратах В-4 и Д-7 проходы (ворота). Такие же проходы можно наблюдать в кв. Ж-7, видимо, с внешними одновременными привратными укреплениями. Проходы, вероятно, имели место в кв. И-1, И-4, Г-2, Г-4, Е-5, И-7 и др. Особое внимание следует обратить на главные ворота в обоих обводах против холма Актобе.

Продолжение дорог к центру можно проследить вдоль насыпей, где они, в основном, закрыты их оплывами и по магистральным улицам городской застройки. Дорога через орошаемый массив четко видна между двух стен в кв. Е-3. Она идет к городскому массиву.

Есть признаки дорог и параллельно внешнему обводу, особенно в С-В части. Чтобы не загромождать схему лишними деталями, они не даны.

Городская застройка восточного типа. По четкости изображения ее можно разделить на четкую - в кв. Д-3 и Д-4 и в северной части его за стеной, нечеткую - в самом центре и размытую - по окраинам. Сама градация по степени четкости изображения говорит о разновременности застройки отдельных частей города, при условии однородности материала, степень оплыва которого под действием естественного разрушения и создает разницу изображения. Небольшие участки городской застройки встречаются в узлах линий на сельскохозяйственном участке.

Судя по степени оплыва деталей построек города, основным строительным материалом был подручный легкий грунт. Однако отдельные выдающиеся постройки и отдельные массивы имеют фундаментальную застройку, видимо, из кирпичной кладки. В этом случае ее элементы, обнажаясь от оплывшего верха, дают четкие изображения, подчеркнутые на расшифровках красным цветом или системой черных мелких деталей на фоне графировки.

В системе городской застройки встречаются небольшие прямоугольные углубления, видимо, бывшие водоемы.

Степень прорисовки деталей при расшифровке зависит от сохранности объекта. Так, наилучшим образом сохранилась северная, видимо, наиболее поздняя часть города. Там, кроме четко читающихся магистралей шириной 4-6 м, сохранились отдельные участки узких боковых улиц и переулков шириной 2м, дворики и переходы. Вследствие значительного оплыва глинобитных стен большая часть узких улиц и переулков, двориков и переходов, помещений не видна. На рис. 2 приведен фрагмент четкой городской застройки с изобразившимся раскопом, материал которого должен подтвердить предположение о его позднем существовании. И даже на этом фрагменте не все элементы города изобразились с различной четкостью. Там, где линии кварталов провести трудно, они показаны прерывис-

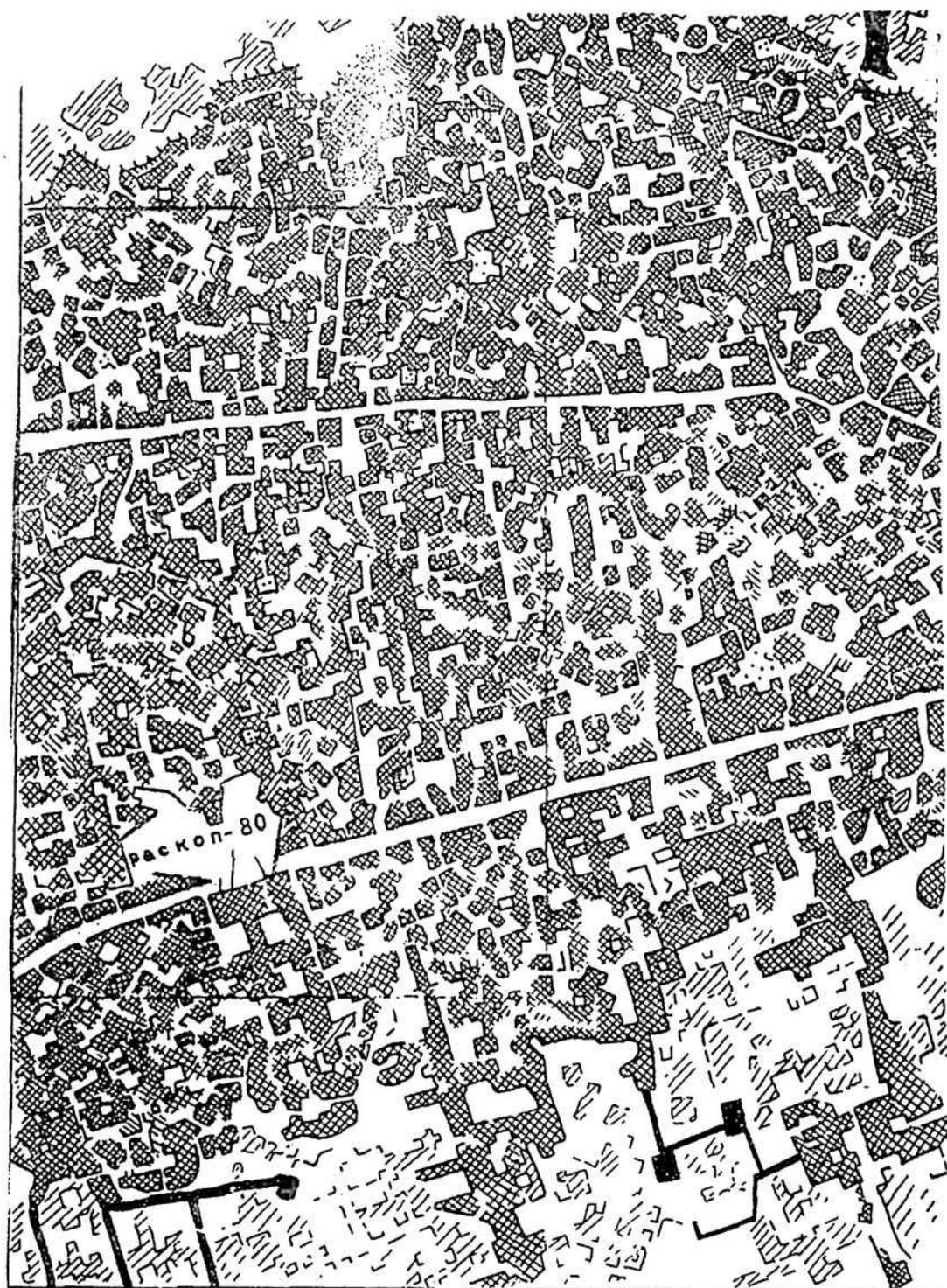

Рис.2. Результаты расшифровки аэроснимка хорошо сохранившейся городской застройки восточного типа. Предполагаемые водоемы показаны точками. Остальные пояснения см. в тексте.

тymi, а сильно размытые участки даны графировкой без обвода.

Весь массив нового города резко приподнят над окружающей местностью вследствие накопления строительных остатков. Прямые к нему отражения и линии валов рельефа, что говорит об их одновременности и связи с ним. А стертый фон такой же городской застройки на огражденных низких участках говорит о существовании здесь раннего города, на выровненных впоследствии остатках которого выстроен новый участок с сельскохозяйственной округой.

Как бы ни выравнивались остатки саманных строений, всегда в почве останется неоднородность структуры, которая и улавливается на снимке в виде размывтого плана городской застройки. Последующее сопоставление материалов из нижней и верхней частей города должно подтвердить это предположение. Массив четкой застройки северной отдельной части и западной окраины центра немногим более 100 га. Переход к его нечеткой части местами трудно уловим.

К нечеткому изображению относится центральная часть городской застройки с шахристаном и цитаделью на холме Актобе. Определяется эта нечеткость большим размывом деталей. Здесь изображение распадается на отдельные массивы застройки, среди которых проступают местами четкие детали внутренней планировки, обусловленные их фундаментальностью. Само возвышение шахристана и особенно холма Актобе говорит о непрерывной жизни здесь продолжительное время с IV по XII века н.э. Площадь этой застройки около 200 га. К этой застройки около 200 га. К этой цифре следует прибавить несколько десятков га, попавших в зону размыва половодьем р. Аксу.

К размывтому изображению относятся отдельные участки пригородов, где едва просматриваются отдельные массивы плотной застройки. Скорее всего, это рано уничтоженные участки города. Границы

их размыты и показаны на общей схеме штриховой линией.

Выдающиеся постройки. Несомненно, к самой выдающейся во всех смыслах застройке принадлежит сам холм Актобе, представляющий собой цитадель шахристана. Однако, судя по раскопкам, он хорошо изучен, выдающимся сооружением в нем является комплекс фундаментальных построек в двух прямоугольных оградах, в кв.М-5, показанный на рис.3, площадью 0,5 и 1 га с окружающими его массивными группами фундаментальных построек. Скорее всего, этот комплекс мог представлять собой загородные поместья крупной знати, поскольку здесь мы имеем весь необходимый набор: высокие внешние стены, крупные постройки, садовую планировку и крупный водоем. Судя по хорошей сохранности, комплекс относится к позднему времени.

Особняком стоит четкая регулярная застройка небольшого участка, обнесенного высокой стеной в южной части кв.Г-4, где в центре выделяется крупная прямоугольная постройка, видимо, общественное здание.

Слева от выхода за внешний обвод, против главного холма Актобе, между расходящимися древними дорогами распаханы остатки крупного прямоугольного 35x30 м здания "П"-образной формы в внутреннем дворе. По своему местоположению, размерам и форме может быть караван-сараям.

К С-3 за внешним обводом, на правом берегу р.Аксу, в кв. Б-1 четыре крупных, плотно прижатых друг к другу прямоугольных постройки размером 60x60 м и менее размываются рекой и похожи на остатки мавзолеев с признаками обширного могильника вплоть до села.

В системе внутреннего обвода можно выделить еще ряд менее значительных по изображению построек. Они отражены на материа-

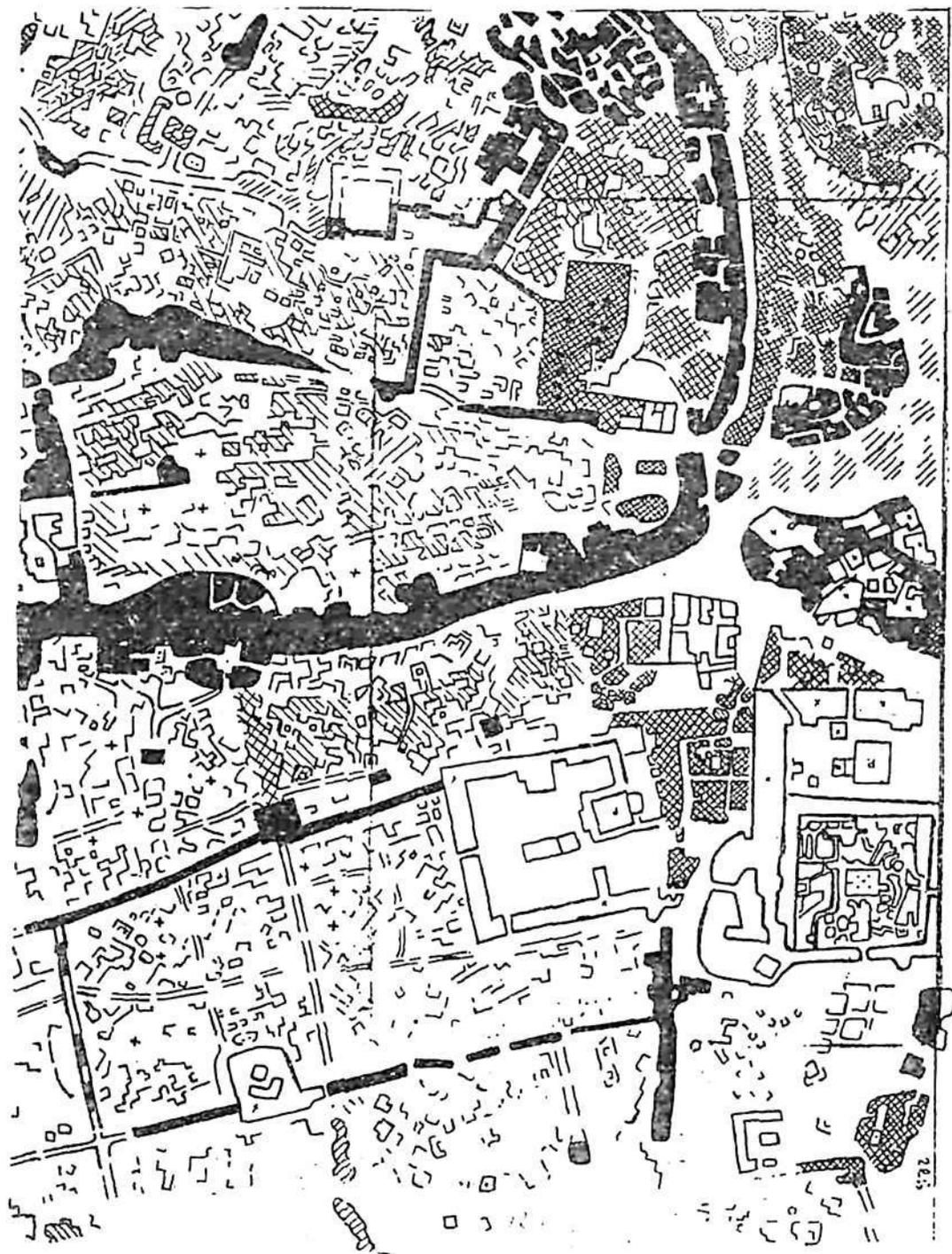

Рис.3. Комплекс фундаментальной застройки и выдающихся сооружений. Планировка в крупных прямоугольниках, видимо, представляет собой загородные помещения крупной знати. С юго-запада к ним примыкают участки орошаемого земледелия с сохранившимися глинобитными стенами.

лах расчлѐнок своей формой, размерами и другими признаками.

Рядовая застройка. Под рядовой застройкой следует понимать компактную и редкую бессистемную застройку саманными зданиями сельского типа, признаки которой на схеме показаны условными знаками полуколец. Вследствие неоднородности современного фона, ранних разрушений и строительства поздних оросительных систем с выравниванием площадей четкую границу во многих местах провести трудно. Площадь ее около 1500 га.

Особое внимание следует обратить на плотную застройку в кв. 3-2, отличающуюся от остальных своим интенсивным белым тоном, который испещрен системой ранних и поздних оросительных систем. Этот признак говорит о том, что здесь был поселок с плотной восточной застройкой, возможно, ремесленный.

Грунтовые могильники. В изучении истории города они играют особую роль. Это самый трудный и недоступный объект изучения, поскольку не имеет внешних признаков и встречается случайно в обрывах или при земляных работах. Это обстоятельство мешает их систематическому изучению.

На крупномасштабных снимках от 10000 и крупнее различима как общая структура могильников, так и отдельные могилы в них. Не различимы могильники только на маскирующем фоне села, где преобладает черный тон травы, а также на полях озимых в кв. Г-5 и В-6.

Основными признаками могильников является их мелкозернистая структура, обусловленная формами и размерами могил, светлым тоном микробугров и темным - микрозападин. На местности они давно сnivelированы и не видны, а слабая разность в тональности не улавливается. Однако при сравнении снимка с местностью уловить слабые признаки растительности можно.

Обилие выявленных могильников и их распределение соответствуют расположению городской застройки и продолжительной жизни города. Теперь целенаправленно можно изучать каждую группу могильников.

Особое внимание следует обратить на четкие могильные поля против основной городской застройки между оборонительными обводами, за р.Аксу, крупный могильник севернее предполагаемого ремесленного поселка в кв.Ж-1 и крупные могильники на С-В окраине.

На схеме могильники показаны условным знаком буквы "М", подчеркнутые знаки указывают на могильники, составленные сохранившимися могильными холмиками и прямоугольными оградками из канавок и, видимо, судя по хорошей сохранности, являются поздним мусульманским кладбищем.

В системе сложных антропогенных напластований признаки могильников и их границы не всегда удастся установить уверенно, поэтому границы наиболее выдающихся могильных полей даны на схеме пунктиром, а многие могильники, видимо, еще не найдены.

Систему орошения ввиду ограниченной площади аэро съемки, восстановить полностью нельзя. Остается предположить, что она типичная; выше по течению рек Аксу и Кара-Балты имелись отводы магистральных каналов, из которых самотеком вода поступала в сложную систему орошения и питания города и окрестных полей.

На это указывает сам факт существования такого большого города, признаки отдельных водоемов, сложная разветвленная система орошения пригородного сельскохозяйственного района, играющая, кроме того, роль обороны своими двумя рядами ограждений. Подобные системы были широко распространены в зонах орошаемого земледелия. В различных вариантах они существуют и теперь.

В основном размеры участка составляют 0,1-0,3 га. Общая

площадь орошаемого земледелия в пределах аэросъемки 2000 га.

Кроме системы орошаемого земледелия, видимо, существовало неорошаемое земледелие. Следы его видны на фоне современной пашни в виде признаков между двух последовательных размежеваний за С-В частью внешнего оборонительного обвода. Узкие полосы их в 10-12 м пересекаются под острым углом почти перпендикулярно внешнему оборонительному обводу, упираясь в него. Для определения времени существования этих двух систем необходим анализ их изображения за участком данной съемки.

Демографическую оценку города и его ближайшей округи по современным аналогам дает возможность сделать изображение различных типов застройки. И, если чтение разновременных наложенных элементов дает возможность оценить динамику развития города, то оно же занижает надежность демографической оценки вследствие трудной читаемости нижних элементов и размытости границ.

Однако, учитывая изображение городской застройки под поздними полями орошения в ближайшей округе города, можно предположить, что городская застройка в период расцвета, занимала, видимо, площадь, несколько большую изображенной на схеме. Дальнейшее целенаправленное полевое исследование должно уточнить площадь городской застройки. Пока же определим ее примерно в 700 га. Исходя из общепринятых демографических оценок⁵ населения мусульманских ближневосточных городов в 500 человек на гектар, получим 350 тыс. человек.

В районе орошаемого земледелия в среднем на гектар приходится 7 построек. Если на каждую из них положить общепринятую норму в семь человек, то получим среднюю цифру населения на гектар 50 человек. Видимая площадь орошаемого земледелия в пределах аэросъемки составляет примерно 1500 га. Следовательно, на

этой площади могло проживать примерно 75 000 человек.

Площадь рядовой плотной застройки составляет примерно 1000 га. Если плотность населения в ней оценивать в половину городской, то получим еще 250 000 человек. Население бессистемной разбросанной застройки учитывать из-за его малости и неточных расчетов не будем. Тогда общее количество жителей в пределах отснятой площади в период расцвета города можно оценить в 675000 человек. А общее количество жителей в пределах всех оборонительных линий на площади примерно в 150000 га должно было превысить миллион жителей, что не противоречит общепринятым оценкам населения крупных городских центров раннего средневековья.

В заключение следует сказать, что здесь дан только предварительный общий обзор камерального анализа аэроснимков только одного крупномасштабного весеннего залета без полевого обследования и каких-либо сведений о городе, кроме его датировки. Предстоящие целенаправленные полевые исследования с опорой на аэрометод должны подтвердить или опровергнуть часть предположений, выдвинутых здесь.

При полевой оценке результатов аэрометода необходимо помнить, что многие признаки традиционным полевым методом просто неуловимы, поскольку их определяют химические, плотностные и влажностные микроразности строительных и культурных остатков или только древнее перемещение почвы, ныне отnivelированное временем. Поэтому знание проявления признаков на аэроснимках необходимо преодолевать в себе психологический барьер при мнимой потере объекта в поле. Надежность же дистанционного определения таких признаков доказана мною на примере выявления и фиксации древней топографии Ольвии.⁶

- 1 Дойль Лео. Полет в прошлое. М.: Наука, 1979.
- 2 Кожемяко П.Н. ...
- 3 Шишкин К.В. Применение аэросъемки для исследования археологических памятников, -СА, 1866, № 3.
- 4 Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья.М., Наука, 1969.
- 5 Массон В.М. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок. В сборнике "Первобытная археология". Киев: Наукова думка, 1980.
- 6 Шишкин К.В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей. - СА, 1982, № 3.

В.А.Грошев

ИРРИГАЦИЯ АКТОБЕ (ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА)

Территория Южного Казахстана в физико-географическом отношении подразделяется на три высотных пояса: горы, предгорья, равнины (пустынные низменности). Крупные земледельческие оазисы равнин сосредоточены в долине р.Сырдарьи и ее притоков. Удобные для поливного земледелия земли предгорий протянулись широкой полосой вдоль горных хребтов. Водными источниками для них служили многочисленные реки и речки, стекавшие со склонов окружающих гор. Орошаемые участки горного пояса базировались на мелких речках, ручьях, родниках. Каждая из природных зон имеет свои локальные климатические, гидрографические и геоморфологические признаки, которые в значительной степени обуславливали тип поливного земледелия. Проблема водоснабжения на территории Южного Казахстана является одной из важнейших, так как его территория относится к зоне аридного климата. Вследствие этого искусственное орошение земель с помощью различных видов ирригационных сооружений всегда было первостепенной задачей древних земледельцев юга Казахстана, а строительство оросительных систем и поддержание их в исправности являлось важнейшей отраслью общественного производства.

В трудах классиков марксизма-ленинизма высоко оценивается роль ирригации как решающего фактора социально-экономического прогресса в странах Востока. "Климатические условия, — писал К.Маркс, — своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия".¹ К.Маркс и Ф.Энгельс, отводя основную роль ирригации в земледелии стран с жарким климатом и малым количеством осадков, постоянно подчеркивали, что ее развитие происходит по общим законам истории человеческого общества.² В то же время материалы изучения оросительных сооружений в Средней Азии показывают, что для каждой историко-культурной зоны характерны свои особенности прогресса ирригации, который зависел от многих факторов (географического, исторического, временного и т.д.) и имел специфические пути и темпы роста в каждом из первоначальных очагов орошаемого земледелия.³ Об этом же свидетельствуют и археолого-топографические материалы, полученные при наземном обследовании остатков оросительных сооружений городища Актобе.

Основой полевых изысканий служили наземные маршруты, которые проходили по всей длине магистральных каналов, распределительной и оросительной сети. В процессе поисков проводилась нивелировка и топосъемка гидротехнических узлов и сооружений, закладывались раскопы. После получения срезов изучалась стратиграфия осадков, накопившихся на дне гидротехнических сооружений. Механический состав наносов: песок, супесь, суглинок и глина в различных вариантах — все это служило вещественным доказательством работы каналов. Почвенные разрезы агроирригационных планировок позволяли установить толщину культурного слоя.

Полевые исследования сопровождались топографической съемкой, сбором датирующего материала, фотографированием и т.д. Выявление средневековых оросительных систем и их датировка затруднялись тем обстоятельством, что земли древнего орошения расположены в зоне вторичного освоения, поэтому трассы каналов частично скрыты современными полями или используются в действующих системах: головные сооружения, как правило, полностью уничтожены. За основу датировки каналов брался керамический материал, обнаруженный в заполнении или на поверхности гидротехнических сооружений. Определению разновременности каналов помогало и чисто визуальное наблюдение их микро топографии: сохранность, неодинаковое расположение русел относительно современной поверхности, пересечение друг с другом и т.д. Важным моментом являлся учет факта переноса истоков оросительных систем, так как известно, что река постоянно углубляет свое русло и водозаборы периодически приходилось переносить вверх по течению в целях самоточной подачи воды на командные отметки подлежащей орошению местности.

Наиболее раннее упоминание об искусственном орошении в Чуйской долине мы находим у Сюань-Цзяня, посетившего в 630 г. этот район. Возделывались, в основном, просо и пшеница.⁴ Другое сообщение об ирригации Чуйской долины относится к середине XIII в. В это время здесь побывал путешественник Чань-Чунь, который отметил широкое развитие земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении при помощи сильно разветвленной сети каналов.⁵

В.В.Бартольд, производивший разведку археологических памятников Чуйской долины в 1893-1894 гг., на основании находок злаков ячменя, пшеницы и массивных каменных жерновов от водяных мель-

ниц сделал вывод о товарном производстве хлеба в Чуйской долине уже в УП–УШ вв. Найденные им косточки урюка, высохших семян тыквы, дыни, арбуза доказывают, по его мнению, что уже тогда существовали сады и бахчи, орошавшиеся развитой сетью каналов.⁶

По мнению А.Н.Бернштама, занимавшегося археологическими раскопками ряда памятников Семиречья, большое значение в развитии поливного земледелия в Чуйской долине имело согдийское влияние.⁷

Вопросов водоснабжения Чуйской долины касался в своих работах и П.Н.Кожемяко. В них он говорит о том, что весь комплекс природных условий Чуйской долины: теплый климат, плодородные почвы, наличие многочисленных рек смешанного питания – все это благоприятно отражалось на развитии искусственного орошения края. Многочисленные речки не требовали большой затраты труда на строительство каналов. Вследствие этого, – замечает автор, – не было необходимости использования многоводной реки Чу. В качестве примера он приводит орошение городища Актобе, где им были отмечены многочисленные каналы.⁸

Об остатках хорошо развитой оросительной сети на прилегающей к основному бугру Актобе местности упоминает в своих работах и Г.И.Пацевич.⁹

Археолого–топографическое обследование территории в районе городища Актобе, проведенное автором статьи, позволило выявить остатки трех ирригационных систем, орошавших близлежащие земли и снабжавшие водой городище Актобе в период средневековья. Это магистральные каналы Дода–арык, Оразали–арык, Кожай–арык (названия даны по сообщениям местных информаторов). Все они выведены из реки Аксу, левого притока реки Чу.

Как показало обследование, наибольшее значение в период жизни Актобе имела система Дода-Арык, которая орошала всю левобережную территорию городища. С ее помощью снабжалось водой городское водохранилище, откуда вода по подземному водопроводу из керамических труб-кубуров поступала в цитадель. Кроме этого, Дода-арык заполнял водой все усадебные и замковые хаузы.

Исток магистрального канала Дода-арык обнаружен в пяти километрах вверх по Аксу от центрального бугра городища. Водозаборное сооружение до наших дней не сохранилось. На местности прослеживаются лишь остатки головного канала, отходящего от Аксу под углом в $60-70^{\circ}$ в месте ее естественного загиба. Ширина магистрального канала на этом участке составляет 5м, глубина 0,7м. Длина холостого пробега воды в канале около 1,5 км. На этом участке от него отходят распределительные каналы.

Рабочая часть начинается сразу за второй оборонительной стеной и идет вдоль второй надпойменной террасы р.Аксу, повторяя ее изгибы. Затем трасса Дода-арыка проходит по возвышенной части водораздела рек Аксу и Карабалты и согласно уклону местности от наивысшей точки идет в направлении основных развалин Актобе. Этот отрезок магистрали протяженностью около 1 км был спланирован относительно рельефа местности с уклоном с юга на север. Вследствие значительного уклона древние строители проводили трассу, поочередно меняя направление меридиональное на широтное, тем самым придавая необходимую скорость течения воды в искусственном русле.

Водоразделом территория Актобе разделена на две части: восточную со значительным уклоном в сторону поймы реки Аксу (участок шириной около 50м) и западную с незначительным уклоном

в сторону реки Карабалты (длина участка от 2 до 2,5 км)

Орошение и снабжение водой усадеб, расположенных в восточной части, происходило с помощью двух распределителей. Ширина их 1,5-1,7 м. Ширина отвалов 1 м, высота их 0,2-0,3 м. Сохранившаяся глубина 0,7-0,8 м. Около ответвления распределителя от основной магистрали сохранились остатки агроирригационной планировки. Это хорошо спланированный участок прямоугольной формы с размерами сторон 25x40 м. На нем хорошо прослеживаются остатки гряд шириной 2-2,6 м и поливных арчиков между ними шириной 0,6 и глубиной 0,2 м. Весь участок огражден земляным валиком высотой 0,5 м, шириной 1 м. Вероятно, это остатки или виноградника, или бахчи. Другой участок, на котором сохранились гряды, обнаружен на расстоянии 50 м вниз по распределителю от предыдущего. Размеры его 10x15 м. В микро топографии четко читаются гряды шириной 1,2-1,5 м. Ширина поливных борозд 0,5 м, глубина 0,1 м. Подобные планировки характерны, как правило, для виноградников.

Западная часть, огражденная валом, обеспечивалась водой непосредственно из магистрального канала и его многочисленных распределителей и оросителей. На расстоянии 3 км от истока трасса магистрального канала разветвляется на два рукава. Одна ветвь, выдерживая прежнее направление с юга на север, прослеживается вдоль одной из центральных улиц вплоть до цитадели, где цитала водой водохранилище. Затем ее трасса с западной стороны обгибала центральный бугор, проходила по северной части городской территории и за оборонительной стеной в 1,5-2 км от основных развалин подходила к руслу Аксу. Таким образом, протяженность оросительного канала Дода-арык составляла около 8 км. Другая ветвь отходила в северо-западную сторону. С ее помощью орошалась

западная часть сельскохозяйственной округи. Протяженность этой ветви составляла около 2 км. Сброс остатков воды производился в реку Карабалты. Вся трасса западной ветви прокладывалась с учетом двухстороннего командования по середине земель, удобных для полива. Вследствие незначительного уклона планировать поля не представляло больших трудовых затрат. Наземное обследование показало, что вся территория, лежащая к западу от водораздела Аксу - Карабалты вплоть до поймы последней сплошь покрыта агроирригационными планировками. Поля имели разнообразную конфигурацию и, как правило, ограждены различными по высоте и ширине земляными валиками. Орошение их осуществлялось с помощью множества распределителей и оросителей.

Среди планировок полей определенной интерес представляет система рисовых чеков. Они имеют прямоугольную или подпрямоугольную форму с хорошей планировкой размерами 6x8 м, 10x12 м и т.д. По периметру чеки ограничены земляными валиками шириной 0,6 м и высотой 0,4 м, с проемами в одной из сторон, от которых сохранились ложбинки шириной 0,3 м. Полив чеков производился затоплением. В оросителе с помощью земляной перемычки поднимался уровень воды, которая заполняла близлежащий ряд чеков, затем вода поступала в следующий ряд и т.д. В конечной стадии вода поступала из чеков в коллектор (ширина 2 м) и затем сбрасывалась в реку Карабалты.

Кроме рисовых чеков, вдоль западной ветви Лода-арыка сохранились и обширные поля, очевидно, рассчитанные под зерновые. Это хорошо спланированные земельные наделы подквадратной и подпрямоугольной формы со сторонами 20x30 м, 50x50, 50x60 м и т.д. Характерной особенностью их является то, что вместо земляных

валиков по периметру они имеют оросители, отвалы которых и служили для задержания воды. Имеются планировки разделами 25x30, 35x40 м, которые по периметру ограничены земляными валиками шириной до 2м и высотой 0,5м. Вероятно, эти поля рассчитывались на больший объем и предназначались, очевидно, под возделывание влаголюбивой зерновой культуры. Другой разновидностью агроирригационных планировок являются поля, ограниченные валиками и имеющие арчьи (ширина 0,4-0,5 м), примыкающие к внутренней стороне валиков. Встречены также планировки, обширные по своим размерам: 50x100 и 75x100 м, ограниченные оросителями с широкими (до 2м) отвалами. Высота отвалов 0,7-0,8м. Интересно, что в центре этих планировок имеются небольшие канавки (ширина 0,3, глубина 0,1м).

Правобережная территория городища Актобе орошалась с помощью двух оросительных систем - Оразали-арык и Кожай-арык. Первая система снабжала водой северо-восточный массив, расположенный на возвышенной надпойменной террасе, вторая - северный массив, расположенный непосредственно в пойме р.Аксу.

Исток Оразали-арыка расположен в 4,5 км вниз по течению Аксу от водозабора Дода-арыка. В настоящее время реконструированная головная часть используется для обеспечения водой современного колхоза им.Калинина Чуйского района и его сельскохозяйственных угодий. Старое русло Оразали-арыка сохранилось частично и фиксируется только в местах изгибов. Ширина ложа около 5м; глубина 0,7м. Ширина отвалов 3м, высота 0,9 м. Предполагаемая протяженность около 3 км.

Головной участок Кожай-арыка обнаружен в 0,5 км вниз по течению Аксу от современного водозабора. У истока сохранился участок земляной дамбы в виде оплывшего вала. Русло канала едва прослеживается на поверхности между руслом реки и первой надпойменной террасой. Длина трассы около 4 км.

Подъемный керамический материал позволяет отнести функционирование всех систем к VI-XII вв.

-
- ¹ К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.9, с.132.
  - ² К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.20, с.152-500.
  - ³ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948; Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, вып.73 - М.-Л., 1959; Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
  - ⁴ Бартольд В.В. Соч., т.3, М., 1965, с.561-568.
  - ⁵ Бартольд В.В. Соч., т.4, М., 1965, с.53-54.
  - ⁶ Бартольд В.В. Соч., т.П, ч.1, М., 1963, с.203.
  - ⁷ Бернштам А.Н. Труды САЭ. "Чуйская долина" МИА, № 14. М.-Л., 1950, с.73.
  - ⁸ Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с.6-8.
  - ⁹ Пацевич Г.И. Археологические памятники района среднего течения реки Чу. - "Известия АН КазССР", сер., археолог., 1949, вып.3, с.13.

Изучение и популяризация истории городов – одна из важнейших проблем современной исторической науки. Город играл выдающуюся роль в различных ситуациях социально-экономической жизни, классовой борьбы, в политической и культурной жизни народов на всех этапах исторического пути.

История возникновения и развития города Чимкента, занимающего одно из ведущих мест в экономической и культурной жизни республики, уходит своими корнями в далекое прошлое. Благоприятный для жизни район расположения Чимкента, бассейн реки Арыси является одним из древнейших центров оседлости, ирригационного земледелия и городской цивилизации Казахстана. Многолетние археологические исследования доказали, что эта территория была заселена уже в эпоху нижнего палеолита¹, а в начале первого тысячелетия н.э. здесь интенсивно протекал процесс зарождения оседло-земледельческой культуры.²

Уже первые исследователи обращали внимание на археологические памятники, находящиеся на территории и в окрестностях города. Крупнейший русский востоковед В.В.Бартольд в 1893 г. писал, что "все пространство от Чимкента до Сайрама прорезано высохшими арыками – ясное доказательство, что местность некогда была населена гораздо гуще, чем теперь"³, а позже отметил глубокую древность земледельческой культуры в этом районе.⁴ В 1915г. В.Д.Городецкий сделал первую попытку учета археологических памятников окрестностей Чимкента и Чимкентского уезда.⁵

К сожалению, специальных археологических исследований на территории Чимкента не проводилось, если не считать те незначительные пробные раскопки, сделанные Н.П.Остроумовым в 1893г.⁶,

что не позволяет нарисовать более ясную картину его возникновения. Еще в 1940 г. газета "Правда Южного Казахстана" сообщала, что из 10 курганов, расположенных в юго-восточных окрестностях города, 8 уже раскопаны кладоискателями. На поверхности этих курганов и пахотных земель были найдены каменные орудия труда.⁷

Почти все разновременные археологические памятники, находившиеся на территории и в ближайших окрестностях города, к настоящему времени уничтожены, срыты или застроены жилыми массивами.

Первое упоминание о Чимкенте в известных науке письменных источниках относится к 1366 г. В "Зафар-наме" Шараф-ад-Дина Али-Йазди назван Чимкент как "селение около Сайрама".⁸ Однако обживание района Чимкента, как было отмечено выше, началось значительно раньше, чем упоминается город в источниках. Главным городом этого района долгое время оставался Сайрам, находившийся в 12 км от Чимкента. Поэтому исторические судьбы Чимкента тесно связаны с этим средневековым городом.

Сайрам – древний Испиджаб – известен по источникам еще в VII в., а в IX в. назван величайшей пограничной крепостью. В начале X в. Испиджаб известен не только как укрепленный пункт, но и как богатый торговый центр на Великом шелковом пути. "Постройки города из глины, – писал географ X в. ал-Истахри, – его рынки переполнены, он обилён плодами, в нем – богатые урожаи и много всяких полезных вещей. Вокруг него много городов и селений".⁹

Возвысившись в эпоху раннего средневековья, благодаря своему выгодному положению в плодородной долине и на стыке важнейших торговых путей, Испиджаб многие века играл господствующую роль не только в земледельческой округе, но и по отношению к землям Отрарского и Таразского оазисов, которые входили в орбиту его экономического, политического и культурного влияния.¹⁰ После

Джунгарского нашествия город не смог оправиться и постепенно роль административного и экономического центра района с середины XVIII в. переходит к соседнему Чимкенту.¹¹

В русских источниках Чимкент известен с 1735 г. под именем города Чилина, находившегося во владениях ханов Большой Киргизской Орды.¹² По сведениям М.Поспелова и Т.Бурнашева, посетивших Чимкент в 1800 г., "после Ташкента первым почитается ныне город Чемеңгень, в коем считается до 700 домов, около одного есть еще до 10 небольших селений. Все оные обнесены нетолстыми глиняными стенами и по большей части находятся на возвышенных местах".¹³

Один из первых русских путешественников, направленный в 1813 г. с дипломатической миссией в Коканд, Филипп Назаров приводит довольно подробное описание города: "Чимкент находится при реке Бодаме: выстроен на возвышенном месте и обнесен яру весьма высокою стеною. Въезд в город со стороны реки по узкой дороге, не позволяющей ехать иначе, как в одну лошадь. Вода, пущенная из реки чрез сделанные в стене окошки, наполняет ископаные в городе каналы, на коих построены мельницы. Дома выстроены из нежженого кирпича, наподобие китайских, без окон, почему для свету в квартирах везде видишь растворенные на улицу двери. Женщины их довольно пригожи, обходительны и не скрываются от мужчин".¹⁴

Как известно, в начале XIX в. феодальное Кокандское ханство захватило южные казахские степи с городами Чимкент, Туркестан и Аулие-Ата. Завоевание сопровождалось массовыми истреблениями мирных жителей. "Переночевав, - писал Ф.Назаров, - отправились на туркестанский город Чимкент, завоеванный коканцами, близ коего видели обиталище прежних киргизов,^X их сады, курганы и поля. Теперь все это задустело..."¹⁵

Чимкент, как и все другие среднеазиатские города, в середине

XIX в. был типичным феодальным городом. Городская стена с окружностью около 6 км.¹⁶ имела 5 ворот.¹⁷ На высоком холме на юго-восточной части города находилась цитадель, где жил со своим гарнизоном чимкентский бек — ставленник ташкентского правителя.

Основными занятиями жителей Чимкента были различные виды ремесла, торговля и земледелие.

Ремесленники многих отраслей обычно работали в лавках, где продавали свои товары. Они пользовались самыми примитивными инструментами и орудиями.

А.К.Гейнс в своих дневниках писал: "В четвертой (лавке) в стройном порядке висят узды, напрудники и подхвостники, лежат седельные арчакки, войлочные разных цен крылья к седлам, стремена, ремни. Сарт,^X сидящий тут, вооружен шилом и вместе с другим человеком, вероятно, подмастерьем, увеличивает свое богатство шитьем нового чапрана".¹⁸

Расположение Чимкента в узле караванных путей, связывающих среднеазиатские ханства с казахской степью, Россией и Западным Китаем, способствовало здесь развитию транзитной и внутренней торговли. Об этом свидетельствует наличие в городе в середине XIX в.: 252 торговых лавок и двух караван-сараяв. Из них около 20 принадлежали купцам, торговавшим русским товаром.¹⁹

Большое место в жизни населения Чимкента занимало земледелие. Оно являлось основным занятием значительной части жителей города. Многие ремесленники в летнее время обрабатывали землю и питались продуктами своих огородов и полей. Полуаграрный характер Чимкента продолжал сохраняться и в начале XX в., что было связано с еще неполным отделением ремесла от земледелия.

Городские земли, предназначенные для земледелия, занимали довольно обширную площадь. Так, по свидетельству А.К.Гейнса,

земли города простирались от Кочкаратинских ключей "до того места, куда хватает воды: от Сайрамских земель до Бадаму пять верст; от Канка до того места, куда пойдет вода".²⁰

Об этом же говорит разветвленная сеть водного хозяйства города. Арыками городских пашен заведовали шесть аксакалов. Из числа полевых арыков города - Янчай, Темир, Чокай, Кунту, Боккайнат, проведенные из реки Бадама, - состояли в ведении одного аксакала. Арыки Кош-Тигерман, Сасык, Алтын-Тюбе, Мунтлык и Канка заведовались каждый отдельным арык-аксакалом, потому что "эти арыки велики и орошают много полей".²¹ В это число не входили арыки, проходящие через город и находившиеся в ведении городского аксакала. В город собственно вода была проведена из речки Кочкарата.

В климатических условиях Чимкента орошение являлось важнейшим условием развития земледелия. Распоряжавшиеся водой арык-аксакалы обеспечивали водой прежде всего поля богатых лиц.

Среди жителей города, наряду с массой мелких хозяев, были и крупные земельные собственники, владевшие в окрестностях города довольно обширными участками орошаемой и обрабатываемой земли. Им предоставлялись различные льготы. Они были освобождены от уплаты податей и других повинностей.

Самыми крупными землевладельцами города были наместники Ташкентского бека в Чимкенте, его приближенные и родственники. Пользуясь своим положением, они стремились любыми средствами приобрести наиболее плодородные земли. По свидетельству А.К.Гейнса, "большая часть земледельцев имела документы на право владения".²²

Наряду с землями, находящимися в частной собственности, в окрестностях города были так называемые общественные земли, которые каждые три года перераспределялись между жителями города,

желающими заниматься земледелием. С этой целью жители группировались в коши.^X Среди них были богатые люди, имеющие несколько кошей, и такие, которые собираются в числе нескольких хозяев для составления одного коша. Общественные земли распределялись пропорционально количеству кошей. Таким образом, по своей сути, эти общественные земли были на деле собственностью богатых лиц.

Административная, полицейская, частично судебная власть в городе сосредоточивалась в руках бека или хакима, назначаемых ташкентским правителем. Бек города назначался одновременно и правителем округа.

Город был разделен на две административные части, управляемые аксакалами, которые подчинялись непосредственно беку. Жалованья аксакалы не получали, вместо него им отдавалась по усмотрению бека часть сборов, а главное, имели право безнаказанно обирать население подчиненной им части города.

Бек назначал раиса города, обязанности которого носили как полицейский, так и религиозный характер. Он должен был следить за воспитанием людей в строгих правилах корана, сохранением благочиния и порядка на базарах и т.д. Раис имел в своем подчинении прислужников. Ни раис, ни его подчиненные жалованья не получали, а собирали с жителей так называемые "добровольные пожертвования". Эти поборы ложились тяжелым бременем на городское население.

Особенности судоустройства в Чимкенте, как и в других городах Средней Азии, мало чем отличались прежде всего потому, что имели общую единую основу — шариат. Город по судебным делам разделялся на две части, в каждой из которых юрисдикция принадлежала одному казию.

Из двух казиев, имевшихся в Чимкенте, один являлся казий-каляном (главный судья), которому подчинялись казии всех шести

селений Чимкентского округа. В Чимкенте происходили съезды казиев округа под председательством бека и на них решительный голос имел казий-калян.

Сфера деятельности казиев была обширна: они разбирали как гражданские дела, так религиозные и уголовные. По имущественным спорам компетенция казия была неограниченной. За преступление казий мог присуждать виновного к телесным наказаниям плетьюми, к отсечению рук и ног.

За соблюдением жителями религиозных установлений корана и шариата следил шейхулислам - глава мусульманского духовенства. Он также ведал сборами в пользу мечетей и духовенства.

Другое судебное лицо - муфтий - также назначался беком. В городе было 4 муфтия. На обязанности муфтия лежала консультация по юридическим вопросам, он составлял основание на шариате юридические заключения. Муфтии жалованья не получали, сполна компенсируя это получаемой от просителей платой за услуги.

Таким образом, вся административно-управленческая система была устроена так, что должностные лица, непосредственно связанные с населением, нещадно эксплуатировали народ и держали его в узде.

Подати с жителей города взимались со всего движимого и недвижимого имущества. Сбором податей ведал серкер, назначенный беком. Как откупщик он лично заинтересован в увеличении сбора податей. Серкер был облечен широкими полномочиями, он стогнял народ для чистки арыков, устройства плотин, разбирал споры водопользователей. Арык-аксакалы всех шести окрестных селений подчинялись чимкентскому серкеру. Вместе с тем, серкер зависел, кроме бека, от таких влиятельных лиц, как казий, ишан и т.п., поэтому он старался угодить всем, нещадно обирая народ, увеличивая подати на землю, воду и т.п.

Основным налогом был харадж - поземельная подать - рента, которая составляла пятую часть урожая. С земледельцев города Чимкента и шести окрестных селений ежегодно взималось 60 тыс пудов зерна.²³ Со скота и товаров собирался зякет. Сверх этих основных налогов существовало большое число разнообразных сборов и повинностей. К таким сборам относился целый ряд поборов в пользу правителей, сборщиком налогов и различных должностных лиц, денежный налог на сады и виноградники, сбор на нужды войска.

Кроме этого, в обязанности жителей города вменялось строительство и ремонт в порядке трудовой повинности стен города, ремонт и строительство ирригационных сооружений, мечетей и т.п.

Таким образом, трудящиеся Чимкента и округа были обременены многочисленными налогами, поборами и повинностями. Налоговая система была орудием феодальной эксплуатации.

Особенно тяжело было положение казахских трудящихся. Кокандские феодалы установили над ними режим зверской эксплуатации и террора. Население облагалось непомерными налогами. Наименование налогов, податей и сборов доходило до нескольких десятков.²⁴ Зякет с баранов являлся самой доходной статьей кокандской казны. Кокандскими зякетчиками в Чимкентском округе ежегодно собиралось до 25 тыс. баранов.²⁵ У егиншей-казахов Чимкентского округа забиралась одна треть урожая, которая составляла 38 тыс. рублей серебром ежегодно.²⁶

Помимо бесчисленного количества "законных" и незаконных поборов население дополнительно облагалось различными чрезвычайными налогами - ханскими податями, размеры которых не были определены, а зависели от прихоти хана и его чиновников и взимались со всевозможными несправедливостями и притеснениями.²⁷

Доведенные до отчаяния, крестьяне-скотоводы и земледельцы

не раз поднимались на борьбу с кокандскими феодалами. В 1821 г. вспыхнуло сильное восстание против кокандского владчества, в котором участвовали казахские шаруа из окрестностей Чимкента, Аулие-Аты (ныне г. Джамбул). Во главе восстания стал Тентек-тюре, под руководством которого сражались до 12 тыс. повстанцев.²⁸ Восставшие овладели крепостями Сайрам и Чимкент, которые сделали своими опорными пунктами.

После жестокого подавления восстания произвол и насилие кокандских властей приняли небывалые масштабы. При участии Ташкентского бека Мирзы-Ахмета — заместника хана — кокандские чиновники отбирали у казахского населения орошаемые плодородные земли и пастбищные угодья, передавали их своим приближенным. Мирза-Ахмет беспощадно взыскивал с местного населения зякет, а у бедняков, обремененным недоимками, забирал детей и продавал в рабство.²⁹ Появление вооруженных отрядов зякетчи в аулах было равносильно вражескому налету: табунами угоняли скот, убивали мужчин, а девушек и молодых женщин забирали в плен.

Бесчинства кокандцев переполнили чашу терпения народных масс. Наиболее мощным выступлением казахских трудящихся против гнета кокандских феодалов было восстание, начавшееся в марте 1858 г. Повстанцы разогнали вооруженные отряды, взимавшие подати с населения в окрестностях Чимкента, и убили племянника Мирзы-Ахмета — Мирзу-бия, одного пятисотенника и нескольких других кокандских чиновников,³⁰ окружили кокандские гарнизоны в Чимкенте, Туркестане и Аулие-Ате. Вскоре освободительное движение распространилось на всю территорию юга Казахстана, занятую кокандцами. Измена отдельных казахских феодалов, которые поначалу примкнули к восставшим, привела к поражению восстания.

Все это усилило стремление казахов, находившихся под влад-

чеством кокандского хана, принять российское подданство. Начался массовый уход казахов из районов Ташкента, Чимкента, Аулие-Аты в районы, присоединенные к России. Для обеспечения безопасности казахов от нападений со стороны кокандских отрядов царские власти построили ряд военных укреплений. Однако между Сырдарьинской и Семиреченской укрепленными линиями оставалась территория, через которую продолжали проникать на север, в глубь Казахстана, карательные отряды кокандских феодалов.

Перед русскими войсками встала задача - соединить Сырдарьинскую и Семиреченскую линии, окончательно освободить южные районы старшего жуза от кокандского господства. Практическое осуществление этого плана возлагалось на оренбургского и западносибирского генерал-губернатора.³¹

Весной 1864 г. из Перовска (ныне г.Кзыл-Орда) выступил отряд под командованием полковника Веревкина, из Верного - отряд полковника М.Г.Черняева. За короткое время они овладели всей Чуйской долиной и крепостями Мерке, Аулие-Ата и Туркестан. 7 июля 1864г. Черняев выступил из Аулие-Ата на Чимкент. Понимая стратегическое значение Чимкента, правитель Кокандского ханства Алимкул сосредоточил здесь почти все свои наличные силы, усиленные артиллерией. Попытка Черняева овладеть Чимкентом окончилась неудачей. Встретив упорное сопротивление, он был вынужден в конце июля снять осаду.

Между тем, в Чимкенте развернулась борьба между приверженцами кокандской ориентации и сторонниками укрепления экономических и политических связей с Россией. В результате этой борьбы "Кипчакская партия" взяла верх, зарезав шесть главнейших представителей сартовской партии, желавших мира с русскими".³²

"Кипчакская партия", поддерживавшая военно-феодалынные круги

Кокандского ханства, стремилась к сохранению за ними возможности монопольной эксплуатации народных масс ханства, а потому была наиболее решительным противником подчинения России.

"Сартовская партия" отражала интересы торгово-ремесленных кругов, получавших большую выгоду от торговли с Россией и непосредственно заинтересованных в ослаблении феодального произвола.

После получения известий о предпринятом бухарским эмиром наступлении на Ферганскую долину Алимкул с частью войск направился в Ташкент. В Чимкенте остался десяти тысячный гарнизон, в вооружении которого состояло 23 орудия, 8 мортир большого калибра, значительное число легких пушек, крепостных и пехотных ружей.³⁴ Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Черняев вновь двинулся на Чимкент. Наступление велось с двух сторон: из Туркестана под командованием самого Черняева и из Аулие-Аты под командованием подполковника Лерхе. 22 сентября 1864 г. после непродолжительной осады Чимкент был взят штурмом.³⁵

При освобождении города плечом к плечу с русскими солдатами сражалась одна тысяча казахских воинов.³⁶ Примечателен также такой факт. Пытаясь насильно заставить казахов участвовать в борьбе против русских, Алимкул в Чимкенте велел одного из влиятельных биев Байзака привязать к отверстию пушки и разнести его на куски.³⁷ Все это свидетельствует об активном участии казахских трудящихся в освобождении города от господства кокандских феодалов.

Таким образом, освобождением Чимкента завершился почти полуторавековой процесс присоединения Казахстана к России, который стал поворотным пунктом в исторических судьбах многострадального казахского народа, создавший предпосылки приобщения его к революционной борьбе русских рабочих и крестьян.

Занятием Чимкента царское правительство приобретало важную военно-экономическую базу. Чимкент являлся центром обширного земледельческого района с густым населением и богатейшей обрабатываемой почвой, где русские войска могли обеспечиваться продовольствием в достаточном количестве. В связи с этим президент Географического общества в Лондоне Родерик Мурчисон отметил: "Оренбургский губернатор приказал постам оставить бесплодную страну, в которой войска почти не могли содержаться, а двинуть их к более плодородной земле, где находился город Чимкент".³⁸ Выгодное географическое положение Чимкента сделало его отправным пунктом для последующего продвижения в глубь Средней Азии, где в этот период резко обострилось англо-русское соперничество. Идя навстречу настойчивым требованиям растущей буржуазии, царское правительство решило опередить Англию и утвердиться здесь раньше.

После занятия Черняевым Чимкента усилилась группа русской ориентации и города Ташкента. Как указывает прибывший в Петербург в начале 1865 г. ташкентский житель Зейбуханов, пока Чимкент, считавшийся неприступной крепостью, не был взят, кокаандцы надеялись прогнать противника. Но, потеряв эту крепость, и всю артиллерию, они упали духом.³⁹ Это, несомненно, способствовало усилению сторонников сближения с Россией.

Уже в июне 1865 г. царские войска взяли Ташкент, наиболее важный центр всей Средней Азии.

---

¹ Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. — Алма-Ата: "Наука", КазССР, 1979.

² Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения долины реки Арыси (I—VIII вв.). Автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук. —

Алма-Ата, 1970.

- 3 Бартольд В.В. Отчет о командировке в Среднюю Азию. Соч., т. IУ - М., 1966, с. III.
4. Ето же. К истории орошения Туркестана. Соч., т. Ш, М., 1965, с. 222.
- 5 Городецкий В.Д. К археологии Чимкентского уезда. - Известия Туркестанского отдела РГО. - Ташкент, 1922, вып. I5, с. 99-108.
- 6 Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, 1896 г. Отдельные оттиски за июль и сентябрь, с. 50.
- 7 "Правда Южного Казахстана", 1935, 3 октября.
- 8 Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч., т. Ш, -М., 1965, с. 223.
- 9 Волли С. - Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. - ТИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, с. 78.
- 10 Агеева Е.И., Пацевич Г.Н. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. - ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, с. 129.
- 11 Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. I. - М., 1963, с. 277-278.
- 12 Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления, устройства края за 1735 и 1736 годы. - Оренбург, 1900, т. 2, с. 61.
- 13 Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. - Вестник РГО, 1854, ч. I, кн. I, отд. 6, с. 29.
- 14 Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. 2-е изд. - М., 1968, с. 33.
- 15 Там же, с. 32-33.
- 16 Бартольд В.В. Чимкент. Соч., т. III, М., 1965, с. 563.
- 17 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 2, СПб, 1808, с. 368.

- 18 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т.2, СПб, 1808, с.326-327.
- 19 Там же, с.372.
- 20 Там же, с.367.
- 21 Там же, с.362-363;
- 22 Там же, с.356.
- 23 Южаков Ю.Д. Наши приобретения в Средней Азии. "Отечественные записки", 1867, № 8, с.765.
- 24 Гейнс А.К. Указ.соч., с.368.
- 25 Южаков Ю.Д. Указ.соч., с.762.
- 26 Там же, с.765.
- 27 Гейнс А.К. Указ.соч, с.712.
- 28 Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. - Казань, 1886, с.119.
29. Григорьев В.В. Среднеазиатские дела. - М., 1865., с.77-78.
- 30 ЦГА КазССР, с-383, оп.1, д.81, л.25.
- 31 ЦГА УзССР, ф.715, д.26а, док.145,148.
- 32 Серебренников А.Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. - Ташкент, 1914, т.17, ч.1, с.76.
- 33 Там же, с.83-84.
- 34 Военный сборник, 1864, № 12, с.152.
- 35 Там же, с.151.
- 36 Там же, с.150.
- 37 Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. - СПб, 1894, с.16.
- 38 Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб, 1880, с.25.
- 39 ЦГА УзССР, ф.17, д.96861, л.4.

СООРУЖЕНИЕ КОЗЫ-КОРПЕШ

Этногенетические связи, экономические подъемы, культурные контакты, религиозные движения и многое другое отразилось в памятниках зодчества. Однако "История архитектуры Казахстана" разработана мало и о возрасте мазаров говорить пока что трудно. Даже самый популярный памятник - мавзолей казахских Ромео и Джульетты - Козы-корпеш и Баян-сулу в Прибалхашье (легенда о них привлекла внимание Пушкина) ученые датируют весьма осторожно - где-то между УШ и ХУ вв.¹

Предлагаемая статья посвящена обсуждению некоторых вопросов, связанных с памятником Козы-Корпеш. Наряду с датировкой, определением функционального назначения мы попытались увидеть живую связь рассматриваемого здания с историей.

Памятник Козы-Корпеш, расположенный в 5 км от с.Тансык Аягувского района Семипалатинской области, квадратное в плане сооружение (7,10х7,10 м) из каменных плит с единственным входом на северо-восток. Оно утратило свой первоначальный вид: еще до революции верхушка памятника была сбита артиллерийским снарядом, а производившие (1970г.) реставрацию заново переложили верхнюю часть, установили жестяной полумесяц, произвели внутреннюю штукатурку, побелку, устроили ложные надгробные возвышения.² Поэтому особую ценность как для исследования, так и для реставрации, представляют работы дореволюционных ученых, в частности книги Н.Н.Пантусова "Древности Средней Азии"³, где приведено описание и опубликованы фотографии объекта.

Как отмечалось выше, дискуссионным остается вопрос датировки. А.Х.Маргулан относит строительство здания к УШ-Х вв.⁴

Мендикулов М.М. - к XV-XVI вв.,⁵ Г.Г.Герасимов - к XIII-XV в.,⁶
Т.К.Басенов - к XVI в.,⁷ Я.А.Шер - X-XII вв.⁸ Исследователи,
предполагавшие, что сооружение возведено в послемонгольский
период, свои тезисы либо не аргументируют, либо опираются на
следующий довод "Строительство могло быть осуществлено лишь
в короткий срок из подручного материала без особой специальной
отделки и архитектурного художественного оформления".⁹ С этим
нельзя согласиться, ибо А.Левшин, во время посещения которого
здание еще не подверглось варварскому разрушению, описывает
его как "весьма тщательно построенное из каменных гладких
плит".¹⁰ Часть внешней облицовки просматривается на фотографиях
в книге Н.Н.Пантусова. Обработка такого строительного мате-
риала как камень, его перевозка в старину требовали значитель-
ных затрат труда.

Более вероятными представляются датировки А.Х.Маргулана и
Я.А.Шера. Последний, известный специалист по каменным изваяни-
ям, при обосновании своего вывода опирался и на иконографию
скульптур, находившихся внутри сооружения. По А.Левшину "в нем
три каменные статуи, из коих две, по словам киргиз-кайсаков,
изображают прославленных в сказках любовников: Баян Хана и
Куз-Курпяч, а третья - их служанку,¹¹ а согласно Ч.Ч.Валиханову,
"к стене приставлены четыре гранитных истукана".¹² Изваяния
со временем исчезли, и о внешнем облике мы можем судить по
рисунку Ч.Ч.Валиханова.¹³ Это не схематические плоские столбы
с процарапанными линиями лица, рук и т.д., какими является
большинство каменных изваяний Казахстана, а весьма вырази-
тельные объемные фигуры (рис. I). Статуи с сосудом в обеих руках,
в островерхих головных уборах, по исследованиям А.А.Чарикова,
относятся к IX-XII вв.¹⁴

Рис. I. Памятник Козы-Корпеш - поминальный храм кимаков.
Каменные изваяния, находившиеся внутри памятника Козы-Корпеш.

Факты находок особо выразительных изваяний в монументальном здании чрезвычайно интересны и находят аналогию только в памятниках Тюркского каганата, где "для поминальных сооружений знати характерна тщательно сделанная круглая скульптура, изображавшая погребенного, а также попарные изображения мужской и женской фигур. Парные мужская и женская скульптуры открыты на памятниках Кюль-тегин в Монголии, у поминальников знати в Сарыг-Булуке и Кызыл-Мажалыке в Туве.¹⁴ Таким образом, памятник Козы-Корпеш не мавзолей, где погребен покойник, а поминальное сооружение типа древнетюркских храмов.

В честь кого воздвигнуто монументальное здание? "Эти истуканы, как говорят, изображают героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По имени героя поэмы называется и могила Козу-Курпеш".¹⁵ Согласно эпосу, "Козы-Корпеш Баян-Сулу", Козы-Корпеш является сыном хана. Локализовать же ханство отца Козы-Корпеш в пространстве и во времени позволяет интересная деталь в эпосе: на поиски исчезнувшего хана собирают "числом одиннадцать народ", на поминки хана пришел "числом одиннадцать народ", одиннадцать человек во главе с сыном визиря едут сватать за Козы-Корпеш.¹⁶ Отсюда можно предположить, что ханство отца Козы-Корпеш делится на одиннадцать частей. В средневековой истории Казахстана лишь Кимакский каганат состоял из 11 областей: согласно "Худуд ал-алам" "хакан кимаков имеет одиннадцать управителей и их уделы передаются по наследству детям этих управителей", по Ал-идрису, у хакана столица и одиннадцать городов.¹⁷

Кимакский каганат, существовавший в IX-XI вв., представлял сильное государство. Кимаки имели поселения, где развивались ремесла, "замки, величественные строения",¹⁸ пользовались рунической письменностью. Ал-Идриси писал: "Царь кимаков - один из великих

царей по своей мощи и один из славных по своим достоинствам... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него подобные действия."²⁰

Кимаки придерживались многих обрядов и обычаев тюркского каганата, большое распространение имел культ предков.²¹ Анализ арабских источников позволил Б.Е.Кумекову определить, что в Xв. кимаки наиболее компактно жили на среднем течении Иртыша, а позже и в Северо-Восточном Семиречье.²² Именно в сердцевине этой области и располагается рассматриваемый памятник.

Примечателен и другой факт в эпосе: отец Баян-Сулу принадлежал "туркменам".²³ Термином "туркмен" обозначалась часть карлуков и огузов, обитавших в X-XII вв. в Семиречье и Присырдарьинских областях, т.е. ближайшие соседи кимаков.²⁴ Конечно, эпос не является фактографической хроникой, но в нем находят отражение моменты этнополитической ситуации, в конкретном случае Юго-Восточный Казахстан в X-XII вв. "Козы-Корпеш-Баян-Сулу" известен у казахов, татар, башкир, алтайцев, т.е. у народов, в этногенезе которых кимаки сыграли видную роль, и это также указывает на время возникновения эпоса.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод: сооружение Козы-Корпеш является поминальным храмом, воздвигнутым не ранее Xв. и не позднее XI в. в честь одного из членов правящей династии Кимакского каганата (вполне вероятно, что Козы-Корпеш - реальное историческое лицо и является кимакским принцем). Он был, видимо, как и Кюль-тегин, Билге-каган, Тоньжук, объектом полугосударственного, полуплеменного культа, остатки которого дожили до XIX в. и наблюдались А.Левшиным: "Верующие в подлинность

сих изображений приносят им жертвы".²⁵

Представляется необходимым проведение археологических вскрытий вокруг памятника. По аналогии с поминальными сооружениями Таркского каганата можно ожидать открытие стел с рунической надписью, каменных изваяний, остатков настенных росписей в толще штукатурки.

-
- 1 Формозов А.А. Археологические путешествия. - М., Наука, 1974, с.90.
  - 2 Сембин М. Отчет о командировке для обследования мавзолея Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Алма-Ата, 1977. - Архив института "Казпроектреставрация". Инвентарный номер 93.
  - 3 Пантусов Н.Н. Древности Средней Азии. Казань, 1902. с.17-18.
  - 4 Маргулан А.Х. Архитектурные памятники в долине р.Кенгир. - Вестник АН КазССР, 1947, № II, с.62.
  - 5 Мендикулов М.М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана. - Известия АН КазССР. Сер. Архитектурная, 1950, вып.2, с.16.
  - 6 Герасимов Г.Г. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957, с.50.
  - 7 Басенов Т.К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957, с.17.
  - 8 Шер Л.А. Каменные изваяния Семыречья. М.-Л., Наука, 1966, с.46.
  - 9 Басенов Т.К. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957, с.17.
  - 10 Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть I, СПб., 1832, с.206.
- II Там же.

- I2 Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще. - Ч.Ч.Валиханов. Собр.соч. в 5 томах.Т.Ш,Алма-Ата, Наука, 1964, с.34.
- I3 Валиханов Ч.Ч. Графическое наследие. Алма-Ата: Наука,1972, с.85.
- I4 Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья. - СА, 1979, № 2. с.181.
- I5 Там же, с.35.
- I6 Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще. - Ч.Ч.Валиханов Собр.соч. в 5 томах.Т.Ш. Алма-Ата: Наука, 1964. с.36.
- I7 Батырлар жыры. Алма-Ата,1963,с.482,489,483,490,492. (перевод наш).
- I8 История Казахской ССР.Т.1, Алма-Ата: Наука, 1977,с.369-370.
- I9 Кумеков Б.Е. Сообщение Ал-Идриси (XIV.)о странах кимаков и карлуков.- в кн.:Казахстан в эпоху феодализма.Алма-Ата: Наука, 1981, с.18
- 20 Там же, с.17.
- 21 Плетнева С.А. Кочевники средневековья.М.,:Наука,1982.с.98.
- 22 Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата:Наука,1972, с.58.
- 23 Батырлар жыры. Алматы, 1963, с.472.
- 24 Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата:Наука, 1972, с.58; Зувев Ю.Е. Историческая проекция казахских генеалогических преданий.- в кн.: Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата:Наука, 1981,с.73-74.
- 25 Левшин А. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.1.СП., 1832, с.206.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

I. Байпаков К.М. Раннесредневековая городская культура Южного Казахстана.	3-14
2. Шалекенов У.Х. О раскопках на городище Актобе (1979-1983гг.).	15-39
3. Алдабергенов Н.О. Раскопки шахристана на городище Актобе.	40-53
4. Елеуов М.Е. К вопросу о системе обороны раннесредневековых городов и поселений Чуйской долины.	54-70
5. Бурнашева Р.З. Монетные находки с городища Актобе (Чуйская долина).	71-87
6. Жолдасбаев С.Ж. Однослойные поселения среднего течения Сырдарьи (X-XII вв.)	88-99
7. Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана.	100-110
8. Шишкин К.В. Камеральное обследование городища Актобе с помощью аэрометода.	111-128
9. Грошев В.А. Ирригация Актобе (Чуйская долина).	129-137
10. Мырзабеков К. Чимкент в середине XIX века.	138-151
II. Ходжаев М.Б. Сооружение Козы-Корпеш.	152-158.

Сводный план 1985 г., позиция 86.

История средневековых городов Южного Казахстана

Редактор Муратова Б.А.

Подписано в печати 2.04.86 г. объем 7 п.л.

Формат 60x84 1/16

УГ 30058

Тираж 500 экз.

Цена 1 руб.10 коп.

Заказ № 1674.

г.Алма-Ата, КазГУ, ул.Тимирязева, 46, тел.44-31-59

Типография оперативной печати производственного объединения полиграфических предприятий "Кітап" Государственного комитета КазССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г.Алма-Ата, ул.К.Маркса, 15/1.

1 руб. 10 коп.